

2018 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Психология профессиональной деятельности

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Правовые и организационно-методические аспекты проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа при проведении отбора в правоохранительные (государственные) органы: состояние и перспективы развития.....1-24

Гончарова Н.А., Костылева И.В.

Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессиогенеза25-33

Кубышко В.Л., Крук В.М., Носс И.Н., Бородина Т.И.

Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов34-47

Филимонов О.В.

Образовательная социализация адъюнктов в Академии управления МВД России: проблемы и пути решения48-59

Конев А.Н., Павличенко Н.В., Ульянина О.А.

Практика реализации комплексного подхода к подготовке научно-педагогических кадров в Академии управления МВД России60-82

Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А., Потарыкина М.С., Мешков И.А.

Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД83-96

Московская М.С., Булыгина В.Г.

Гендерные различия в восприятии стресса у работников следственных органов97-110

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Гульдан В.В., Сулим О.Н., Сухотин А.А.

Правовые аспекты участия специалиста-психолога в исполнительном производстве, связанном с воспитанием детей (Часть II)
.....111-122

Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В.

Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании123-134

Кроз М.В., Ратинова Н.А.

Исследование психологических особенностей коррупционных преступников с помощью проективной методики135-149

Сафуанов Ф.С., Телешева К.Ю., Мямлин В.В., Киренская А.В.

Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии150-166

Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М.

Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде167-178

Дворянчиков Н.В., Юшина Н.Н., Макарова Т.Е.

Особенности гендерной идентичности при педофилии и их роль в реализации аномального сексуального влечения179-189

Захарова Н.М., Баева А.С., Соболев Н.А.

Социально-психологические последствия современного терроризма190-205

Котенева А.В., Лихачева С.Н., Кокурин А.В.

Социально-психологические особенности лидеров несовершеннолетних осужденных206-225

Ошевский Д.С., Терехина С.А., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А., Сыроквашина К.В., Александрова Н.А.

Клинико-психологические аспекты экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых.....226-239

Междисциплинарные исследования

Ходякова Н.В., Митин А.И., Хухлаева О.В.

Проектирование личностно развивающих педагогических систем с учетом образовательных потребностей обучающихся и факторов социокультурной макросреды240-253

Правовые и организационно-методические аспекты проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа при проведении отбора в правоохранительные (государственные) органы: состояние и перспективы развития

Виноградов М.В., заместитель начальника отдела организации психологической работы, Департамент государственной службы и кадров МВД России (vmtifa@mail.ru)

Ульянина О.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (lelia34@mail.ru)

В статье рассматриваются существующие проблемы в организационном, процедурном и нормотворческом аспектах проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа. Обсуждаются основания для проведения подобной проверки, анализируется практика проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в различные ведомства в Российской Федерации. Оценивается эффективность подобной процедуры при отборе. Приводятся статистические данные по распространенности выявляемых факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения среди кандидатов на службу в органах внутренних дел. На основании представленных данных обсуждается влияние многоступенчатой системы отбора на комплект кадров в органах внутренних дел. С учетом выделенных проблемных вопросов в деятельности специалистов полиграфологов анализируются возможные варианты их решения в виде предлагаемых законопроектов, регламентирующих как процедуру проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа, так

и требования к специалистам полиграфологам в виде разработки профессионального стандарта. В рамках освещения перспективных направлений развития в области проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа описываются основная тематика и содержание 12-го ежегодного семинара полиграфологов, который проходил в марте 2018 г. в Москве на базе Центра прикладной психофизиологии. Этот семинар был посвящен рассмотрению современных технологий применения полиграфа в России и за рубежом.

Ключевые слова: полиграф, специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа, профессиональный психологический отбор, кандидаты на службу, факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения, органы внутренних дел.

Для цитаты:

Виноградов М.В., Ульянина О.А. Правовые и организационно-методические аспекты проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа при проведении отбора в правоохранительные (государственные) органы: состояние и перспективы развития. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 1-24.
doi: 10.17759/psylaw.2018080301

For citation:

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Legal and organizational-methodical aspects of carrying out special psychophysiological researches with application of polygraph at carrying out selection in law enforcement (state) bodies: a condition and prospects of development. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 1-24.
doi: 10.17759/psylaw.2018080301

Вопросы правового регулирования оснований, процедуры проведения и возможностей использования результатов специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа¹ в различных сферах правоохранительной деятельности остаются по-прежнему актуальными.

В сообществе полиграфологов обсуждается сегодня и целесообразность обучения будущих специалистов по программам высшего образования, как в целях повышения их востребованности на рынке труда, так и в целях улучшения качества профессиональной подготовки.

На повестке рассмотрения проблемных вопросов регламентации деятельности специалистов-полиграфологов стоит необходимость разработки единых стандартов в отношении процедуры проведения, подбора методического инструментария, алгоритмов оценивания результата опроса и т. д.

¹ Далее – СПФИ.

В целях оценки и контроля качества проводимых СПФИ обсуждается сегодня и потребность в создании Ассоциации специалистов-полиграфологов, курирующей вопросы их обучения, сертификации и внешней оценки профессиональной деятельности.

Варианты предлагаемых решений назревающих проблем варьируются в зависимости от ведомственной принадлежности источника инициативы, а также от приверженности к той или иной теоретико-методологической школе. Не секрет, что в России фактически с момента зарождения практики проведения СПФИ существуют разные подходы к реализации ключевых процедур подобных исследований. Опыт зарубежных специалистов в данной области до сих пор остается не в полной мере открытым для отечественных полиграфологов. Да и практика решения проблемных вопросов зарубежными коллегами далеко не всегда применима к российским реалиям в силу законодательной специфики.

В этой связи особую значимость приобретает как анализ эффективности существующей практики правоприменения, регламентирующей особенности проведения СПФИ, так и изучение предлагаемых вариантов решения назревших в данной области проблем, в том числе на уровне выносимых на рассмотрение законопроектов [4].

Следует отметить, что с 2014 г. последовательно реализуется качественно новая система профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел², одним из обязательных этапов которой является проведение СПФИ. Данная система отбора заключается в комплексном и комиссионном характере работы психологов подразделений по работе с личным составом и специалистов центров психофизиологической диагностики [6].

Кардинальным образом была изменена роль психологов и специалистов-полиграфологов подразделений по работе с личным составом [5]. Именно на них теперь возложены обязанности по изучению всего спектра личных и деловых качеств кандидатов и выявлению у них большинства (восьми из одиннадцати) существующих факторов риска (связанных с совершением кандидатами на службу уголовно наказуемых деяний или административных проступков) [1]. Конкретизированы и уточнены задачи специалистов центров психофизиологической диагностики, которые выявляют у кандидатов «медицинские» противопоказания к поступлению на службу [7]. Речь идет о рисках: злоупотребления алкоголем или токсическими веществами; употребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ; склонности к суицидальному поведению [4].

Практика последних двух лет реализации новой системы профессионального психологического отбора показала, что применение полиграфа позволяет повысить защищенность МВД России от поступления на службу лиц с коррупционными и криминальными наклонностями, злоупотребляющих алкоголем или токсическими веществами, употребляющих наркотики [9].

² Далее – ОВД.

Однако, несмотря на положительные показатели реализации новой системы профессионального психологического отбора кандидатов на службу в ОВД, остаются нерешенными отдельные вопросы в области практического использования результатов СПФИ. В связи с вероятностным характером результатов данных исследований они не должны быть самостоятельным основанием для принятия кадровых решений [11], что обуславливает важность проведения дополнительных проверок достоверности сообщенных гражданином сведений с целью установления наличия либо отсутствия оснований, препятствующих его поступлению на службу в ОВД.

В связи с необходимостью минимизации рисков в отношении получения недостоверной информации целесообразно в обязательном порядке использование специалистами в рамках комплексного обследования кандидатов на службу в ОВД методов наблюдения, беседы, изучения документов и иных методов, основанных на системно-ситуативном анализе деятельности и поведения человека.

Значимым является повышение эффективности взаимодействия подразделений ОВД, осуществляющих проведение СПФИ и проверок достоверности сообщенных гражданином сведений, с целью установления наличия либо отсутствия оснований, препятствующих его поступлению на службу в ОВД.

Внедрение новой системы отбора было продиктовано необходимостью решения назревших проблем как в отношении выбора надежных, валидных методик выявления уровня сформированности личных и деловых качеств у кандидатов, поступающих на службу, так и в отношении определения единой системы их оценки специалистами-психологами кадровых подразделений ОВД. Однако, несмотря на эффективность реализуемой сегодня системы отбора, инновационный конфликт, порождаемый адаптацией и принятием современных психологических, психофизиологических технологий – неизбежен. Следует отметить, что данный процесс, с точки зрения законов функционирования социально-психологических явлений, вполне закономерен. Прохождение же данного процесса позволит оценить все достоинства применяемой системы отбора и определить пути ее совершенствования, продиктованные реалиями политической, экономической и социальной ситуации в стране и мире.

Проблема некомплекта кадров в ОВД остается по-прежнему актуальной и в последнее время формируется мнение, что она может быть связана в том числе и с усложнением системы отбора, наличием завышенных требований к кандидатам на службу в ОВД.

Комплексное обследование лиц, принимаемых на службу, является обязательной процедурой не только в ОВД, и прежде чем обратиться к статистическим показателям эффективности реализации новой системы отбора, а также корреляции данных результатов с некомплектом, целесообразно проанализировать существующие подходы к правовой регламентации оценки граждан при приеме на службу в иные ведомства.

Следует отметить, что в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [30] «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ четкие ограничения при приеме на службу граждан, в отношении которых составлено отрицательное психологическое заключение, отсутствуют.

В отличие от МВД России в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба, такие ограничения установлены.

Так, в соответствии с частью 3 статьи 33 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [29] на военную службу по контракту не может быть принят гражданин, отнесенный по результатам психологического отбора к четвертой категории профессиональной пригодности.

Анализ нормативных правовых актов по вопросам проведения психологического отбора в указанных органах власти (приказы ГУСП России от 18 сентября 2013 г. № 57 [14], Росгвардии от 16 ноября 2016 г. № 357 [19], Минобороны России от 26 января 2000 г. № 50 [17], ФСБ России от 13 апреля 2011 г. № 151 [20], ФСО России от 27 апреля 2016 г. № 178 [21]) показал, что в большинстве случаев в них содержатся требования к кандидатам, схожие с требованиями, предъявляемыми к гражданам, поступающим на службу в ОВД.

Кроме того, согласно приказу Минобороны России от 20 октября 2014 г. № 770 [16] кандидат на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации при наличии у него склонности к девиантному поведению, установленной на основании результатов психологических (психофизиологических) исследований, может быть признан не годным к службе по состоянию здоровья.

Вместе с тем, по информации начальника лаборатории научно-практического центра Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, заслуженного врача Российской Федерации, доктора психологических наук, профессора А.Н. Глушко, в настоящее время в войсках, воинских формированиях и иных органах Минобороны России в отдельных случаях психологический отбор осуществляется не специалистами, а офицерами, ответственными за комплектование воинских частей, военных образовательных организаций.

Как следствие, в ходе проведенных проверок выявлены многочисленные нарушения, обусловленные стремлением указанных должностных лиц любым возможным способом укомплектовать подразделения, а также злоупотреблениями с их стороны.

Иная кадровая ситуация в войсках национальной гвардии. В первом полугодии 2017 г. по результатам психологического отбора из всех претендентов были рекомендованы для заключения контракта только 53,8% кандидатов.

Следует отметить, что в ряде правоохранительных органов (Генпрокуратура России, СК России, ФССП России) установлены минимальные требования к состоянию здоровья кандидатов (отсутствие психических расстройств, расстройств поведения и

³ Далее – закон «О службе».

болезней нервной системы) или требования ниже, чем в ОВД (ФТС России). Вместе с тем, в выше обозначенных ведомствах изданы нормативные правовые акты, устанавливающие порядок прохождения кандидатами психологического отбора, в том числе СПФИ (приказы Минюста России от 30 сентября 2015 г. № 230 [15], ФТС России от 25 сентября 2007 г. № 1196 [22], Генпрокуратуры России от 15 сентября 2014 г. № 493 [14]).

В отличие от МВД России в ФТС России (письмо от 21 апреля 2009 г. № 10-124/17620) и ФСИН России (приказ Минюста России от 16 апреля 2013 г. № 51 [18]) определены категории должностей, при назначении на которые проводятся вышеуказанные исследования.

Анализ статистических сведений результатов психологического отбора в ОВД показал, что в первом полугодии 2017 г. выявлено 7 430 граждан, поступающих на службу в ОВД, имеющих следующие факторы риска [25]:

- потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ – 2301 человек (30,1%);
- злоупотребление алкоголем или токсическими веществами – 1000 человек (13,5%);
- участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ – 999 человек (13,4%);
- совершение иных уголовно наказуемых деяний – 801 человек (10,8%);
- сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера – 778 человек (10,5%);
- склонность к совершению суицидальных действий – 572 человека (7,7%);
- склонность к злоупотреблению должностными полномочиями (у кандидатов, имеющих трудовой стаж, стаж государственной или муниципальной службы) – 517 человек (6,9%);
- участие в незаконном обороте оружия – 205 человек (2,8%);
- противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость – 158 человек (2,1%);
- участие в деятельности запрещенных общественных объединений – 60 человек (0,8%);
- попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций – 39 человек (0,5%).

Более 5 тыс. кандидатов были не рекомендованы для назначения на должности в ОВД в связи с выявленными факторами риска и низким уровнем развития личностных и профессиональных качеств. Всем по тем или иным основаниям было отказано в приеме на службу в ОВД.

На основании приведенных статистических данных возможно констатировать снижение некомплекта в ОВД лишь на 11,4% в ситуации отсутствия психологического отбора как этапа при приеме кандидатов на службу. Данные показатели свидетельствуют о том, что наличие требований к кандидатам в части прохождения ими психологического отбора существенным образом на проблему некомплекта не влияет.

Вместе с тем в целях оперативного сокращения некомплекта личного состава, на наш взгляд, необходимо следующее.

Рекомендовать председателям комиссий по профессиональному психологическому отбору шире использовать возможности по отнесению к третьей категории профессиональной пригодности кандидатов, у которых при высоком или среднем уровне развития личностных и деловых качеств выявлен один фактор риска. В соответствии с пунктом 22 Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 [12], решения о профессиональной пригодности таких кандидатов принимать с учетом содержания фактора риска, уровня развития их личностных и деловых качеств, а также других данных.

Проинформировать руководителей органов, организаций и подразделений МВД России о допустимости назначения на должности в органах внутренних дел граждан, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности, если по указанным должностям не предусмотрено выполнение служебных обязанностей в особых условиях.

Проработать вопрос о внесении изменений в нормативные правовые акты в целях сокращения количества кандидатов, направляемых для прохождения СПФИ. Определить, что данные исследования проходят граждане при назначении на должности, замещение которых связано с коррупционными рисками (сокращение исследований почти в 2 раза).

Реализация вышеобозначенных мероприятий повлияет на снижение процентных показателей в отношении лиц, не прошедших профессиональный психологический отбор, а также позволит повысить качество проводимого отбора при оценке кандидатов, сделав существующую систему отбора более гибкой и удовлетворяющей запросам самого Министерства в достойных кадровых ресурсах.

Рассмотрев действующие нормативные правовые акты, регламентирующие особенности проведения СПФИ в различных ведомствах, целесообразно обратиться к выносимым на рассмотрение законопроектам в данной сфере. Так, в 2010, а затем в 2015 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации выносился на обсуждение проект Федерального закона «О применении полиграфа» (№ 478780-5) [24].

Согласно пояснительной записке к проекту его разработка обусловлена тем, что отсутствие соответствующего законодательного акта затрудняет и сдерживает применение опросов в правоохранительных целях и одновременно создает условия для злоупотребления этим методом как в государственных, так и в негосударственных целях. Однако информация, подтверждающая данную позицию разработчика, не приводится.

В настоящее время полиграф применяется в системе МВД России по различным направлениям оперативно-служебной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации и изданными в целях его реализации подзаконными нормативными правовыми актами.

На основании части 3 статьи 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [28] в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут использоваться технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации⁴ по уголовному делу в качестве доказательств допускаются в том числе заключения эксперта (пункт 3 части 2 статьи 74 УПК), заключение специалиста (пункт 3 части 2 статьи 74 УПК) и результаты оперативно-розыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам (статья 89 УПК) [26].

Одновременно с этим необходимо отметить, что в соответствии с частью 6 статьи 17 закона «О службе» граждане, поступающие на службу в ОВД, проходят в порядке, определенным федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, психофизиологические исследования (обследования) [30].

Пунктом 3 части 3 статьи 1 законопроекта предполагается установить, что его положения распространяются на отношения, связанные «с расследованиями и судебными разбирательствами». Однако необходимо учитывать, что согласно части 1 статьи 1 УПК порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК [26].

Аналогичное замечание относится к части 6 статьи 8 законопроекта, согласно которой результаты опроса с применением полиграфа, выполненного в соответствии с процессуальным законодательством, могут являться доказательством по делу.

Частью 3 статьи 8 законопроекта, которая будет распространяться в отношении сотрудников ОВД, предлагается установить, что результаты опроса в случае установления недостоверности сведений, сообщенных лицом, подпадающим под действие статьи 9 законопроекта, дадут право инициатору опроса приостановить исполнение этим лицом служебных обязанностей.

Предлагаемый механизм временного отстранения сотрудника ОВД от исполнения служебных обязанностей не соответствует положениям статьи 73 закона «О службе» [30].

⁴ Далее – УПК.

В части 1 статьи 10 законопроекта имеется внутреннее противоречие, поскольку обязательность опроса с применением полиграфа не соотносится с наличием письменного согласия опрашиваемого лица.

Статьей 10 законопроекта предлагается установить возможность проведения в отношении лиц, попадающих под требования прохождения обязательных опросов, периодических или выборочных проверок с применением полиграфа. Однако указанные нормы содержат коррупционные риски, поскольку не определены периодичность проверок, категории сотрудников, проходящих данные проверки, а также порядок выбора сотрудников, подлежащих выборочной проверке.

Аналогичные риски содержатся в статьях 24 и 25 проекта.

Так, согласно подпункту «в» части 5 статьи 24 проекта полиграфолог обязан прекратить проведение тестирования на полиграфе в случае умышленного несоблюдения опрашиваемым лицом инструкций полиграфолога, обусловленных методическими требованиями тестирования на полиграфе. В соответствии с частью 5 статьи 25 проекта умышленное невыполнение опрашиваемым лицом данных инструкций приравнивается к отказу от прохождения опроса и влечет за собой последствия, определенные соответственно статьями 12 и 17 проекта, т. е. является основанием для отказа в поступлении на работу (службу).

В связи с этим у полиграфолога возникает выбор – выполнить обязанность, предусмотренную статьей 24, прекратив опрос, или приравнять умышленное невыполнение инструкций к отказу от прохождения опроса. При этом не установлено, как оценить умысел опрашиваемого лица и каким инструкциям полиграфолога должно следовать опрашиваемое лицо (часть 4 статьи 25 проекта).

Данные новеллы затрагивают конституционные права граждан и не учитывают, что гражданин, не отказываясь от опроса с использованием полиграфного устройства, в соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации может не отвечать на вопросы полиграфолога, ответы на которые могут свидетельствовать против него, его супруга и близких родственников [8].

Законопроект вопреки статье 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации [3] не содержит положения, определяющие источники расходных обязательств, связанных с его реализацией. При этом принятие закона, на наш взгляд, потребует дополнительных ассигнований из федерального бюджета, связанных с затратами на приобретение необходимого оборудования и обучение полиграфологов, а также на увеличение численности существующих или образование новых структурных подразделений в ОВД.

Статьей 15 проекта устанавливается возможность проведения добровольных опросов с применением полиграфа в ходе оперативно-розыскной деятельности, служебных проверок и судебных разбирательств. Частью 2 статьи 16 проекта определяется, что порядок проведения добровольных опросов в ходе служебных проверок или судебных разбирательств осуществляется в соответствии с процессуальными нормами.

Вместе с тем проведение служебных проверок не регламентируется процессуальными нормами.

Вызывают возражения нормы статей проекта, регламентирующих подготовку полиграфологов и контроль за их деятельностью (статьи 22, 31). В этих целях проектом закона предусматривается создание межведомственной комиссии, которая уполномочена определять и контролировать порядок обучения полиграфологов, устанавливать требования методического и нормативного характера, а также регистрировать полиграфологов.

Вместе с тем органом государственной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, является Министерство образования и науки Российской Федерации. Функции по контролю в сфере образования возложены на Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки.

Помимо обозначенных проблемных вопросов, в профессиональном сообществе активно обсуждается сегодня разработка и внедрение профессионального стандарта полиграфолога. Так, в декабре 2016 г. прошло онлайн-совещание, посвященное обсуждению проекта профессионального стандарта «Специалист по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа»⁵ (разработчик – Некоммерческое партнерство «Национальная коллегия полиграфологов»).

В работе совещания приняли участие представители образовательных и научных организаций, коммерческих учреждений и иных организаций, специалисты-полиграфологи, представители МВД России, ФСБ России, Торгово-промышленной палаты России.

Участниками совещания высказаны замечания и предложения по проекту указанного стандарта, проведено обсуждение имеющихся концептуальных замечаний, среди них следующие.

В проекте стандарта [24] в качестве обобщенных трудовых функций указана вспомогательная деятельность при подборе персонала и осуществлении оперативно-розыскной и процессуальной деятельности; частной детективной и охранной деятельности.

Вместе с тем профессиональная деятельность полиграфологов носит самостоятельный характер и при решении указанных задач в отдельных случаях не имеет альтернативы. Эта деятельность может играть вспомогательную функцию в рамках какой-либо более сложной сферы, но в проекте стандарта, на наш взгляд, должна быть указана деятельность, имеющая самостоятельную направленность.

При отнесении деятельности специалистов-полиграфологов к видам экономической деятельности не учтены следующие виды.

75.24. Деятельность по обеспечению общественного порядка и безопасности.

⁵ Далее – проект, проект стандарта.

75.24.1. Деятельность органов внутренних дел.

В качестве особых условий допуска к работе указано, что специалистами-полиграфологами могут быть дееспособные граждане, не имеющие непогашенных или неснятых судимостей за совершение умышленных преступлений, без нарушений речи.

Данные нормы, затрагивающие право граждан на труд, не могут быть введены профессиональным стандартом, утверждаемым приказом Минтруда России. В связи с этим должны быть указаны соответствующие положения Федерального закона.

В качестве трудовых функций целесообразно указать основные этапы проведения психофизиологического исследования, утвержденные ведомственными нормативными правовыми актами:

1. Изучение информации, полученной в процессе тестирования и психологического обследования (при проведении исследований в рамках профессионального психологического отбора граждан, поступающих на военную службу (службу)).

2. Предтестовая беседа и подготовка вопросников для проведения тестирования на полиграфе.

3. Инструктаж о порядке проведения тестирования на полиграфе и установка датчиков.

4. Проведение тестирования на полиграфе.

5. Предварительная оценка данных, полученных в процессе тестирования на полиграфе.

6. Послетестовая беседа (проводится в случаях, если по результатам предварительной оценки данных выявлены факторы риска).

7. Обработка и оценка данных, полученных в процессе тестирования на полиграфе.

8. Оформление заключения по результатам проведения исследования.

Трудовые действия, необходимые умения, необходимые знания, другие характеристики, указанные в различных трудовых функциях, по своему содержанию дублируют друг друга. В связи с этим данные разделы проекта стандарта могут быть объединены.

В качестве «других характеристик» на отдельных страницах проекта приводятся «требования к полиграфам (сертификат соответствия), аттестация и перееаттестация государственных судебных экспертов». Вместе с тем не ясно, должен ли специалист-полиграфолог обладать соответствующими знаниями или проектом стандарта планируется утвердить требования о наличии сертификата и прохождении аттестации?

По итогам совещания приняты решения о доработке проекта и направлении его в Торгово-промышленную палату России для рассмотрения, а затем в Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации для утверждения в установленном порядке.

Принятие стандарта позволит повысить качество подготовки специалистов-полиграфологов, создать условия для исключения случаев проведения психофизиологических исследований специалистами, не обладающими необходимыми специальными знаниями и практическими навыками.

Помимо обозначенных событий, в марте 2018 г. в Москве на базе Центра прикладной психофизиологии состоялся 12-й ежегодный семинар полиграфологов, который был посвящен рассмотрению современных технологий применения полиграфа.

В рамках семинара обсуждались наиболее интересные события за рубежом в области технологий оценки достоверности информации, сообщаемой человеком, среди прочего отмечалось продолжающееся активное продвижение на рынок скринингового метода EyeDetect (айдетект), разработанного в США и основанного на анализе движений глаз и изменении диаметра зрачка [2].

Озвучивались результаты экспериментального исследования, подтвердившие гипотезу относительно одинаковой эффективности вопросов так называемой «вероятной лжи» и «управляемой лжи». Этот факт ранее был уже известен и хорошо изучен американскими учеными-полиграфологами, но его подтверждение на российской выборке показывает, что вопросы «управляемой лжи», являясь более простыми и стандартизированными, могут и должны шире применяться российскими полиграфологами в своей работе.

Большой интерес и бурную дискуссию вызвало сообщение об ошибках полиграфологов при применении полиграфа в отношении лиц, связанных с экстремистской деятельностью, а также об этапах формирования экстремистской личности. Обсуждение показало, что эта тема является одновременно и очень важной, и очень сложной. Дискуссии по этому вопросу продолжаются в настоящее время на специализированном Интернет-портале Центра прикладной психофизиологии, запланировано проведение специального семинара [31].

Еще одна важная тема, актуальность которой никогда не снижается для практикующих полиграфологов, касалась вопросов противодействия тестированию на полиграфе.

Затронута проблема применения в практической деятельности так называемых «маршрутных карт». Это схематическое представление изучаемых факторов риска девиантного поведения, раскрывающее содержание отдельных частных признаков.

Таким образом, на семинаре были освещены как вопросы эффективности современных технологий применения полиграфа, так и тенденций развития в области их конкретного практического применения.

Подводя итоги, следует констатировать, что далеко не на все вопросы существуют однозначные и оптимальные ответы, в том числе и в форме нормотворческой инициативы. Однако уже то, что после этапа активного внедрения СПФИ в деятельность различных ведомств последовал этап анализа и оценки эффективности проводимой работы, является вполне позитивным показателем, как отражающим динамику данных процессов, так и позволяющим определить перспективные направления развития в данной области исследований [27]. Продолжающееся совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей организационные и процедурные аспекты проведения СПФИ, требования к специалистам-полиграфологам, способствует минимизации рисков на всех этапах проведения проверки, снижению коррупционной составляющей, повышению качества проводимых опросов, достижению изначально поставленных целей при проведении подобных исследований по различным основаниям.

Литература

1. *Бородина Т.И., Виноградов М.В., Носс И.Н.* К вопросу о специфике личностно-профессиональной диагностики в системе отбора кадров // Человеческий капитал. 2016. № 2 (86). С. 62–70.
2. *Будякова Т.П.* Психологические ошибки при опознании человека по лицу // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10 № 2. С. 20–39.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_19702/ (дата обращения: 22.04.18).
4. *Виноградов М.В.* О нормативном правовом обеспечении психологической работы в органах внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 105–107.
5. *Дашко М.Н., Виноградов М.В., Носс И.Н.* Актуальные проблемы профессионального психологического отбора граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник МВД России. 2016. № 5. С. 53–63.
6. *Дашко М.Н., Виноградов М.В.* Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 101–106.
7. *Караваев А.Ф., Крук В.М., Носс И.Н., Виноградов М.В.* Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 106–113.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к

- Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 3 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.04.18).
9. Крук В.М., Караваев А.Ф., Виноградов М.В., Касперович Ю.Г. Актуальные проблемы психологической работы с сотрудниками ОВД и профессионального психологического отбора на службу (обзор материалов координационно-методического совета) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 80–82.
 10. Кубышко В.Л. Актуальные проблемы совершенствования ведомственного профессионального образования, педагогики и психологии служебной деятельности в свете 300-летия российской полиции // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. трудов междунар. конференции, посвященной празднованию 15-летия Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (3–31 мая 2017 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 11–16.
 11. Кубышко В.Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95–103.
 12. Постановление Правительства РФ от 06.12.2012 № 1259 (ред. от 06.03.2015) «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138821/ (дата обращения 14.04.2018).
 13. Приказ Генпрокуратуры России от 15.09.2014 № 493 (ред. от 22.12.2016) «О профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации и обучение в государственные образовательные организации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=677883#0001411916165733773> (дата обращения: 22.04.18).
 14. Приказ ГУСП России от 18 сентября 2013 г. № 57 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению профессионального психологического отбора в Службе специальных объектов при Президенте Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499048919> (дата обращения: 22.04.18).

15. Приказ Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2015 г. № 230 «Об утверждении Порядка проведения в Федеральной службе судебных приставов психофизиологического исследования, тестирования на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ, наличия алкогольной, наркотической или иной токсической зависимости» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71112246/> (дата обращения: 22.04.18).
16. Приказ Министра обороны РФ от 20.10.2014 № 770 (ред. от 31.07.2017) «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации правовых актов по вопросам проведения военно-врачебной экспертизы» (вместе с «Требованиями к состоянию здоровья отдельных категорий граждан») (Зарегистрировано в Минюсте России 08.12.2014 № 35094) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148556/ (дата обращения: 22.04.18).
17. Приказ Министра обороны РФ от 26.01.2000 № 50 (ред. от 12.05.2005) «Об утверждении Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29166/ (дата обращения: 22.04.18).
18. Приказ Минюста РФ от 16.04.2013 № 51 «Об утверждении категорий должностей в уголовно - исполнительной системе, при назначении на которые проводится психофизиологическое исследование с применением полиграфа» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 23.04.2013 № 28257) [Электронный ресурс] // URL: <https://minjust.consultant.ru/page.aspx?1043423> (дата обращения: 22.04.18).
19. Приказ Росгвардии от 16.11.2016 № 357 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.12.2016 № 44651) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208821/ (дата обращения: 22.04.18).
20. Приказ ФСБ России от 13.04.2011 № 151 (ред. от 22.12.2016) «Об утверждении Инструкции по организации и проведению профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2011 № 20926) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114923/ (дата обращения: 22.04.18).

21. Приказ ФСО РФ от 27.04.2016 № 178 «Об утверждении порядка и условий приема граждан Российской Федерации в академию ФСО России» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 23.05.2016 № 42210) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/19380> (дата обращения: 22.04.18).
22. Приказ ФТС России от 25 сентября 2007 г. № 1196 «Об утверждении Временной инструкции о порядке проведения опросов с использованием компьютерного полиграфа в таможенных органах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 22.04.18).
23. Проект профессионального стандарта «Специалист по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа» [Электронный ресурс] // Информационная площадка Некоммерческого партнерства «Национальная Коллегия Полиграфологов». URL: <https://nprkpr.ru> (дата обращения: 17.02.2017).
24. Проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=82508#018879868642218645> (дата обращения: 14.04.2018).
25. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2017 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2018. 72 с.
26. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.04.18).
27. Ульянина О.А. Состояние и перспективные направления психологической практики в ОВД // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 5. С. 77–84.
28. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 22.04.18).
29. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 07.03.2018, с изм. от 17.04.2018) «О воинской обязанности и военной службе» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 22.04.18).

22.04.18).

30. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 22.04.18).
31. Центр поддержки полиграфологов [Электронный ресурс] // Информационный сервис Национальной школы детекции лжи. URL: <https://nsdl.pro> (дата обращения: 14.04.2018).

Legal and organizational-methodical aspects of carrying out special psychophysiological researches with application of polygraph at carrying out selection in law enforcement (state) bodies: a condition and prospects of development

Vinogradov M.V., Deputy Head of the Organization Department psychological work Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow (vmifa@mail.ru)

Ulyanina O.A., PhD (Sociology), Associate Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (lelia34@mail.ru)

The article deals with the existing problems in the organizational, procedural and normative aspects of special psychophysiological research with the use of polygraph. The grounds for such inspection are discussed, the practice of carrying out special psychophysiological researches with the use of polygraph in the framework of professional psychological selection of candidates for service in various departments in the Russian Federation is analyzed. The effectiveness of such a procedure in the selection is evaluated. Statistical data on prevalence of detected risk factors of deviant (socially dangerous) behavior among candidates for service in law-enforcement bodies are provided. On the basis of the presented data, the correlation between the multi-stage selection system and incomplete in the internal Affairs bodies is discussed. Given the highlighted problematic issues in the activities of the experts of polygraph examiners analyzed the possible solutions in the form of proposed legislation regulating the procedure of holding of special psychophysiological researches with the use of the polygraph and job requirements for the polygraph in the form of developing professional standards. As part of the coverage of promising areas of development in the field of special psychophysiological research with the use of polygraph describes the main topics and content of the 12th annual seminar of polygraph examiners, which was held in March 2018 in Moscow on the Basis of the center for applied psychophysiology. This seminar was devoted to the consideration of modern technologies of polygraph application in Russia and abroad.

Key words: polygraph, special psychophysiological studies with the use of polygraph, professional psychological selection, candidates for service, risk factors for deviant (socially dangerous)

behavior, internal Affairs bodies.

References

1. Borodina T.I. Vinogradov M.V., Noss I.N. K voprosu o spetsifike lichnostno-professional'noi diagnostiki v sisteme otbora kadrov [To the question of specificity of personal and professional diagnostics in the system of personnel selection]. Chelovecheskii capital [*Human capital*], 2016, no. 2 (86), pp. 62-70.
2. Budyakova T.P. Psikhologicheskie oshibki pri opoznanii cheloveka po litsu [Psychological errors in the identification of a person by person]. Eksperimental'naya psikhologiya [*Experimental psychology*], 2017, Vol. 10, no. 2, pp. 20-39. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Byudzhetni kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 31.07.1998 no. 145-FZ (red. ot 28.12.2017) [Elektronnyi resurs] [«Budget code of the Russian Federation» dated 31.07.1998 no. 145-FL (as amended on 28.12.2017)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_19702/ (Accessed 22.04.18).
4. Vinogradov M. V. O normativnom pravovom obespechenii psikhologicheskoi raboty v organakh vnutrennikh del [About normative legal support of psychological work in law-enforcement bodies]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [*Psychopedagogics in law-enforcement bodies*], 2014, no. 1(56), pp. 105–107.
5. Dashko M. N., Vinogradov M. V. Professional'nyi psikhologicheskii otbor na sluzhbu v organy vnutrennikh del: novyi podkhod k izucheniyu lichnykh i delovykh kachestv grazhdan, postupayushchikh na sluzhbu v podrazdeleniya MVD [Professional psychological selection for service in the internal Affairs bodies: a new approach to the study of personal and business qualities of citizens entering the service in the units of the Ministry of internal Affairs]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [*Psychopedagogics in law enforcement*], 2015, no. 3(62), pp. 101–106.
6. Dashko M.N. Vinogradov M.V., Noss I.N. Aktual'nye problemy professional'nogo psikhologicheskogo otbora grazhdan, postupayushchikh na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Actual problems of professional psychological selection of the citizens entering service in law-enforcement bodies of the Russian Federation]. Vestnik MVD Rossii [*Bulletin of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation*], 2016, no. 5, pp. 53-63.
7. Karavaev A.F., Kruk V.M., Noss I.N., Vinogradov M.V. Problemy lichnostno-professional'noi diagnostiki v profotbore kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del i otsenki nadezhnosti sotrudnika [Problems of personal and professional diagnostics in the professional selection of candidates for service in the internal Affairs bodies and employee reliability assessment]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [*Psychopedagogics in law enforcement*], 2015, no. 3(62), pp. 106–113.

8. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 no. 6-FKZ, ot 30.12.2008 no. 7-FKZ, ot 05.02.2014 no. 2-FKZ, ot 21.07.2014 3 11-FKZ) [Elektronnyi resurs] [«Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote 12.12.1993) (with amendments made by the laws of the RF on amendments to the Constitution of the RF from 30.12.2008 no. 6-FCL, from 30.12.2008 no. 7 - FCL, from 05.02.2014 no. 2 - FCL, from 21.07.2014 3 11- FCL)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed 22.04.18).
9. Kruk V.M., Karavaev A.F., Vinogradov M.V., Kasperovich Yu.G. Aktual'nye problemy psikhologicheskoi raboty s sotrudnikami OVD i professional'nogo psikhologicheskogo otbora na sluzhbu (obzor materialov koordinatsionno-metodicheskogo soveta) [Actual problems of psychological work with police officers and professional psychological selection for service (review of materials coordination and methodological Council)]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement], 2016, no. 3(66), pp. 80–82.
10. Kubyshko V.L. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vedomstvennogo professional'nogo obrazovaniya, pedagogiki i psikhologii sluzhebnoi deyatel'nosti v svete 300-letiya rossiiskoi politsii [Actual problems of improvement of departmental professional education, pedagogics and psychology of office activity in the light of the 300th anniversary of the Russian police]. Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoi deyatel'nosti: sostoyanie i perspektivy: sb. nauch. tr. mezhdunar. konferentsii, posvyashchennoi prazdnovaniyu 15-letiya Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty (30-31 maya 2017 g.) [Professional education of employees of law-enforcement bodies. Pedagogy and psychology of performance management: status and prospects: collection of scientific works. Tr. international. conferences devoted to the 15th anniversary of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. ya. Kikot (30-31 may 2017)]. Moscow: Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot Publ., 2017, pp. 11–16.
11. Kubyshko V.L. Sovershenstvovanie psikhologicheskoi raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del [Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support of operational and service activities of personnel of internal Affairs bodies]. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal], 2017, no. 4 (28), pp. 95-103.
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.12.2012 no. 1259 (red. ot 06.03.2015) «Ob utverzhenii Pravil professional'nogo psikhologicheskogo otbora na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Resolution of the government of the Russian Federation of 06.12.2012 no. 1259 (edition of 06.03.2015) «About the approval of Rules of professional psychological selection on service in law-enforcement bodies of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138821/ (Accessed 14.04.2018).

13. Prikaz Genprokuratury Rossii ot 15.09.2014 no. 493 (red. ot 22.12.2016) «O professional'nom psikhologicheskom otbore kandidatov na sluzhbu v organy prokuratury Rossiiskoi Federatsii i obuchenie v gosudarstvennye obrazovatel'nye organizatsii» [Elektronnyi resurs] [The order of the Prosecutor General of Russia from 15.09.2014 no. 493 (version of 22.12.2016) «On the professional psychological selection of candidates for service in the Prosecutor's office of the Russian Federation and training in state educational organizations»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=677883#0001411916165733773> (Accessed 22.04.18).
14. Prikaz GUSP Rossii ot 18 sentyabrya 2013 g. no. 57 «Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii i provedeniyu professional'nogo psikhologicheskogo otbora v Sluzhbe spetsial'nykh ob"ektov pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [The order of the Main Department of special programs of the President of the Russian Federation of September 18, 2013 no. 57 «On approval of the Instructions for the organization and conduct of professional psychological selection in the service of special objects under the President of the Russian Federation»]. Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhniceskoi dokumentatsii [Electronic Fund of legal and normative-technical documentation]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499048919> (Accessed 22.04.18).
15. Prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 30 sentyabrya 2015 g. no. 230 «Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya v Federal'noi sluzhbe sudebnykh pristavov psikhofiziologicheskogo issledovaniya, testirovaniya na predmet upotrebleniya narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv, nalichiya alkogol'noi, narkoticheskoi ili inoi toksicheskoi zavisimosti» [Elektronnyi resurs] [The order of the Ministry of justice of the Russian Federation of September 30, 2015 no. 230 «On approval of the Order of the Federal bailiff service psychophysiological research, testing for the use of drugs and psychotropic substances, the presence of alcohol, drugs or other toxic dependence»]. Informatsionno-pravovoi portal Garant [Information and legal portal Garant]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71112246/> (Accessed 22.04.18).
16. Prikaz Ministra oborony RF ot 20.10.2014 no. 770 (red. ot 31.07.2017) «O merakh po realizatsii v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii pravovykh aktov po voprosam provedeniya voenno-vrachebnoi ekspertizy» (vmeste s «Trebovaniyami k sostoyaniyu zdorov'ya otdel'nykh kategorii grazhdan») (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 08.12.2014 no. 35094) [Elektronnyi resurs] [The order of the Minister of defence of the Russian Federation from 20.10.2014 no. 770 (edition of 31.07.2017) «About measures for implementation in the Armed Forces of the Russian Federation legal acts on the issues of carrying out military-medical examination» (along with «The Requirements of health of separate categories of citizens») (Registered in Ministry of justice of Russia 08.12.2014 No. 35094)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148556/ (Accessed 22.04.18).

17. Prikaz Ministra oborony RF ot 26.01.2000 no. 50 (red. ot 12.05.2005) «Ob utverzhdenii Rukovodstva po professional'nomu psikhologicheskomu otboru v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [The order of the Minister of defense of the Russian Federation of 26.01.2000 no. 50 (ed. of 12.05.2005) «On approval of the Guidelines for professional psychological selection in the Armed Forces of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29166/ (Accessed 22.04.18).
18. Prikaz Minyusta RF ot 16.04.2013 no. 51 «Ob utverzhdenii kategorii dolzhnostei v ugovno - ispolnitel'noi sisteme, pri naznachenii na kotorye provoditsya psikhofiziologicheskoe issledovanie s primeneniem poligrafa» (Zaregistrovano v Minyuste RF 23.04.2013 no. 28257) [Elektronnyi resurs] [The order of the Ministry of justice of the Russian Federation of 16.04.2013 no. 51 «On approval of the categories of posts in the penal system, the appointment of which is conducted psychophysiological study with the use of polygraph» (Registered in the Ministry of justice 23.04.2013 no. 28257)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: <https://minjust.consultant.ru/page.aspx?1043423> (Accessed 22.04.18).
19. Prikaz Rosgvardii ot 16.11.2016 no. 357 «Ob utverzhdenii Instruktsii ob organizatsii i provedenii professional'nogo psikhologicheskogo otbora v voiskakh natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 12.12.2016 no. 44651) [Elektronnyi resurs] [The order Grew guard from 16.11.2016 no. 357 «On approval of the Instructions on the organization and conduct of professional psychological selection in the troops of the national guard of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208821/ (Accessed 22.04.18).
20. Prikaz FSB Rossii ot 13.04.2011 no. 151 (red. ot 22.12.2016) «Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii i provedeniyu professional'nogo psikhologicheskogo otbora v organakh federal'noi sluzhby bezopasnosti» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 02.06.2011 no. 20926) [Elektronnyi resurs] [The order of FSS of Russia of 13.04.2011 no. 151 (ed. of 22.12.2016) «On approval of the Instruction on the organization and carrying out professional psychological selection in bodies of Federal security service» (Registered in Ministry of justice of Russia 02.06.2011 no. 20926)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114923/ (Accessed 22.04.18).
21. Prikaz FSO RF ot 27.04.2016 no. 178 «Ob utverzhdenii poryadka i uslovii priema grazhdan Rossiiskoi Federatsii v akademiyu FSO Rossii» (Zaregistrovano v Minyuste RF 23.05.2016 no. 42210) [Elektronnyi resurs] [The order of the Federal security service of the Russian Federation from 27.04.2016 no. 178 «On approval of order and conditions of reception of citizens of the Russian Federation in Academy FSS of Russia» (Registered in Ministry of justice of the Russian Federation 23.05.2016 No. 42210)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/19380> (Accessed 22.04.18).

22. Prikaz FTS Rossii ot 25 sentyabrya 2007 g. no. 1196 «Ob utverzhdenii Vremennoi instruksii o poryadke provedeniya oprosov s ispol'zovaniem komp'yuternogo poligrafa v tamozhennykh organakh Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [The order of Federal customs service of Russia of September 25, 2007 no. 1196 «About the approval of the Temporary instruction about the order of carrying out polls with use of the computer polygraph in customs authorities of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (Accessed 22.04.18).
23. Proekt professional'nogo standarta «Spetsialist po provedeniyu psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa» [Elektronnyi resurs] [The draft professional standard «Specialist in conducting psychophysiological research using the polygraph»]. Informatsionnaya ploshchadka Nekommercheskogo partnerstva «Natsional'naya Kollegiya Poligrafologov» [Information platform of non-Profit partnership «National Board of polygraph Examiners»]. URL: <https://nnpkp.ru> (Accessed 17.02.2017).
24. Proekt Federal'nogo zakona no. 478780-5 «O primeneni poligrafa» [Elektronnyi resurs] [The draft Federal law no. 478780-5 «About polygraph application»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PR\]&n=82508#018879868642218645](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PR]&n=82508#018879868642218645) (Accessed 14.04.2018).
25. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2017 god: Sbornik analiticheskikh i informatsionnykh materialov [Data on the state of work with personnel of the internal Affairs bodies of the Russian Federation for 2017: Collection of analytical and information materials]. Moscow: Department of public service and personnel of the Russian interior Ministry Publ., 2018. 73 p.
26. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 no. 174-FZ (red. ot 19.02.2018) [Elektronnyi resurs] [«Criminal procedure code of the Russian Federation» from 18.12.2001 no. 174-FL (edition of 19.02.2018)]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Accessed 22.04.18).
27. Ul'yanina O.A. Sostoyanie i perspektivnye napravleniya psikhologicheskoi praktiki v OVD [State and perspective directions of psychological practice in law-enforcement bodies]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education], 2017, Vol. 22, no. 5, pp. 77–84. (In Russ., Abstr. in Engl.).
28. Federal'nyi zakon ot 12.08.1995 no. 144-FZ (red. ot 06.07.2016) «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» [Elektronnyi resurs] [Federal law of 12.08.1995 no. 144-FL (edition of 06.07.2016) «On operative-search activity»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (Accessed 22.04.18).
29. Federal'nyi zakon ot 28.03.1998 no. 53-FZ (red. ot 07.03.2018, s izm. ot 17.04.2018) «O voinskoi obyazannosti i voennoi sluzhbe» [Elektronnyi resurs] [Federal law no. 53-FL of 28.03.1998 (as amended on 07.03.2018, as amended on 17.04.2012) «On military duty and military service»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-

Виноградов М.В., Ульянина О.А. Правовые и организационно-методические аспекты проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа при проведении отбора в правоохранительные (государственные) органы: состояние и перспективы развития. Психология и право psyandlaw.ru 2018. Том 8. №3. С. 1-24.
Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Legal and organizational-methodical aspects of carrying out special psychophysiological researches with application of polygraph at carrying out selection in law enforcement (state) bodies: a condition and prospects of development. Psychology and law psyandlaw.ru 2018. Vol. 8. no.3. pp. 1-24.

- reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (Accessed 22.04.18).
30. Federal'nyi zakon ot 30.11.2011 no. 342-FZ (red. ot 01.07.2017) «O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Federal law no. 342-FL of November 30, 2011 (as amended on July 1, 2017) «On service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Accessed 22.04.18).
31. Tsentр podderzhki poligrafologov [Elektronnyi resurs] [Support center of polygraph examiners]. Informatsionnyi servis Natsional'noi shkoly detektsii lzhi [*Information service of the National school of lie detection*]. URL: <https://nsdl.pro> (Accessed 14.04.2018).

Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессиогенеза

Гончарова Н.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (*goncharova_n@bk.ru*)

Костылева И.В., старший психолог отдела по работе с личным составом, Управление внутренних дел России по Центральному району г. Санкт-Петербурга (*light-ira@mail.ru*)

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей ценностной (аксиологической) надежности сотрудников органов внутренних дел. Проблема надежности актуализируется в сфере правоохранительной деятельности в связи с нарушениями, ошибками и преступлениями, совершаемыми сотрудниками органов внутренних дел при взаимодействии с гражданами. В рамках исследовательской задачи проводится сравнение показателей ценностной сферы личности сотрудников правоохранительных органов, находящихся на различных стадиях профессиогенеза, и бывших сотрудников полиции, осужденных за коррупцию и превышение должностных полномочий. Установлены значимые различия в ценностной ориентации между группами действующих сотрудников и группой осужденных в приоритетах ценностей прагматической направленности, переживании конфликтности в реализации ценностей, стремлении к осуществлению ценностей эгоистической и престижной направленности. Высказывается предположение о том, что высокая значимость внешних (прагматических) ценностей в значениях показателей лиц с высшим образованием и показателей осужденных может выступать в качестве маркера рисков надежности.

Ключевые слова: аксиологическая надежность, ценностные ориентации, самоконтроль, правосознание.

Для цитаты:

Гончарова Н.А., Костылева И.В. Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессиогенеза. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 25-33.

doi: 10.17759/psylaw.2018080302

For citation:

Goncharova N.A., Kostyleva I.V. Psychological features of axiological reliability of staff of bodies of internal affairs at various stages of a professiogenez. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 25-33. doi: 10.17759/psylaw.2018080302

Активное развитие научных представлений о надежности субъекта в настоящее время направлено на все большее расширение пространства обсуждения специфических, многопорядковых сфер личности, участвующих в регуляции профессиональной деятельности. В актуальных исследованиях, посвященных вопросам надежности субъекта правоохранительной деятельности, чаще всего обсуждается «оперативная надежность», «личностная надежность», «надежность отдельных свойств личности» [1; 7; 12; 14]. Теоретические и практические аспекты аксиологических факторов надежности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в настоящее время обсуждаются крайне редко. Практически не рассматривались вопросы аксиологической надежности и в отечественной психологии.

Ретроспективный анализ исследований проблемы надежности в деятельности показывает основную их направленность на изучение психофизиологических показателей (В.Д. Небылицын,) [10], личностной надежности специалиста (В.М. Крук) [7], качеств, основу которых составляет нравственная (моральная) надежность (Г.С. Никифоров) [11; 12], исследование аспектов надежности в профессиональной деятельности сотрудников силовых структур, экстремального профиля (С.Ю. Поярков, В.Ю. Рыбников) [13; 14].

Проблемы ценностного освоения действительности чаще рассматриваются в философском аспекте (В.П. Выжлецов) [3], в социально-психологическом аспекте (М.И. Бобнева, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов), криминологическом (В.Л. Васильев) [2]. Однако вопросы, связанные с аксиологическими факторами деятельности сотрудников органов внутренних дел, в такой постановке вопроса исследованиям не подвергались.

Аксиологическая надежность в контексте профессиональной деятельности отражает согласие и принятие личностью ряда ценностей, выступающих в качестве наиболее значимых объектов, явлений, их свойств, абстрактных идей, которые воплощают в себе общественные идеалы, оказывающие существенное влияние на развитие личности и общества [8; 11]. В сфере правоохранительной деятельности таким эталоном предстают ценности гуманистически ориентированного содержания: ценности права, закона, гуманизма, духовности, служения. Идеальное представление о личности сотрудника правоохранительных органов находится в плоскости представлений о совокупности характеристик, отражающих ценностный эталон соблюдения моральных и правовых норм, служения во благо других, морально-психологической и коррупционной устойчивости [4; 5]. Все это составляет область аксиологической надежности субъекта правоохранительной деятельности.

В соответствии с теорией «надежности деятельности» несогласованность профессионально значимых качеств субъекта труда и требований профессии проявляется в виде ошибочных действий, несвоевременных и неточных действиях, «отказах» различных

психофизиологических и психологических систем [1; 7; 10]. На данные характеристики указывают первые отечественные исследователи надежности в рамках психологии труда и инженерной психологии – Б.Ф. Ломов, В.Д. Небылицын, В.П. Зинченко, Г.С. Никифоров, подчеркивая значимость времени действий, точности и своевременности действий субъекта труда. Именно в характеристиках этих показателей надежности выражается способность выполнять деятельность в течение заданного времени и с заданной точностью [6; 8; 10; 11].

В настоящее время не существует специального диагностического инструментария, позволяющего оценить степень аксиологической надежности субъекта деятельности, поэтому в изучении психологических особенностей лиц – представителей профессиональных групп сферы правоохранительной деятельности целесообразно сделать акцент на исследовании правосознания, самоконтроля, самооценки и ценностной иерархии личности.

Цель организованного эмпирического исследования состояла в выявлении факторов аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел, находящихся на различных этапах профессиогенеза.

В ходе исследования проверялась гипотеза о том, что значимые различия между надежными и ненадежными сотрудниками в основном определяются в показателях аксиологической сферы личности; различия между аксиологическими показателями групп, находящихся на различных стадиях профессиогенеза, проявляются в соотношении гуманистической и прагматической ценностной направленности личности.

В соответствии с гипотезой, при формировании выборки учитывались стаж работы и уровень образования. Основную выборку составили действующие сотрудники органов внутренних дел с высшим образованием и стажем работы более 5 лет (n=30); сотрудники органов внутренних дел со средним образованием и стажем работы более 5 лет (n=30); курсанты вуза системы МВД (n=30); бывшие сотрудники органов внутренних дел, осужденные за совершение преступлений (превышение должностных полномочий и получение взятки) (n=30). Последняя группа выступила в качестве контрольной, что в соответствии с задачами данного исследования позволяет классифицировать ее в качестве группы «ненадежной», представители которой допустили ошибки, срывы и «отказы в деятельности».

Сравнительное исследование проводилось при помощи психодиагностических методик: «Личностный опросник Р. Кеттелла» (16 PF); «Методика исследования уровня правосознания» (Л.А. Ясюкова); «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса» (адаптация Н.В. Гришиной); «Методика оценки терминальных ценностей» (И.Г. Сенин); методика «Ценностные ориентации» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева). Сравнительный статистический анализ осуществлялся при помощи t-критерия Стьюдента.

На основе анализа индивидуально-психологических особенностей личности респондентов установлено наличие общих значений показателей лиц всех групп по шкалам «общительность», «беспечность», «смелость», «конформизм», «расслабленность». Интерес представляют достоверные различия между всеми правопослушными группами и группой осужденных, установленные по шкалам «Е» и «I» (при $p \leq 0,01$). Правопослушные лица

отличаются доминантностью, самоуверенностью, подозрительностью, внутренним напряжением. Анализ различий в показателях контрольной группы и экспериментальных групп позволяет утверждать, что наибольшее их количество установлено со значениями группы сотрудников с высшим образованием (высокие значения показателей интеллекта, моральной нормативности, дипломатичности, тревожности, самодисциплины). Наименьшее количество различий наблюдалось с группой сотрудников, имеющих среднее образование.

Исследование особенностей правосознания показало его равный общий уровень для всех групп (от 14,9 до 15,7). Показатели соответствуют «второму» уровню в интерпретации правосознания, что, согласно методике, позволяет определить наличие основ правосознания, но при этом отмечается противоречивость и неполноценность его сформированности. Значимых различий в общем уровне правосознания между группами не выявлено. Достоверные различия между группой осужденных и группой действующих сотрудников установлены только по шкале «правовые знания» (соответственно $4,83 \pm 1,98$ / $6,16 \pm 1,31$; при $p \leq 0,05$).

Анализ тактики поведения в конфликтных ситуациях показывает, что между группами не существует достоверно значимых различий в показателях. В целом, для всех респондентов характерным является склонность не вступать в конфликтные отношения, выбор тактики компромисса. Для группы курсантов значимым является соперничество, (различия с контрольной группой при $p \leq 0,001$), более низкие значения по шкалам «сотрудничество» и «избегание» (при $p \leq 0,01$).

При сравнении показателей терминальных ценностей установлены равные ранговые значения шкалы «высокое материальное положение» для группы осужденных и группы действующих сотрудников с высшим образованием. Следующее ранговое место в группе сотрудников с высшим образованием (второе ранговое место) занимает ценность «достижения». В соответствии с методикой, данные лица склонны к постановке конкретных целей на каждом этапе жизни и профессиональной деятельности, а сама деятельность строится на основе осознанного планирования. Значения ценности гуманистического содержания «развитие себя» в данной экспериментальной группе находится на третьем месте. Наименее значимой ценностью для данной группы предстает «креативность». В целом, сфера ценностей прагматической направленности здесь выступает в качестве более значимой, и соответственно низкие ранговые значения представлены ценностями гуманистического содержания.

Аналогичный ценностный выбор обнаружен при анализе значений терминальных ценностей респондентов экспериментальной группы бывших сотрудников (осужденных). Также первые ранговые позиции здесь занимают ценности «материального положения» и, далее, ценности «собственного престижа». Содержательно данные ценности отражают прагматическую направленность личности. Соответственно, ценности гуманистической направленности, значимые для показателей надежности личности сотрудника в сфере правоохранительной деятельности, находятся в нижней части структуры ценностной иерархии. Так, ценности «духовного удовлетворения» занимают восьмую позицию в ранговом списке из десяти ценностей, что интерпретируется как отсутствие стремлений к получению духовного и морального удовлетворения от исполнения долга, служения, ответственности перед социальным окружением. Таким образом, данная группа бывших сотрудников (осужденных) демонстрирует ориентацию эгоистично-престижной направленности.

В процессе исследования установлено, что показатель ценностной сферы семейной жизни в контрольной группе (группы осужденных) достоверно различается (при $p \leq 0,001$) от показателей экспериментальных групп (сотрудников) более высокими значениями. Полученные результаты подтверждают факты, выявленные в экспериментальном исследовании В.А. Лютых и И.Н. Коноплевой. Изучая индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений, они пришли к выводу о том, что частота упоминания материальных и семейных ценностей данной группой респондентов значимо превышает частоту упоминания ценностей духовного содержания [9].

Эти результаты также подтверждают факты, выявленные в нашем исследовании. Высокая значимость семейных ценностей для осужденных и отсутствие духовных приоритетов в аксиологической направленности, возможно, являются тем фактором, который детерминирует стратегию коррупционного поведения.

Интегральные различия в значениях гуманистических и прагматических ценностей установлены только в контрольной группе (осужденных). Так, сравнение значений интегрального показателя, полученного на основе анализа прагматических ценностей (высокое материальное положение, собственный престиж, достижения) в группе бывших сотрудников достоверно выше (при $p \leq 0,001$) интегрального значения гуманистических ценностей (развитие себя, духовное удовлетворение, активные социальные контакты). Относительную гармоничность соотношения тех же ценностей следует отметить в экспериментальных группах правоисполнительных сотрудников.

Анализ значений общего индекса «личностной значимости», а также «возможности реализации» ценностей гуманистической направленности (внутренние ценности: саморазвитие личности, уважение и помощь людям, теплые заботливые отношения с людьми, творчество, любовь к природе и бережное отношение к ней) позволил установить достоверные различия (при $p \leq 0,05$) только между показателями ценностей контрольной группы и группы сотрудников с высшим образованием.

Лица каждой из групп произвели оценку «возможности осуществления ценностей». Анализ результатов показал наибольшую уверенность в способности «реализовать» собственные материальные, креативные устремления и обеспечить себе социальный статус респондентов группы с высшим образованием. Так, курсанты демонстрируют оптимизм в возможности реализации творческих потребностей, а группа сотрудников без высшего образования – в реализации ценностей высокого социального положения, уважения и помощи людям.

Выводы

1. Аксиологическая надежность составляет основу морально-психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению обязанностей по защите прав и свобод граждан и выступает в качестве одного из основных условий, обеспечивающих эффективность деятельности всей правоохранительной системы. Содержательная составляющая аксиологической надежности субъекта правоохранительной деятельности объективно представлена совокупностью ценностных идеалов гуманистической направленности и субъективной концентрацией сознания сотрудников на нравственно-деловых сторонах оперативно-служебных задач.

2. Исследование качественных показателей личностных и аксиологических характеристик респондентов групп действующих и бывших (осужденных) сотрудников позволило установить наличие значимого количества специфических достоверных различий в значениях и иерархии ценностей. На основании объективных данных возможен положительный прогноз аксиологической надежности сотрудников, выполняющих обязанности на начальной стадии профессиогенеза – курсантов юридического вуза, а также на стадии профессионализма – действующих сотрудников, имеющих высшее образование. Лица обеих групп обладают совокупностью свойств личности, которые в качестве инструментальных ценностей позволяют решать задачи профессиональной деятельности наиболее надежно, что выражено в личностных характеристиках высокого уровня интеллекта, практичности, надежности, добросовестности, нормативности, ориентации на нравственные стандарты и правила.

3. Свойства личности бывших сотрудников (осужденных), по сравнению с правопослушными, достоверно отличаются в показателях «ненадежности» личности. Определенную роль играет невысокий уровень интеллекта, проявления простоватости, неконкретности ума, высокого самомнения, самолюбия. Лица группы осужденных редко задумываются над собственными характеристиками и не воспринимают замечания и критические суждения в свой адрес, при этом обладают хорошей способностью контролировать свое поведение и эмоции. Все эти проявления выступают в качестве показателя низкого уровня надежности.

4. В структуре ценностей лиц с высшим образованием установлена равнозначность прагматических и гуманистических ценностей. Высокий уровень значимости внутренних ценностей и стремление к осуществлению материального благополучия, совпадающее в ранговых позициях со значениями осужденных лиц, указывает на внутриличностные противоречия, прагматичность в реализации ценностных предпочтений, что позволяет прогнозировать риски аксиологической надежности.

5. Совокупность значений показателей аксиологической надежности, полученных в группе курсантов, отличается гармоничным сочетанием выраженности ценностей прагматической и гуманистической направленности, высоким уровнем значимости внутренних ценностей, некоторой конфликтностью в оценке возможностей реализации ценностей.

6. Наиболее высокий уровень ориентации на ценности прагматической направленности установлен в значениях группы бывших сотрудников (осужденных), которые переживают конфликтность в реализации ценностей, обнаруживают высокий уровень стремлений к осуществлению внешних ценностей эгоистически-престижного содержания, состояние внутриличностного конфликта, что в совокупности является свидетельством аксиологической ненадежности личности.

Таким образом, исследование ценностной структуры личности, анализ их соответствия параметрам аксиологической надежности может служить значимым маркером при оценке уровня компетентности сотрудников органов внутренних дел, коррупционной устойчивости, ориентиром в организации системы морально-психологической подготовки и в профилактике должностных преступлений.

Литература

1. *Благинин А.А.* Психофизиологическое обеспечение надежности профессиональной деятельности операторов сложных систем: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.03. СПб., 2005. 350 с.
2. *Васильев В.Л.* Юридическая психология : учебник для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
3. *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 152 с.
4. *Голубихина Ю.Ю., Гончарова Н.А.* Надежность профессиональной деятельности водителей экстремального профиля // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3 (58). С. 3–6.
5. *Гончарова Н.А.* Аксиологическое содержание карьерных ориентаций личности // Проблемы современного педагогического образования. 2016, № 51(2). С. 318–324.
6. *Зинченко В.П., Леонова А.Б., Стрелков Ю.К.* Психометрика утомления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 109 с.
7. *Крук В.М.* Проблема личностной надежности специалиста в отечественных концептуальных психологических исследованиях // Российский научный журнал, 2012, № 2 (27). С. 164–170.
8. *Ломов Б.Ф.* Человек и техника: Очерки инженерной психологии. М.: Изд-во «Книга по требованию». 2012. 464 с.
9. *Лютых В.А., Коноплева И.Н.* Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 128–141. doi:10.17759/psyandlaw.2016060210 (дата обращения: 21.01.2017).
10. *Небылицын В.Д.* К надежности работы человека-оператора в автоматизированных системах // Вопросы психологии, 1961. № 6. С. 9–18.
11. *Никифоров Г.С.* Надежность профессиональной деятельности // Психология: учебник / Под ред. А.А. Крылова. СПб.: Проспект, 2005. 496 с.
12. *Никифоров Г.С.* Надежность профессиональной деятельности. СПбГУ: Изд-во СПбГУ, 1996. 176 с.
13. *Поярков С.Ю.* Формирование профессиональной надежности правоохранительной деятельности сотрудников органов внутренних дел МВД России: дис. ... канд. пед. наук: СПб, 1997. 140 с.
14. *Рыбников В.Ю.* Психологическое прогнозирование надежности деятельности специалистов экстремального профиля: автореф. ... дис. д-ра психол. наук. СПб, 2000. 21 с.

Psychological features of axiological reliability of staff of bodies of internal affairs at various stages of a profессиогенез

Goncharova N.A., Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, the Russian St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs (*goncharova_n@bk.ru*)

Kostyleva I.V., Senior Psychologist of Human Resource Department Ministry of Internal Affairs of Russia of Centralniy district of St.-Petersburg (*light-ira@mail.ru*)

Results of an empirical research of features of valuable (axiological) reliability of staff of bodies of internal affairs are presented in article. It is shown that the problem of reliability is staticized in the sphere of law-enforcement activity in connection with violations, mistakes and the crimes committed by staff of bodies of internal affairs at interaction with citizens. Within a research task comparison of indicators of the valuable sphere of the identity of the law enforcement officers who are at various stages of a profессиогенез and the former police officers condemned for corruption and abuse of office is carried out. Significant differences in valuable orientation between groups of the acting employees and condemned by group in priorities of values of pragmatism orientation, experience of conflictness in realization of values, aspirations to implementation of values of egoistical and prestigious orientation are established. It is suggested that the high importance external (pragmatism), values in values of indicators of persons with the higher education of convicts can act as a marker of risks of reliability.

Key words: axiological reliability, value orientation, self-control, sense of justice.

References

1. Blaginin A.A. Psihofiziologicheskoe obespechenie nadezhnosti professional'noj dejatel'nosti operatorov slozhnyh sistem [Psychophysiological maintenance of reliability of professional work of operators of complex systems]: dis. ...kand. psihol. nauk: 19.00.03. St.Petersburg, 2005, 350 p.
2. Vasiliev V.L. Juridicheskaja psihologija: uchebnik dlja vuzov. 6-e izd. [Legal psychology]. St.Petersburg.: Piter, 2009. 608 p.
3. Vyzhlecov G.P. Aksiologija kultury [Axiology of culture] St.Petersburg.: Izd-vo SPbGU, 1996. 152 . p

4. Golubihina Ju.Ju., Goncharova N.A. Nadezhnost' professional'noj dejatel'nosti voditelej jekstremal'nogo profilja [Reliability of professional activity extreme profile drivers]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2014. № 3 (58). pp. 3-6.
5. Goncharova N.A. Aksiologicheskoe sodержanie kar'ernyh orientacij lichnosti [Axiological content of career orientations of the person]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*. 2016, № 51-2. pp. 318-324.
6. Zinchenko V.P., Leonova A.B., Strelkov Ju.K. Psihometrika utomlenija. [Rifles Psychometrics of fatigue] Moscow.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977, 109 p.
7. Kruk V.M. Problema lichnostnoj nadezhnosti specialista v otechestvennyh konceptual'nyh psihologicheskikh issledovanijah [The problem of personal safety specialist in domestic conceptual psychological studies]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal*, 2012.-№ 2 (27). pp. 164-170.
8. Lomov B.F. Chelovek i tehnika: Oчерki inzhenernoj psihologii. [Man and Technology: Essays on engineering psychology]. Moscow, 2012. 464 p.
9. Ljutyh V.A., Konopleva I.N. Individual'no-psihologicheskie osobennosti lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, osuzhdennyh za sovershenie prestuplenij [Elektronnyj resurs] [Individually-psychological features of the person of employees of law-enforcement bodies, convicted of crimes]. *Psihologija i pravo*. 2016. Tom 6. № 2. pp. 128-141. doi:10.17759/psylaw.2016060210 (Accessed: 21.01.2017)
10. Nebylicyn V.D. K nadezhnosti raboty cheloveka-operatora v avtomatizirovannyh sistemah [For the reliability of the human operator in automated systems]. *Voprosy psihologii*, 1961, № 6. pp. 9-18.
11. Nikiforov G.S. Nadezhnost' professional'noj dejatel'nosti [Reliability of professional activity]. *Psihologija: uchebnik*. Pod red. A.A. Krylova. St.Petersburg.: Prospekt, 2005. 496 p.
12. Nikiforov G.S. Nadezhnost' professional'noj dejatel'nosti. [Reliability of professional activity] SPbGU: Izd-vo SPbGU, 1996. 176 p.
13. Pojarkov S.Ju. Formirovanie professional'noj nadezhnosti pravoohranitel'noj dejatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del MVD Rossii. Dis. ... kand. ped. Nauk. [Formation of professional reliability of law enforcement officers of internal affairs bodies of the MIA of Russia Ph. D. (Pedagogics) diss]: St.Petersburg, 1997. 140 p.
14. Rybnikov V.Ju. Psihologicheskoe prognozirovanie nadezhnosti dejatel'nosti specialistov jekstremal'nogo profilja. Avtoref ... dis. d-ra psihol. nauk. [Psychological forecasting of reliability of activity of specialists extreme a profile Dr. Sci. (Psychology) diss]. St.Petersburg, 2000. 21 p.

Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов

Кубышко В.Л., кандидат педагогических наук, начальник, Департамент государственной службы и кадров МВД Росси (84956673764@mail.ru)

Крук В.М., доктор психологических наук, профессор, ведущий консультант отдела организации психологической работы, Департамент государственной службы и кадров МВД России (kvm@fsvgroup.ru)

Носс И.Н., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет (innoss2007@yandex.ru)

Бородина Т.И., преподаватель кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет (takvilona@yandex.ru)

В статье обсуждаются проблемы моделирования личностно-профессиональной пригодности сотрудников органов внутренних дел (сотрудников) в психологии служебной деятельности. Модель представлена как сущностный личностно-деятельностный конструкт. Предмет исследования моделируется поэтапно в виде концептуально-теоретической, предметно-содержательной, инструментально-методической, формально-математической и интерпретационной моделей. Моделирование выявляет приближенность к сущности психологического явления по степени соотнесенности модели с реальной деятельностью сотрудников. Результаты предметно-содержательного моделирования приводятся в виде структурированной психограммы. Подчеркивается значимость достоверности методической модели. В итоге изучаемое психологическое явление представляется в формате функциональной связи личностных тестовых данных сотрудников с показателями их оперативно-служебной деятельности. Обозначены существующие проблемы, связанные с моделированием личностно-профессиональной пригодности сотрудников.

Ключевые слова: психологическая модель, личностно-профессиональная пригодность, концептуально-теоретическое моделирование, предметно-

содержательное моделирование, инструментально-методическое моделирование, формально-математическое моделирование, интерпретационное моделирование, профессионально важные качества, внешний критерий, регрессионная модель прогноза пригодности.

Для цитаты:

Кубышко В.Л., Крук В.М., Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 34-47.
doi: 10.17759/psylaw.2018080303

For citation:

Kubyshko V.L., Kruk V.M., Noss I.N., Borodina T.I. Experimental validation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 34-47. doi: 10.17759/psylaw.2018080303

Актуальность

Совершенствование деятельности правоохранительных органов должно начинаться с создания надежной «кадровой базы» [10]. Опыт выполнения возложенных на российскую полицию, 300-летие которой отмечается 5 июня 2018 г., ответственных задач указывает на необходимость повседневного внимания к этому вопросу полномочных должностных лиц всех уровней.

Регулярные опросы руководителей органов внутренних дел (ОВД) свидетельствуют, что до 65% проблем в деятельности правоохранительной системы России непосредственно связывается ими с недостаточной подготовленностью специалистов и сформированностью соответствующих личностно-профессиональных качеств у сотрудников. В связи с этим совершенствование профессионального психологического отбора кандидатов в органы внутренних дел (ППО) рассматривается как важнейший компонент обеспечения надежности сотрудников и повышения качества кадровой работы в системе МВД России [7, 4].

Анализ методологии и передовой практики ППО показывает, что неотъемлемым условием эффективности его систем является применение обоснованных модельных технологий (А. Анастаси, 2001; Х. Осберн, 1991). На необходимость и целесообразность их разработки еще в 1970–1980-е и последующие годы неоднократно указывали отечественные специалисты в этой области (Б.В. Кулагин, 1984; В.А. Бодров, 2001 и др.).

В рамках психологической эпистемологии моделирование является методом научного познания мира путем представления объекта в виде некой конструкции для получения существенной информации о нем посредством экспериментов (К. Клаус, 1963; Б.Я. Советов, С.А. Яковлев, 2001).

Обоснование и постановка задачи

С начала 2010-х гг. в МВД России проводится широкомасштабный комплекс мероприятий, направленный на всестороннее совершенствование его деятельности. В их числе – поэтапное качественное изменение системы ППО кандидатов на службу. Его суть заключается в определении у них способности в соответствии со своими личным и деловым качествам выполнять служебные обязанности, а также в выявлении факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения [15, p. 16705].

С 2015 г. к будущим сотрудникам предъявляются экспериментально обоснованные требования универсального характера по уровню общего интеллектуального развития, способностям к логическим суждениям и умозаключениям, эмоциональной устойчивости, уравновешенности, умению контролировать поведение и проявление эмоций, выдержке, смелости, решительности, настойчивости, работоспособности, уровню правосознания и нравственных убеждений, честности, принципиальности, соблюдению норм общественной морали.

Трехлетний опыт работы в этом направлении свидетельствует о его принципиальной оправданности на первом этапе становления ППО. Однако высокие трудозатраты на его проведение и недостаточная эффективность применяемого психодиагностического инструментария настоятельно требуют качественного совершенствования всей системы на основе модельного подхода [13, с. 98–99]. Он основан на том, что любое психическое явление, в том числе и личностно-профессиональная пригодность, в качестве объекта профотбора может быть представлено в виде модели.

Психическое есть идеальное, образ реальности – виртуально-модельный конструкт (Л.С. Выготский, 1999; А.Н. Леонтьев, 1979; А.В. Нарышкин, 2005; У. Перси, 2003; С.Д. Смирнов, 1981; П. Тейяр де Шарден, 1987 и др.). Степень его адекватности определяет точность прогноза реального поведения индивида. Поэтому оптимизированная модельная диагностика является основной целью прикладной психологии [12].

Результатом отражения реальности человеком является ее сформированный образ-модель. Это некая «ментальная прослойка» между человеком и реальностью. Она существует как виртуально-модельная реальность, в которой «обитает» личность. Внутреннее и внешнее, материальное и идеальное, предметы и их образы-модели – это те аспекты познания, которые требуют постоянного сопоставления и анализа. Эти соотношения требуют преодоления проблем взаимоотношений и понимания первичности, доминирования того или иного полюса в теоретическом и прикладном, каузальном и телеологическом, экспериментальном и умозрительном аспектах психологии.

Психическая модель существует в человеке и вне его – в презентуемой ему материальной реальности в виде измененной, очеловеченной реальности. Соотношение реального и образно-модельно-психического было и остается фундаментальной проблемой психологии (Д. Винникот; Г. Гегель; А.Ф. Лосев; Г. Сколимовский и др.). Моделирование – это не только «исследование физических процессов на моделях», это научный метод исследования различных систем путем построения моделей этих систем, сохраняющих некоторые основные особенности предмета исследования, и изучение функционирования моделей с переносом получаемых данных на предмет исследования [4, с. 17–18].

Д.Н. Хорафас (1967) лаконично выразил эту же мысль, отметив, что моделирование есть динамическая аналогия.

В этом контексте задача заключается в разработке на основе модельного подхода более оптимальной системы ППО, методологической основой которого является валидный комплекс психодиагностических средств, способный обеспечить достоверный прогноз личностно-профессиональной пригодности сотрудников, способных на достаточном уровне эффективности качественно выполнять поставленные задачи.

Специфика решения задачи

В литературе [4] определяется, по крайней мере, два основных типа моделей: вещественно-физический, к которому относятся модели, имеющие физическую, химическую или биологическую природу, сходную с природой изучаемого явления и логико-математический (или формально-математический), представляющий конструкции, имеющие отличную от прототипов физическую, химическую или биологическую природу, но допускающие сходство с оригиналом посредством его математического, программного или логического описания.

Моделирование предмета психологического исследования в рамках профессионалогии и, в частности, в ППО, предполагает последовательную разработку, по крайней мере, пяти видов моделей: теоретической, предметно-содержательной, инструментально-методической, формально-математической и интерпретационной.

Теоретическая модель представляется известными концепциями профессиональной пригодности [2] и личностно-профессиональной спецификации [3]. Они, по существу, основаны на некоей бинарной системе, состоящей, с одной стороны, из подсистемы профессиональных требований к личности работника и, с другой стороны, из подсистемы личностных качеств персонала.

Связующим элементом этих двух глобальных переменных является соответствие личностно-профессиональных требований наличным качествам работника. В ППО объектом исследования является именно связь-соответствие требований качествам. Выявление и измерение этого соответствия и есть предмет ППО, представляющий модель личностно-профессиональной диагностики [9].

Сложность моделирования психологического объекта заключается в трудности учета всех внешних и внутренних переменных, влияющих на процесс оценки и развития личностно-профессиональной пригодности (ЛПП) сотрудников. Поэтому и система анализа деятельности, и система диагностики, и система интерпретации полученных данных носят оптимизированный, вероятностный и находящийся в рамках известного доверительного интервала характер.

Результаты профессиографического исследования

Экспериментальное наполнение личностно-профессионального моделирования происходит на этапах содержательного, инструментального, математического и интерпретационного моделирования.

Предметно-содержательная модель отражает совокупное представление экспертами структуры и содержания предмета исследования. Речь идет о редукции предмета исследования к системе значимых требований профессии к сотруднику. С этой целью в 2014 г. проведено профессиографическое исследование с участием репрезентативной выборки экспертов из числа наиболее успешных специалистов органов внутренних дел (n=580), позволившее выявить в структуре профессиограммы 21 общее и 23 специфических профессионально важных качеств (ПВК) сотрудников. Это позволило разработать специализированные модели их ЛПП по 9 видам правоохранительной деятельности.

В качестве стимульного материала использована профессиографическая анкета О. Липмана в адаптации В.П. Петрова и А.Т. Ростунова (1988) [6]. Выявление ПВК осуществлено путем определения значимости качества по среднему баллу экспертизы, составлявшему 75–80% от максимально возможного уровня, с учетом минимального значения среднеквадратичного отклонения. Минимальный уровень оценки, позволяющий судить о выявленном качестве как о профессионально важном составил 3,94 балла.

Для адекватного измерения профессиональных требований ПВК были сгруппированы в блоки – предметно-содержательные предикторы.

Например, в предиктор «Речемыслительные качества» (РМК) вошли восемь общих качеств, таких как: умение выделить в информации главное, существенное; умение принять решение в очень короткий срок; выносливость в напряженной и длительной умственной деятельности и др.

Состав предиктора «Эмоционально-волевые качества» (ЭВК) составили: дисциплинированность; высокий самоконтроль поведения; умение брать на себя ответственность за принятие решения и действия; самообладание и выдержка и др.

Содержание предиктора «Коммуникативно-организаторские качества» (КОК) наполнилось показателем стремления человека соблюдать принятые в коллективе правила и нормы поведения.

В предикторы «Деловые качества» (ДК) и «Нравственно-этические качества» (НЭК) вошли: аккуратность в работе, трудолюбие, инициатива, находчивость, честность, искренность, порядочность и др.

К специфическим ПВК (например, для экспертно-криминалистической деятельности) отнесены такие качества, как: быстрое восприятие и понимание письменной речи, длительное сохранение интенсивного (концентрированного) внимания, длительное сохранение информации в памяти, развитая зрительная память, настойчивость, принципиальность, умение настоять на своем, противостоять влиянию со стороны и др. [14].

С учетом общих качеств, для сотрудников уголовного розыска выявлено 29 ПВК (3,94 балла); для сотрудников охраны общественного порядка – 31 ПВК (4,2 балла); для сотрудников ГИБДД – 34 ПВК (4,1 балла); для следователей – 26 ПВК (4,3 балла); для сотрудников информационно-аналитических и экспертно-криминалистических отделов – по 31 ПВК (4,3 балла) и т. д.

Полученные эмпирические данные показывают, что структура предикторов различных специализаций правоохранительной деятельности имеет разную, специфическую, конфигурацию, т. е., каждый предиктор имеет особенный весовой коэффициент. Весовой вклад предикторов определен путем вычисления пропорции, где сумма баллов ПВК специальности соотнесена с общей суммой баллов по всем предикторам.

Предметно-содержательная модель ЛПП сотрудников, например экспертно-криминалистических подразделений, посредством весовых коэффициентов представляется формулой:

Формула1

$$\text{ЛПП}_{\text{экп}} = 0,47(\text{РМК}) + 0,27(\text{ЭВК}) + 0,11(\text{ДК}) + 0,09(\text{КОК}) + 0,06(\text{НЭК}),$$

где: ЛПП_{экп} – личностно-профессиональная пригодность (для экспертно-криминалистических подразделений).

РМК - речемыслительные качества

ЭВК - эмоционально-волевые качества;

ДК - деловые качества;

КОК - коммуникативно-организаторские качества;

НЭК - нравственно-этические качества»

Как следует из формулы 1, в представленной модели доминирует предиктор речемыслительных качеств (РМК). Второе место по значимости занимают эмоционально-волевые качества (ЭВК). Далее следуют деловые (ДК), затем коммуникативно-организаторские (КОК) и нравственно-этические (НЭК) качества.

Проверка валидности психодиагностических средств

Инструментально-методическая модель представляет собой систему средств психологической оценки основных элементов предметно-содержательной модели. Аспекты использования методик в ассессменте глубоко проанализированы в справочном руководстве под редакцией М. Даннетта и И. Хока (1990–1992) [1]. Обзор тестов и других инструментов отбора и распределения персонала в зарубежной профессиологии представлен у А. Анастаси (2001), К. Вана Иддекинга (2012), Ф. Лэнди (1994), Х. Осберна (1991), Д. Онеза (1993), Ф. Шмидта (2013) и др. Подобные работы есть и у отечественных авторов – А.А. Бодалева и В.В. Столина (2002), В.А. Бодрова (2001), Л.Ф. Бурлачука и С.М. Морозова (2000), Б.В. Кулагина (1984) и др.

Примененная диагностическая тестовая батарея ППО сотрудников содержит девять автоматизированных психодиагностических методик, которые «перекрывают» 94% ПВК:

- Прогрессивные матрицы Равена (36-пунктовый вариант с 15-минутным ограничением);
- «Аналогии» (30-пунктовый вариант с 4-минутным ограничением);
- «Словарь» (28-пунктовый вариант с 5-минутным ограничением);
- Краткий отборочный тест (40-пунктовый вариант с 15-минутным ограничением);
- Модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» Ш. Ричи, П. Мартина (М-профиль);
- Многомерный метод исследования личности (в адаптации Ф.Б. Березина, М.П. Мирошникова, 384-пунктовый вариант);
- «Оценка уровня развития волевой саморегуляции» А.Г. Зверкова, Е.В. Эйдмана (опросник ВСК);
- Методика изучения правосознания Л.А. Ясюковой;
- «Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями» Е.Г. Ксенофонтовой [1, с. 104].

Проведенная в 2016–2017 гг. на этапе инструментально-методического моделирования проверка валидности средств оценки ЛПП сотрудников (n=6 758) выявила значительные психометрические и организационно-методические проблемы. В их числе:

- большая стандартная ошибка измерений по различным направлениям служебной деятельности (2,87–3,18 стэна);
- отсутствие в значительной части показателей дифференцирующей силы (29%);
- большое число показателей (32%), корреляция которых не достигает статистически значимого уровня ($p < 0,05$) и др.

По отдельным видам правоохранительной деятельности негативные тенденции возрастают.

Например, в информационно-аналитических подразделениях лишь 17 тестовых показателей (из 56) удовлетворительно дифференцируют сотрудников ($p < 0,05$) относительно оценок эффективности их профессиональной деятельности (по t-критерию Стьюдента).

Эти данные подтверждают наличие глобальных психометрических проблем современной отечественной психодиагностики, связанных с методическим инструментарием прикладной психологической науки (Н.А. Батурин, 2010).

Результаты констатирующего эксперимента

Формально-математическая модель – это конструкция, имеющая отличную от прототипов физическую, химическую или биологическую природу, но допускающая сходное с оригиналом математическое, программное и логическое описание объекта ассессмента. Ее цель и предназначение состоят в том, чтобы наиболее полно отобразить нужную для изучения сторону (часть, элемент, функцию) объекта-прототипа, т. е., осуществлять имитационное моделирование, связанное с рядом математических проблем (В.В. Юрченко, 1983).

Как указывают многие авторы, удовлетворительных математических оснований психологии еще не разработано. Б.Ф. Ломов отмечал, что «... вряд ли можно возражать против необходимости разработки специального математического аппарата для психологии. Однако пути разработки такого аппарата пока еще неясны» [8, с. 13–14]. Недостаточность имеющихся математических методов для анализа системных проблем отмечал Л. фон Берталанфи. Эту же мысль высказывали Л.В. Канторович, Г.А. Смирнов (1983) и др. И это при том, что, как в свое время подчеркивал Л.Ф. Бурлачук, «... вряд ли кто-либо сегодня решится утверждать, что в области измерения (оценки) индивидуальных различий мало что изменилось со времен Гальтона и Кеттелла» [5; 6].

С учетом всего этого для построения формально-математической модели какого-либо объекта необходимо, прежде всего, выявить имеющие к нему отношение факторы и описать его характеристики, оценивая при этом переменные величины, оказывающие основное влияние на результат. Эффективность математического моделирования зависит от характера задач исследования, мастерства экспериментатора, избранного вида модели, регламента времени и средств.

Необходимо также учитывать, что математическое моделирование в психологии сталкивается с некоторой «сдержанностью» исследователей в этой области знаний, потому что она связана со сложными статистическими расчетами, известной редукцией психологического материала, компьютеризацией и т. д.

Математическое представление исследуемого психологического объекта в профессиологии может осуществляться на основе регрессионных математических моделей (Б.В. Кулагин, 1984), моделей распознавания образов (Я.А. Фомин, 2012), формальной теории целостности (Г.А. Смирнов, 1979–1983), химических уравнений (Дж.К. Равен, Д. Курт, Д. Равен, 1998) и др.

Выбор информативных показателей тестов, вошедших в математическую модель прогноза ЛПП сотрудников осуществлен по следующим критериям:

- нормальность распределения данных (с использованием асимметрии и эксцесса);
- значимое соотношение показателя с показателем внешнего критерия (по величине корреляции $R_{зн}$, при $p < 0,05$);
- минимальная величина интеркорреляций между информативными показателями ($R < R_{зн}$).

В ходе реализации формально-математического моделирования на экспериментальной выборке сотрудников (n=508) разработаны модели прогноза профессиональной пригодности в формате уравнений множественной линейной регрессии для нескольких возрастных диапазонов испытуемых.

Например, для возраста 25–35 лет прогноз ЛПП сотрудников осуществлен в виде математически оформленной тестовой конструкции, представленной в формуле 2.

Формула 2

$$\text{ЛПП} = -0,88 + 0,08 \cdot X_1 + 0,07 \cdot X_2 + 0,08 \cdot X_3 + 0,07 \cdot X_4 + 0,05 \cdot X_5 + 0,06 \cdot X_6 + 0,15 \cdot X_7 + 0,12 \cdot X_8 + 0,14 \cdot X_9 + 0,06 \cdot X_{10},$$

где: X_1 – «Аналогии» (Тч – шкала «точность»); X_2 – КОТ (Пр – шкала «продуктивность»); X_3 – КОТ (Эф – шкала «эффективность»); X_4 – М-проф. (ВВ – шкала «власть и влияние»); X_5 – ММИЛ (F – шкала достоверности, аггравации); X_6 – ММИЛ (Sc – шкала «шизоидность»); X_7 – ВСК (В – шкала «волевой настрой»); X_8 – УСК (Ио – шкала «интернальность общая»); X_9 – УСК (Им – шкала интернальность в межличностном общении); X_{10} – УСК (Ис – шкала «интернальность в семейных отношениях»); X_{11} – ПрС (ПЗ – шкала «правовые знания»).

Анализ прогностической мощности и эффективности разработанных моделей ЛПП показал, что расчетный коэффициент множественной детерминации перекрывает достаточно большую область профпригодности – 94% изменений показателей (94% объясняемой дисперсии признака). Например, представленная в формуле 2 модель в стеновой шкале корректно распределяет испытуемых в интервале от 0,3 до 6,98. При этом остается пространство для ее совершенствования в направлении полного «перекрытия» 10-ти балльного диапазона значений.

В качестве внешнего критерия в модели используется экспертная оценка результативности оперативно-служебной деятельности сотрудников. Экспертиза осуществлена при помощи метода парных сравнений, полярных групп и групповой оценки личности.

Интерпретационная модель – это совокупный вывод об уровне развития и проявления переменных. В данном пункте результат личностно-профессиональной диагностики сводится к определению четырех категорий ЛПП в соответствии с нормальным разбросом данных относительно средних показателей методик.

Для оценки ЛПП сотрудников использованы статистические данные внешнего критерия ($M_x \pm \delta_x$).

Граница первой категории ЛПП (эффективные сотрудники, рекомендуются) определяется формулой $M_x + \delta_x$.

Вторая категория ЛПП (достаточно эффективные сотрудники, рекомендуются с ограничениями) располагается в диапазоне от M_x до $M_x + \delta_x$.

Третья категория ЛПП (средне успешные сотрудники, условно рекомендуются) находится в интервале от $M_x - \delta_x$ до M_x .

Четвертая категория ЛПП (неуспешные сотрудники, не рекомендуются) определяется в зоне значений показателей менее $M_x - \delta_x$.

Проведенная в 2016 г. проверка эффективности реализуемой в МВД России инструментально-методической модели ППО ($n=235$) показала, что наряду с преимуществами у модельного подхода есть и определенные ограничения [6].

Это определяет основание для дальнейшего совершенствования модели оценки ЛПП, как на концептуальном, так и на организационно-методическом уровне.

Выводы

1. Модельный подход в теории и практике ППО имеет актуальные научные основания и богатую, продолжительную историю реализации. По существу, модель как психологический образ реальности составляет основу психической реальности субъекта труда.

2. Моделирование является эффективным методом изучения психических особенностей личности в сопоставлении с объективными требованиями профессиональной деятельности, что предполагает разработку и использование достоверного инструмента решения задач оценки и повышения надежности сотрудников МВД России. Модель обладает высокой адаптивностью к уточнениям задач их оперативно-служебной деятельности и предполагает высокую степень методического обеспечения ППО.

3. Реализуемое в МВД России моделирование ППО имеет свою структуру, включающую теоретическую, содержательную, методическую и формальную составляющие. Их целостное и последовательное практическое воплощение позволяет достоверно повысить качество кадровой работы органов внутренних дел и с необходимостью обеспечить решение основных задач, стоящих перед правоохранительной системой России.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. 7-е изд.: пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
3. Бородин Т.И., Носс И.Н. Личностно-профессиональная спецификация государственных служащих: монография / Под общ. ред. А.В. Булгакова. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 288 с.
4. Братко А.А. Моделирование психики. М.: Наука, 1969. 176 с.
5. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика на рубеже веков // Психологическая газета.

Апрель, 1999. № 4(43). С. 6.

6. Дашко М.Н., Виноградов М.В. Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 101–105.
7. Деркач А.А., Носс И.Н. Акмеологическая диагностика и оценка кадров государственной службы: монография. Т. 1. М.: Изд-во РАГС, 2011. 211 с.
8. Крук В.М., Носс И.Н., Федотов А.Ю. Психодиагностическая оценка надежности сотрудника: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. В.М. Крука. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 143с.
9. Кубышко В.Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95–103.
10. Ломов Б.Ф. Методологические проблемы психологического эксперимента // История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России. М.: Наука, 1990. С. 12–29.
11. Носс И.Н. Профессиональная психология: Психологический отбор персонала. М.; Владивосток: Изд-во «Лит», 2005. 191 с.
12. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Рефлективный слой познавательных состояний // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 91–103.
13. Путин В.В. Ежегодное Послание к Федеральному собранию. 01 марта 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://versia.ru/smi-ezhegodnoe-poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-mogut-perenesti-na-2018-god> (дата обращения: 19.03.18).
14. Селиванов В.В. Мыслительные процессы в функциональной структуре интеллекта // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 67–78.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50. Ч. 6. Ст. 7075. С. 16705–16709.

Experimental validation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers

Kubyshko V.L., PhD (Pedagogy), head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (84956673764@mail.ru)

Kruk V.M., Doctor of psychology, professor, leading consultant of Department of psychological work, Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (kvm@fsvgroup.ru)

Noss I.N., Doctor of psychology, professor, professor Department of labour psychology and organizational psychology, Moscow state regional University (innoss2007@yandex.ru)

Borodina T.I., Teacher Department of labour psychology and organizational psychology, Moscow state regional University (takvilona@yadex.ru)

This article discusses the problems of modeling personality-suitability of employees of internal affairs agencies (staff) in the psychology of performance. The model is presented as an activity centred construct. Subject of study modeled in stages in the form of conceptual and theoretical subject-content, instrumental and methodological, formal mathematical model and interpretation. Modeling reveals closeness to essence of psychological phenomena according to the degree of relevance of the model with the real activity of employees. The results of the domain-meaningful simulation are presented in the form of structured psihogrammy. Highlighted the importance of the reliability of methodical models. As a result, studied psychological phenomenon is presented in the format of a functional link personal test data of the employees with their operational activities. Identified existing problems related to the modeling of personal and professional.

Key words: psychological model of personal and professional suitability, conceptual and theoretical modeling, substantive modeling, instrumental and methodological modeling, formal mathematical modeling, interpretation modeling, professionally-important qualities, the external criterion, the regression model for prediction of suitability.

References

1. Anastazi A., Urbina S. Psikhologicheskoe testirovanie. 7 ed. Engl. transl. [Psychological testing. 7th edition. Translation from English]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2001. 688 p.
2. Bodrov V.A. Psikhologiya professional'noi prigodnosti. Uchebnoe posobie dlya vuzov [Psychology of professional suitability. Textbook for high schools]. Moscow: PER SE Publ., 2001. 511 p.

3. Borodina T.I., Noss I.N. Lichnostno-professional'naya spetsifikatsiya gosudarstvennykh sluzhashchikh: monografiya [Personal and professional specification of civil servants: monograph]. Bulgakova A.V. (ed.). Moscow: IIU MGOU Publ., 2018. 288 p.
4. Bratko A.A. Modelirovanie psikhiki [Modeling of the psyche]. Moscow: Nauka, 1969. 176 p.
5. Burlachuk L.F. Psikhodiagnostika na rubezhe vekov [Psychodiagnosics at the turn of the century]. Psikhologicheskaya gazeta [Psychological newspaper], April, 1999, no. 4 (43), pp. 6.
6. Dashko M.N., Vinogradov M.V. Professional'nyi psikhologicheskii otbor na sluzhbu v organy vnutrennikh del: novyi podkhod k izucheniyu lichnykh i delovykh kachestv grazhdan, postupayushchikh na sluzhbu v podrazdeleniya MVD [Professional psychological selection for service in the internal Affairs bodies: a new approach to the study of personal and business qualities of citizens entering the service in the units of the Ministry of internal Affairs]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement], 2015, no. 3 (62), pp. 101–105.
7. Derkach A.A., Noss I.N. Akmeologicheskaya diagnostika i otsenka kadrov gosudarstvennoi sluzhby: monografiya [Acmeological assessment of civil service personnel: a monograph]. Vol. 1. Moscow: Russian Academy of public administration under the President of the Russian Federation Publ., 2011. 211 p.
8. Kruk V.M., Noss I.N., Fedotov A.Yu. Psikhodiagnosticheskaya otsenka nadezhnosti sotrudnika: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Psychodiagnostic evaluation of the reliability of the employee: a textbook for University students]. Kruka V.M. (ed.). Moscow: YuNITI-DANA Publ., 2017. 143 p.
9. Kubyshko V.L. Sovershenstvovanie psikhologicheskoi raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del [Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support of operational and service activities of personnel of internal Affairs bodies]. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal], 2017, no. 4 (28), pp. 95–103.
10. Lomov B.F. Metodologicheskie problemy psikhologicheskogo eksperimenta [Methodological problems of psychological experiment]. Istoriya i aktual'nye problemy razvitiya eksperimental'noi psikhologii v Rossii [History and actual problems of experimental psychology development in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 12–29.
11. Noss I.N. Professional'naya psikhologiya: Psikhologicheskii otbor personala [Professional psychology: Psychological selection of personnel]. Moscow: Lit Publ., 2005. 191 p.
12. Prokhorov A.O., Yusupov M.G. Refleksivnyi sloi poznavatel'nykh sostoyanii [Reflexive layer of cognitive States]. Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology], 2017, Vol. 10, no. 2, pp. 91–103. (In Russ., Abstr. in Engl.).

Кубышко В.Л., Крук В.М., Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов. *Психология и право* psyandlaw.ru 2018. Том 8. №3. С. 34-47.

Kubyshko V.L., Kruk V.M., Noss I.N., Borodina T.I. Experimental validation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers. *Psychology and law* psyandlaw.ru 2018. Vol. 8. no.3. pp. 34-47.

13. Putin V.V. Ezhegodnoe Poslanie k Federal'nomu sobraniyu. 01 marta 2018 g. [Elektronnyi resurs] // URL: <https://versia.ru/smi-ezhegodnoe-poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-mogut-perenesti-na-2018-god> (Accessed: 19.03.18).
14. Selivanov V.V. Myslitel'nye protsessy v funktsional'noi strukture intellekta [Thinking processes in the functional structure of intelligence]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. 2017, Vol. 10. no. 2, pp. 67–78. (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2012, no. 50, part 6, article 7075. pp. 16705–16709.

Образовательная социализация адъюнктов в Академии управления МВД России: проблемы и пути решения

Филимонов О.В., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (ofilimonov@yandex.ru)

В настоящее время существует выраженное противоречие между государственным заказом на подготовку преподавателей высшей школы и готовностью адъюнктуры Академии управления МВД России реализовать его. Причинами этого являются устаревшие представления о роли адъюнктуры как организационной формы разработки диссертационного исследования. В статье проводится анализ причин, почему адъюнктура не стала кузницей ни педагогических, ни научных кадров. Основные из них следующие: непонимание адъюнктами своего будущего педагогического предназначения, что является основным барьером образовательной социализации, и целевой заказ, не подразумевающий дальнейшее использование выпускников адъюнктуры по педагогическому профилю. В статье произведено сравнение результативности аспирантуры в РФ и адъюнктуры в Академии управления МВД России по критерию защищаемости, сделан вывод, что количество завершённых исследований критично мало по сравнению с количеством закончивших адъюнктуру (аспирантуру). Автором предложены пути изменения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Академия управления МВД России, адъюнктура, социализация, образование, педагогическая деятельность, диссертационное исследование.

Для цитаты:

Филимонов О.В. Образовательная социализация адъюнктов в Академии управления МВД России: проблемы и пути решения. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 48-59. doi: 10.17759/psylaw.2018080304

For citation:

Filimonov O.V. Educational socialization of post-graduates In the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and solutions. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 48-59. doi: 10.17759/psylaw.2018080304

В последнее время в связи с обострением глобальной конкуренции между государствами значительно интенсифицировался поиск путей повышения эффективности государственного управления как практиками, так и учеными. Идея о том, что человеческий капитал в современном мире является ключевым инструментом формирования эффективной системы управления, достигла уровня всеобщего признания. Так, на последнем Санкт-Петербургском экономическом форуме (24-26 мая 2018 г.) в очередной раз отмечалось необходимость масштабных инвестиций в человеческий капитал, к которым относятся и вложения в образование.

Можно добавить, что ключевым моментом является инвестирование не столько в образование как таковое, но в повышение качества *образователей* (здесь и далее выделено авт.). Именно авторы образовательного процесса могут либо повысить эффективность вложений, либо, как минимум не снизить их. Качество же субъектов образовательного процесса в последнее время не повышается. Причины, конечно имеют как субъективные (например, невысокая способность к педагогической деятельности, что не является предметом данной статьи), так и объективные условия, на которые можно повлиять организационно-управленческими методами воздействия. Как отметил А. Милёхин, зачастую «...представления о процессе социализации, особенностях социализированной личности носят стихийный характер и сформированы спонтанно на субъективном уровне на основе житейских понятий» [6, с. 68]. Одним из направлений повышения качества образования в высшей школе является успешная образовательная социализация будущих педагогов.

Сущность понятия «социализация» достаточно подробно раскрыта в гуманитарных науках. Анализ подходов к нему позволяет утверждать, что именно перечень норм, ценностей, образцов поведения является определяющим в образовательном процессе (в адъюнктуре). Педагогическое образование неполноценно, если оно не способствует развитию личности самого педагога. Как отметил Е. Цариев, «... без творчества нет педагога-мастера» [9, с. 70]. Понимание этих ценностей вторичными агентами социализации (профессорско-педагогический состав вуза) и определяет направленность и акцент образовательной социализации. И при наличии одновременно двух (масштабных) проектов (формирование себя как педагога и как ученого) один из них должен стать определяющим (если угодно, мессианским), а второй ведомым, обеспечивающим развитие основного качества (педагога).

Сегодня в системе МВД России одной из основных форм подготовки преподавателей для высшей школы является сеть адъюнктур, в том числе и в Академии управления. В ней осуществляется подготовка по пяти направлениям подготовки и одиннадцати специальностям. Для обеспечения учебного процесса в Академии служат (работают) 58 докторов и 106 кандидатов наук, имеющие достаточный педагогический опыт; общая «остепененность» составляет 88 %. Можно утверждать, что этот потенциал способен обеспечить подготовку научно-педагогических «преемников». Дело осталось за малым – обеспечить эту преемственность, подготовив *профессиональных педагогов* высшей школы.

Как отметил М. Поляков, высшие учебные заведения должны быть нацелены на подготовку научно-исследовательских кадров, помогая обучаемым делать свой экзистенциальный выбор – отдать дальнейшую жизнь служению научной истине. Именно в университетской среде и возникло слово «интеллектуал», обозначающее человека, чьей

профессией является мышление и преподавание своих мыслей [6, с. 190]. Но эти ценности не должны быть абстрактны – у них должна быть цель, вершина.

Какие же ценности должны быть сформированы в образовательном пространстве вуза в сфере подготовки научно-педагогических кадров, которые могут (должны) передаваться социализирующимся обучаемым. На наш взгляд, это *образовательное знание*, под которым Г. Зборовский понимает «... знание, специально создаваемое одной группой его субъектов (учеными, педагогами и др.) и приобретаемое и используемое другой группой – учащимися, направленное на превращение достижений науки и культуры в ориентационную основу повседневного (регулярного) поведения субъектов образования» [4, с. 17]. Именно оно становится той ценностью, нормой, установкой, которую нужно (предварительно сформировав) передать. Актуальность проблемы образовательного знания, по мнению Зборовского, состоит в том, что «...доля людей, стремящихся к самостоятельному производству нового знания, становится все более тонкой» [4, с. 14]. Он объясняет это тем, что создание (производство) нового знания, являющегося неотъемлемой частью профессии педагога, является невероятно трудоемкой деятельностью. Зборовский приводит мнение американского психолога Дж. Брунера о современной молодежи, которую важно знакомить не только «с готовыми результатами науки, но и показывать, что сама наука является важнейшим полем деятельности человеческого духа, существенным элементом человеческой культуры» [2, с. 61]. Но в образовательной организации только профессия (призвание) педагога поможет осознать, для чего обучаемому в адъюнктуре необходимо потратить свои (значительные) ресурсы на разработку научного исследования. Ведь диссертация существует не сама по себе, как средство самореализации или удовлетворения амбиций. Она является средством (инструментом) дальнейшего развития в педагогическом процессе. Тем более что одним из оснований карьерного роста (например, для занятия должности доцента) необходимо, помимо прочего, наличие ученой степени как минимум кандидата наук.

В настоящее время существуют проблемы с *фактической* способностью кандидатов на поступление в адъюнктуру Академии управления из числа сотрудников органов внутренних дел к образовательной социализации. У них отсутствует не только (какое-то) педагогическое образование, но и зачастую сколько-нибудь значимое социально-гуманитарное образование, позволяющее приблизительно понять суть профессии преподавателя. Даже возникший в стенах ведомственных вузов интерес к неюридическим предметам практико-ориентированная правоохранительная деятельность нивелирует. Более того, эта деятельность зачастую деформирует реальные оценки социума. Занимаясь в большинстве рационально осязаемого времени (без сна) специфическими категориями граждан (преступниками, потерпевшими, свидетелями, агентами и пр.), усредненный сотрудник начинает считать (независимо от своего желания), что социум и представляют эти категории граждан. И реагирует на их запросы он тоже соответствующим образом: преступника желает вывести на «чистую воду», заявления потерпевшего использовать для возбуждения уголовного (административного) производства, показания свидетеля – для доказывания вины преступника; агенты также помогают добыть оперативную информацию. В общем, весь круг общения связан с противоправным поведением граждан. Педагогическая же деятельность, напротив, востребует наличие противоположных качеств: чуткость, эмпатия, доверие и др., формирование которых крайне затруднительно в повседневной правоохранительной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Ряд ученых пришли к аналогичному выводу, считая, что «...что подобная ситуация не способствует качеству подготовки научно-педагогических кадров, поэтому целесообразно

отбирать в адъюнктуру лиц, проявляющих склонность к научно-исследовательской и педагогической деятельности» [3, с. 139-140], или имеющих реальный педагогический опыт. Хотя подобный опыт уже имелся в ведомстве.

Например, во всех высших военных командных училищах (институтах) Министерства внутренних дел России (а ранее СССР) в качестве «гражданской» специальности присваивалась квалификация «преподаватель начальной военной подготовки». То есть «учительская» специализация сопутствовала основной, командной тактической. Она многократно усиливалась в фактически образовательной деятельности после выпуска из вуза: основное время военнослужащие посвящают боевой учебе, которая осуществляется как раз на занятиях в различных формах. Командир любого уровня готовится к ним: пишет конспекты, изучает литературу, методику проведения занятий. Педагогические компетенции, таким образом, формировались и развивались естественным образом. И если войсковой офицер желал продолжить свою дальнейшую службу на педагогическом поприще, получить соответствующее образование, он поступал в адъюнктуру и социализационно был готов к новому виду деятельности. Процесс формирования преподавателя высшей школы происходил посредством не бифуркационного изменения картины мира, а путем незначительной социализации, только на новом уровне похожей деятельности.

К сожалению, на сегодняшний день практическое осмысление будущей профессии в рамках адъюнктской подготовки не происходит. Послевузовское образование, предшествующее современной (третьей) ступени высшего образования, так и не стало новой формой, нацеленной, прежде всего, на воспроизводство педагогического потенциала, получившего методическую подготовку самостоятельного научного поиска. Современных людей, приходящих в науку, привлекают именно статусные установки; их влечет желание быть причастными к научному сообществу, иметь официальные документы, подтверждающие высокий интеллектуальный уровень [6, с. 191].

Учеными отмечается снижение качества подготовки научно-педагогических кадров в вузах МВД России [10, с. 21]. И если раньше эти претензии обращались в основном к качеству подготовки диссертационных исследований (а это отдельная тема), то в последнее время внимание чаще всего концентрируется на подготовке к будущей профессии. Заикленность в подготовке будущих педагогов на защите научного труда (порой именно на написании, а не на качественной ее разработке) нивелирует педагогический акцент подготовки преподавателей-исследователей.

Одной из причин этого является *целевой* набор в адъюнктуру, подразумевающий подбор кандидатов на обучение в адъюнктуре территориальными органами внутренних дел (на уровне субъектов Российской Федерации). По существующему положению эти же органы обязаны взять обратно и вновь трудоустроить откомандированных на обучение сотрудников. Парадокс: федеральные государственные образовательные стандарты предполагают получение после обучения в адъюнктуре новой компетенции («Исследователь. Преподаватель-исследователь»), реализовать которую можно только в образовательных или научных организациях, а уровень (подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации) предусматривает дальнейшее прохождение службы в вузах. Но они подчинены только Министерству внутренних дел РФ (в лице его Департамента государственной службы и кадров). Вот и получается, что сотрудник, подготовленный для нового вида деятельности, проходит дальнейшую службу отнюдь не по полученной

педагогической (научной) специальности, а за пределами образовательной или научной организации, «вливаясь», как отмечает Н. Сердюк, в состав уже устоявшихся научных школ [7, с. 38]. А за три года обучения в (очной) адъюнктуре он потерял необходимую квалификацию и замедлился в карьерном росте. Использовать же новую компетенцию ему попросту негде. Желаемое признание может остаться разве что на визитной карточке, в виде записи «Кандидат ... наук».

А государство ожидает от образовательных учреждений, взявших на себя бремя подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации, другого. Адъюнктура, как отметил Ю. Шаранов, «теперь является образовательным проектом, а выпускник – преподавателем вуза» [10, с. 22]. Акцент однозначно должен быть сделан на образовательно-педагогической социализации. И, по нашему мнению, акцент в подготовке адъюнкта должен быть смещен от «Исследователь» в сторону «Преподаватель-исследователь». Защита же диссертации вполне может быть произведена после назначения выпускника на (обязательно) должность, связанную с педагогической или научной деятельностью.

Другой причиной является, как уже было отмечено, традиционная *целевая установка* на написание диссертации. Связка адъюнктура–диссертация стала настолько привычной, что выпуск без защиты в диссертационном совете стал приравняться к предательству. Тем более что на момент поступления в адъюнктуру у подавляющего большинства кандидатов на обучение нет не только сформированного направления научного поиска, но даже элементарного представления о проблеме, которую они (возможно) будут разрабатывать. Самая распространенная просьба: посоветуйте (дайте) тему! Полгода порой уходит только на поиск своего места в выбранной отрасли знания. Только потом начинает вникать в степень научной разработанности проблемы, ее концептуализировать, эмпирически проверять, и пр., и пр. Где там педагогическая сфера? Все силы бросаются на подготовку материалов диссертационного исследования. На заседаниях кафедр (что, конечно, естественно) рассматриваются отчеты соискателей ученой степени об успешности их «писательского» дела. Степень готовности адъюнктов к педагогической деятельности зачастую остается фактически их личным делом.

Семантически понятия «адъюнкт» и «соискатель» (ученой степени) зачастую воспринимаются как синонимы. И в этом кроется, на наш взгляд, одна из причин непонимания современного предназначения адъюнктуры. Традиционная мотивация: «*я поступаю в адъюнктуру (аспирантуру), чтобы писать (написать) диссертацию*», вступает в когнитивный диссонанс с требованиями образовательного процесса на этом уровне получения знаний. Именно здесь начинается конфликт ценностей: объяснения первых затруднений начинаются с «*мне некогда (не дают) писать диссертацию*». Сожалений же о том, что «*не дают (не создают) условия для образовательно-педагогического развития*» автор (да и опрошенные им коллеги) не слышали.

Следующей причиной, препятствующей успешной образовательной социализации будущей профессии является *глубинное* понимание сути профессии педагога. По мнению М. Кряхтунова, основаниями педагогического призвания выступают «... отождествление себя с представителями педагогической профессии, интерес и стремление ответить на вызовы педагогической деятельности, ценностное отношение ко всем компонентам педагогической деятельности ... признание коллегами и учащимся, связь личностного и профессионального развития с педагогической профессией» [5, с. 9]. Здесь должно

гармонично сочетаться две составляющие: наличие формального образования, дающего право преподавания в высшей школе, и фактического, то есть признания окружением качества этого образования. Стать педагогом может лишь тот, кто действительно любит эту профессию, не считает ее временной передышкой между разными периодами карьерного роста в практических органах внутренних дел. Профессия педагога сродни своего рода подвижничеству, самоотдаче, является сакральным методом формирования себе подобных. Формирование этих качеств в начинающем педагоге как раз и составляет суть образовательной социализации.

Естественным образом вытекает вопрос: может быть, именно сосредоточение усилий на подготовке важной составляющей специальности «Исследователь. Преподаватель-исследователь» – кандидатской диссертации является главной целью? И именно на ней концентрируется основной акцент подготовки научно-педагогических кадров? Для получения оснований к такому утверждению нами было проведено сравнение количества закончивших обучение в аспирантуре (адъюнктуре) и защитивших диссертацию (во время обучения и в течение года после выпуска). Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Сравнение выпущенных из аспирантур (адъюнктуры Академии управления) и защитивших диссертации

Выпуск аспирантов [8] / адъюнктов¹ по отраслям наук

Отрасли знания	Выпуск из аспирантуры / адъюнктуры					Из него с защитой диссертации (%) ²				
	2012	2013	2014	2015	2016 ³	2012	2013	2014	2015	2016
Психологические	854/5	718/5	621/-	544/1	504/1	193 (22,6)/ - (0)	128 (17,8)/ - (0)	103 (16,6)/ (0)	69 (12,7)/ (0)	32 (6,3)/ - (0)
Педагогические	2202/1	2095/1	1800/1	1580/2	1437/1	647 (29,4)/ - (0)	487 (23,2)/ - (0)	358 (19,9)/ (0)	286 (18,1)/1 (50)	190 (13,2)/ (0)
Экономические	5800/8	5479/1	4040/4	3839/4	3206/2	1690 (29,1)/ - (0)	1490 (27,1)/ - (0)	703 (17,4)/ (0)	582 (15,2)/1 (25)	275 (8,6)/ (0)
Социологические	634/1	571/3	460/2	423/3	387/3	162 (25,6)/	143 (25,0)/	78 (17,0)/1	68 (16,0)/1	47 (12,1)/2

¹ Академии управления МВД России.

² Процент подсчитан автором.

³ С 2017 г. выпуск аспирантов/адъюнктов осуществляется по отраслям наук и направлениям подготовки.

						- (0)	- (0)	(50)	(33)	(66)
Техничес- кие	8491 /1	8738 /-	7282 /1	6723 /-	7286/1	1945 (22,9)/ - (0)	2129 (24,4)/ - (0)	1246 (17,1)/- (0)	1093 (16,3)/- (0)	1030 (14,1)/- (0)
Юриди- ческие	2309 /50	2270 /44	1737 /29	1461 /25	1371/2 2	457 (19,8)/ 7 (14)	371 (16,3)/ 3 (6,8)	226 (13,0)/1 (3,4)	205 (14,0)/6 (24)	148 (10,8)/4 (18,2)

Результаты сравнения предложенных показателей выпуска (по одинаковым отраслям наук) позволяет сделать вывод, что защита диссертации вообще не может являться критерием результативности их деятельности. Что же готовы (хотят) получить на «выходе» руководство вузов? Зачем были потрачены общие усилия, средства ведомств, педагогические ресурсы вузов? Какой прокрустов выбор лучше сделать: получить недоучёного или недопедагога (а скорее всего, обоих сразу)? Или лучше сконцентрировать усилия на образовательно-педагогической специализации, одобрить основу кандидатской диссертации (квалификационную работу, защищенной в формате государственного выпускного экзамена), с обязательством защитить ее в диссертационном совете? Нам думается, решение однозначно: необходимо формировать педагога, с представлением ему возможности (например, по аналогии с «гражданскими» вузами в качестве ассистента на кафедре) доработать свой научный труд на кафедре, в период непосредственной педагогической адаптации.

Основаниями для поступления должны стать не только вербализированная готовность учиться в адъюнктуре, но и доказанная способность к образованию. Ей как раз может стать подтвержденное умение писать научные работы на (уже) выбранную тему, одобренную кафедрой и (возможно) научным руководителем. В правилах приема в Академию управления МВД России определено, что к освоению программ подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре допускаются лица, имеющие высшее образование – специалитет или магистратуру. В каждой из этих форм образования в качестве итоговой проверки знаний предусмотрена защита выпускной квалификационной работы. Обучение на специалитете подразумевает получение первого высшего образования, что, как правило, не предполагает понимание выпускником своего будущего (возможного) педагогического предназначения (в вузах МВД РФ они ориентированы на службу в территориальных органах внутренних дел). Магистратура же может служить этапом профессиональной ориентации и первичной образовательной социализации. Через год обучения (которое длится на очной форме два года) уже достаточно ясно можно предположить, способен (склонен) или нет слушатель к педагогической деятельности. Его выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) может стать серьезной основой будущей кандидатской диссертации. Созданный задел увеличит время, отведенное на научное исследование в период обучения в адъюнктуре, устранил противоречия выбора между написанием научной работы и педагогическим образованием, снизит психологическое напряжение, возникающее вследствие невыполнения плана подготовки диссертационного исследования, и т.д. Решение этой задачи принесет синергетический эффект, даст эмерджентный эффект подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Подводя итог, попытаемся сформулировать ряд предложений по исправлению сложившейся ситуации. *Во-первых*, необходимо рассмотреть вопрос о «нулевом» периоде обучения в адъюнктуре. Он должен включать обсуждение направления диссертационного исследования, возможно, даже утверждение темы, изучение степени разработанности проблемы, *до* поступления в адъюнктуру. В этот период целесообразно также получить первый публикационный опыт, хотя бы на уровне тезисов в материалах научных конференций. Это позволит будущему адъюнкту протестировать свои силы на будущем *научном* поприще, существенно сэкономить время на начальном периоде обучения. Адъюнкт с первого дня включится в образовательный процесс, избежит стресса, потенциально связанного с необходимостью уложиться в срок поиска и утверждения темы диссертации. Это позволит также устранить сомнения в правильности выбранного предмета исследования, последующего редактирования темы и т.д.

Во-вторых, необходимо перестать делать акцент на том, что аспирантура (адъюнктура) готовит «будущих ученых». Законодатель в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», принятом в 2012 г., однозначно отнес ее к педагогической *профессии*. Диссертация стала (наряду с комплексным государственным экзаменом) одним из квалифицирующих оснований новой профессии. Конечно, любой выпускник педагогического вуза тоже готовит и защищает выпускную квалификационную работу, которая имеет схожую с кандидатской диссертацией структуру и содержание. Просто в аспирантуре (адъюнктуре) к последней предъявляются повышенные требования, вводятся дополнительные экспертизы и подтверждения. Это и оппонирование, и назначение ведущей организации, и защита перед более квалифицированной комиссией (диссертационным советом). Наконец, это и экспертиза в ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Более того, действующие *федеральные* нормы вообще не предполагают окончательное завершение диссертации в период обучения: достаточно лишь обеспечить выполнение промежуточных отчетов, и подготовить научный доклад. После этого, по просьбе выпускника, организация обязана выдать заключение. Формально кафедральное экспертирование проходить не нужно! Конечно, вузы по-разному пытаются подтвердить важность именно кафедрального этапа экспертизы диссертации. Например, в Академии управления принят локальный нормативный акт, обязывающий адъюнкта не менее чем за два месяца до итоговой государственной аттестации получить заключение кафедры. В противном случае обучаемый не будет допущен до государственных экзаменов. Все это, по нашему мнению, лишь усиливает акцент в образовательной социализации на *педагогической* составляющей. Подготовка и последующая защита кандидатской диссертации является лишь дополнительным (но крайне важным) квалифицирующим элементом преподавателя высшей школы. Как отметила И. Андреева, на пути к интеграции полицейского профессионального образования даже «... европейские государства еще не определили окончательно формы, методы, темпы и пределы согласования национальных систем подготовки кадров» [1, с. 113].

В-третьих, руководителям кадровых подразделений необходимо изменить устоявшееся понимание, для чего сотруднику органов внутренних дел нужна *ученая* степень. Удовлетворять личные амбиции в общественном признании за государственный счет недопустимо. Эта новая компетенция сотрудника, признанная государством, может эффективно быть реализована только в образовательных организациях. Исключением являются процесс комплектования научных организаций (для работы в которых также необходима научная степень). Но получить ее можно и через институт соискательства.

В-четвертых, нужно ясно понять, что офицер, решивший поступать в адъюнктуру, вербализировал тем самым свое решение – продолжать свою службу не в практических органах, а в высших образовательных организациях МВД России. Это требует перестройки практики отбора кандидатов для обучения в адъюнктуре и их последующего распределения. Территориальные органы внутренних дел России, из которых был отправлен абитуриент, не вправе рассчитывать на него в дальнейшем. Выпускники адъюнктуры должны распределяться только в образовательные (в крайнем случае, в научные) организации МВД России. Тогда желающий поступить в адъюнктуру будет понимать, что он не сможет «пересидеть» три года (возможно, решая личные кадровые проблемы), в потом снова вернуться в практические органы. Это позволит «отфильтровать» не желающих *реально* связать свою жизнь с педагогической профессией и улучшит качество подготовки педагогов.

Конечно, наши предположения только на первый взгляд кажутся банальными. Личный опыт и общение с коллегами позволяет утверждать, что простые решения наталкиваются на серьезные барьеры. Это и аксиологические (мировоззренческие), и гносеологические, и организационно-нормативные, и просто инерционно-традиционные. Как их преодолеть, без традиционного «кавалерийского наскока»? Это, конечно, требует квалифицированной дискуссии в педагогическом сообществе. Надеемся, что данная статья станет поводом, побудившим ее начать.

Литература

1. *Андреева И. А.* Компетентностный подход в осуществлении профессиональной подготовки сотрудников полиции Франции // Педагогические технологии в современном высшем профессиональном образовании: состояние, проблемы, развитие: материалы международной учебно-методической конференции / Под ред. А.Г. Парадникова, А.В. Шувалова, Т.Ю. Морозовой. Омск: Омская академия МВД России, 2010. С. 113-116.
2. *Брунер Дж.* Культура образования. М.: Просвещение, 2006. 223 с.
3. *Гуляев В.Н., Иванов Е.С., Логинов И.П., Хасанов Р.Ш.* К вопросу о подготовке научно-педагогических кадров на современном этапе развития высшей военной школы // Военный академический журнал. 2017. № 1 (13). С. 139-148.
4. *Зборовский Г.Е.* Образовательное знание как проблема социологии // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 12-20.
5. *Кряхтунов М.И.* Психологические основания педагогического призвания учителя // Педагогическое образование и наука. 2012. № 8. С. 4-9.
6. *Милёхин А.В.* Феномен «социализации» в представлении субъектов образовательного процесса // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 59-70.
7. *Поляков М.П.* Большие и малые проблемы подготовки начинающего исследователя // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 189-194.

8. Федеральная служба государственной статистики (официальный сайт). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 25.04.2018).
9. *Цариев Е.О.* Адъюнктура по педагогическим специальностям как механизм организации инновационной деятельности педагогов военного вуза // Педагогическое образование и наука, 2013. № 1. С. 69-71.
10. *Шаранов Ю.А.* Подготовка кадров высшей квалификации в свете постмодернистской парадигмы психолого-юридической науки // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 3. С. 21-24.

Educational socialization of post-graduates In the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and solutions

Filimonov O.V., Ph.D. in Sociology, Professor of the Chair for Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (ofilimonov@yandex.ru)

Currently, there is a pronounced contradiction between the state order for the training of teachers of higher education and the readiness of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia to implement it. The reasons for this are outdated ideas about the role of the post-graduate as an organizational form of development of the dissertation research. The article analyzes the reasons why the graduate did not forge any pedagogical or scientific training. The main of them are as follows: lack of understanding by post-graduates of their future pedagogical predestination, which is the main barrier to educational socialization, and the target order, which does not imply the further use of graduates of the pedagogical profile of the post-graduate. In the article comparison of the effectiveness of postgraduate study in Russia and of postgraduate studies at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the criterion of thesis defenceis carried-out , and the conclusion states that the number of completed studies are incredibly few compared to the number of completed postgraduate (postgraduate studentship). The author suggests ways to change the situation.

Key words: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, post-graduate, socialization, education, pedagogical activity, dissertation research.

References

1. Andreeva I.A. Kompetentnostnyi podkhod v osushchestvlenii professional'noi podgotovki sotrudnikov politsii Frantsii [Competence-based approach to the training of French police officers]. Pedagogicheskie tekhnologii v sovremennom vysshem professional'nom obrazovanii: sostoyanie, problemy, razvitie: materialy mezhdunarodnoi uchebno-metodicheskoi konferentsii [Pedagogical technologies in modern higher professional education: state, problems, development: proceedings of the international educational-methodical conference]. In Paradnikov A.G., Shuvalov A.V., Morozova T.Yu. (ed.). Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2010, pp. 113–116.
2. Bruner Dzh. Kul'tura obrazovaniya [Education culture]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2006. 223 p.

3. Gulyaev V.N., Ivanov E.S., Loginov I.P., Khasanov R.Sh. K voprosu o podgotovke nauchno-pedagogicheskikh kadrov na sovremennom etape razvitiya vysshei voennoi shkoly [On the issue of training of scientific and pedagogical personnel at the present stage of development of higher military school]. *Voennyi akademicheskii zhurnal [Military academic journal]*, 2017, no. 1(13), pp. 139–148.
4. Zborovskii G.E. Obrazovatel'noe znanie kak problema sotsiologii [Educational knowledge as a problem of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2012, no. 2, pp. 12–20.
5. Kryakhtunov M.I. Psikhologicheskie osnovaniya pedagogicheskogo prizvaniya uchitelya [Psychological bases of pedagogical vocation of the teacher]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical education and science]*, 2012, no. 8, pp. 4–9.
6. Milyohin A.V. Fenomen «socializacii» v predstavlenii sub"ektov obrazovatel'nogo processa [The phenomenon of «socialization» in the representation of the subjects of the educational process]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2012, no. 2, pp. 59–70.
7. Polyakov M.P. Bol'shie i malye problemy podgotovki nachinayushchego issledovatelya [Big and small problems of training a novice researcher]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2015, no. 3(31), pp. 189–194.
8. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (oficial'nyj sayt) [Elektronnyi resurs] [Federal state statistics service (official website)]. Available at: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (Accessed 25.04.2018).
9. Tsariev E.O. Ad"yunktura po pedagogicheskim spetsial'nostyam kak mekhanizm organizatsii innovatsionnoi deyatel'nosti pedagogov voennogo vuza [Postgraduate courses in teaching professions as a mechanism of organization of innovative activity of teachers of a military Academy]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical education and science]*, 2013, no. 1, pp. 69–71.
10. Sharanov Yu.A. Podgotovka kadrov vysshei kvalifikatsii v svete postmodernistskoi paradigmy psikhologo-yuridicheskoi nauki [Training of highly qualified personnel in the light of the postmodern paradigm of psychological and legal science]. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal [International prison journal]*, 2016, no. 3, pp. 21–24.

Практика реализации комплексного подхода к подготовке научно-педагогических кадров в Академии управления МВД России

Конев А.Н., доктор технических наук, начальник ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (odir_amvd@mvd.ru)

Павличенко Н.В., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (aldan1973@rambler.ru)

Ульянина О.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (lelia34@mail.ru)

В статье рассматриваются организационно-процессуальные аспекты подготовки кадрового потенциала в сфере науки в условиях реформирования системы образования и трансформации социально-экономических процессов в современном обществе. Анализируются существующие проблемы в данной области: низкий научный уровень защищаемых работ, отсутствие единства и согласованности тенденций развития науки и содержания образовательных программ подготовки данной категории обучаемых и т. д. С учетом внедрения в систему образования новой модели аспирантуры рассматриваются существующие подходы к подготовке научного потенциала. Подводятся первые итоги реформирования, анализируются статистические данные показателей эффективности деятельности института аспирантуры. В статье освещается опыт проведения Летней научной школы молодых ученых. Эффективность выстроенной системы подготовки оценивается через призму таких значимых показателей научно-исследовательской деятельности, как активное и результативное участие в исследовательских грантах, конкурсах, научно-представительских мероприятиях; успешная защита диссертационных исследований и подготовка научно-исследовательских работ; публикационная активность молодых ученых.

Ключевые слова: образовательная подготовка, научные и научно-педагогические кадры, образовательная организация, адъюнктура, аспирантура, диссертационное исследование, органы внутренних дел.

Для цитаты:

Конев А.Н., Павличенко Н.В., Ульянина О.А. Практика реализации комплексного подхода к подготовке научно-педагогических кадров в Академии управления МВД России. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). №3. С. 60-82. doi: 10.17759/psylaw.2018080305

For citation:

Konev A.N., Pavlichenko N.V., Ulyanina O.A. Implementation of an integrated approach to training scientific and pedagogical staff at the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 3, pp. 60-82. doi: 10.17759/psylaw.2018080305

Трансформирование общественно-политической и социально-экономической жизни общества обуславливает необходимость модернизации российского образования, ориентированного на повышение интеллектуального и творческого потенциала обучающихся. Эффективная подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации имеет стратегическое значение, поскольку решает задачи создания научного потенциала страны, предопределяющего ее дальнейшее развитие на мировой арене в постиндустриальную эпоху.

Благодаря принятому в последние годы в Российской Федерации комплексу мер по поддержке научных и научно-педагогических кадров в рамках федеральных целевых программ, а также системе исследовательских грантов и других проектов, удалось преодолеть тенденцию неуклонного снижения численности деятелей науки, занятых в секторе исследований и разработок.

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, одним из приоритетных направлений по обеспечению государственной безопасности является инновационное развитие фундаментальной и прикладной науки и образования [14].

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [15], переход экономики государства на инновационный тип развития возможен только при условии формирования конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы, ключевым фактором успешного функционирования которой является эффективная система воспроизводства конкурентоспособных на мировом уровне кадров научной и научно-образовательной сферы, включающая обеспечение повышения качества подготовки кадров высшей квалификации, в том числе в рамках научных и научно-образовательных структур высших учебных заведений.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2013 г. № 760-р разработана и утверждена федеральная целевая программа «Научные и

научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014 – 2020 годы¹. Ожидаемыми результатами реализации Программы являются: создание необходимых условий для укрепления и развития конкурентоспособности национальной системы подготовки научных и научно-педагогических кадров для инновационного экономического развития Российской Федерации; рост эффективности и результативности труда ученых и преподавателей за счет развития кадрового потенциала науки. Итоги Программы будут определять интеллектуальные возможности страны на долгосрочную перспективу и создадут основу для равноправного участия Российской Федерации на мировых рынках высокотехнологичной продукции [13].

Внедрение в систему образования новой модели аспирантуры [17] инспирировало дискуссии по вопросам целеполагания программ подготовки научно-педагогических кадров. Действующие в настоящее время федеральные государственные образовательные стандарты вводят четкое структурирование программ подготовки и предусматривают существенную по объёму образовательную составляющую, которая должна обеспечить развитие исследовательских и педагогических компетенций, а также подготовку аспирантов/адъюнктов к кандидатским экзаменам и выпускным испытаниям. Предметом обсуждения остаётся вопрос о содержании, форме и объёме данной подготовки [17, с. 6].

При обсуждении эффективности новой модели аспирантуры высказываются разные точки зрения. Ряд авторов утверждает, что организация российской аспирантуры находится в неудовлетворительном состоянии (О.Н. Баранов, Д. Буянова, И.И. Игнатов, А. Леонов, И. Наумов, В.В. Панин, М. Рудометкин, М. Сергеев и др.). В других исследованиях рассматриваются пути совершенствования системы подготовки кадров высшей квалификации (Б.И. Бедный, И.В. Вершинин, Л.Ю. Грудцына, А.А. Миронос, Н.А. Платонова, Т.В. Серова и др.).

Ситуация осложняется еще и тем фактом, что действующая государственная система управления аспирантурой в России не имеет близких аналогов за рубежом, и поэтому вопросы простого переноса зарубежного опыта или даже проведения сравнительного анализа с иностранными моделями являются дискуссионными и вызывают немало контраргументов [12, с. 3].

Первые итоги реформирования аспирантуры являются также неоднозначными и вызывают дискуссии. Так, в заявлении Совета по науке при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 31 марта 2016 г. указано, что переход аспирантуры с уровня послевузовской подготовки на уровень высшего образования был «осуществлен механически, без учета особенностей аспирантуры как системы подготовки научно-педагогических кадров» [8].

Основные показатели деятельности института аспирантуры действительно имели за последнее десятилетие устойчивую тенденцию к снижению.

Показателем результативности деятельности аспирантуры считается удельный вес лиц, защитивших диссертации, в общей численности выпускников. В 2000 г. этот показатель

¹ Далее – Программа.

составлял 30,2 %, в 2005 г. – 31,7 %, а с 2010 г. он стал снижаться, в 2015 г. составлял 18 %, а в 2016 г. снизился до 14,4 % – минимум за все предыдущие годы.

Успешным завершением аспирантской подготовки является защита кандидатской диссертации в срок обучения в аспирантуре. В 2016 г. 2901 чел. защитили кандидатские диссертации в положенный срок, из них 2580 чел. или 88,9 % – выпускники аспирантуры вузов. Динамика численности выпускников аспирантуры с защитой диссертации в пределах срока обучения в аспирантуре неравномерна: общий рост этого показателя до 2005 г. сменился его спадом, а в 2016 г. уменьшился в 2,6 раза по сравнению с 2000 г. [3, с. 15].

Несоответствие квалификации научных и научно-педагогических кадров Российской Федерации современному мировому уровню является актуальной проблемой, непосредственно отражающейся на конкурентоспособности организаций сектора исследований и разработок, в том числе российских университетов, по уровню проводимых научных исследований и получаемых результатов.

Основной проблемой в подготовке научных кадров в настоящее время является относительно низкий научный уровень защищаемых работ. Как правило, в диссертациях фактически отсутствует новизна, нет сравнительного анализа предлагаемого и существующего способов решения задачи, доказательств преимуществ новых подходов не подкреплены какими-либо расчетами и т. п. В определенной мере это связано с существующим подходом к образовательной подготовке научных и научно-педагогических кадров, а также с отсутствием единства и согласованности тенденций развития науки и содержания образовательных программ подготовки данной категории обучаемых.

Проблема интеграции науки и образования имеет глубоко историческую и многофакторную природу. Свое конкретное проявление интеграция науки и образования находит в научной организации учебного процесса. Как историческое наставление актуально сегодня положение о том, что сущность научной организации учебного процесса заключается в осуществлении определенной системы научно-обоснованных социально-политических, экономических, организационных и педагогических мероприятий, обеспечивающих высокую эффективность подготовки квалифицированных кадров в соответствии с современным уровнем развития науки и техники, спектром решаемых задач на практике. Целью интеграции образования и науки является обеспечение высокотехнологических и эффективных дидактических процессов в системе подготовки научных и научно-педагогических кадров [6, с. 140].

Для более эффективного внедрения новых достижений науки и оптимизации подготовки научно-педагогических кадров необходимо проектировать и реализовывать инновационные модели образовательного процесса в высшей школе [11;18].

В современных условиях, для того чтобы на равных конкурировать с мировыми научными институтами и университетами, необходимы, помимо богатого научного потенциала, «глубокие системные и структурные изменения в соответствии с требованиями нового времени и рынка труда» [4].

Учитывая, что модернизация системы образования основывается на новациях, полученных, как правило, в процессе научно-исследовательской деятельности, то характеристика всего множества её результатов, имеющих теоретическую новизну и

практическую значимость, отражает реальный процесс совершенствования образования, являясь его моделью. Объективные научные знания, полученные на основе изучения и обобщения ретроспективной и непрерывно пополняемой информации о результатах научной деятельности – оценка «достигнутого», будут способствовать обоснованию направлений дальнейшего совершенствования системы образования. Эти материалы, отражая состояние системы образования, должны стать фундаментом для принятия обоснованных решений в управлении научно-педагогической деятельностью как фундамент развития научных знаний и кадрового ресурса [9].

Необходимость формирования и подготовки кадрового потенциала в научной сфере в условиях модернизации системы образования и трансформации общественных отношений предопределяет важность реализации комплексного подхода при организационно-управленческом сопровождении данных процессов. В этой связи, наряду с ростом финансирования и совершенствованием материально-технической базы системы образования, возрастает потребность в усилении единства: подготовки высококвалифицированных специалистов; постоянного пополнения научных знаний; их эффективного использования [9].

Значительный потенциал в реализации указанных задач, соответствующих требованиям современного образования, заложен в научной информации, получаемой на основе обобщения и систематизации множества результатов научных исследований. Так, проблемы обучения аспирантов и подготовки кадров высшей квалификации находятся в поле зрения исследователей Г.С. Жуковой, А.В. Гапоненко [7], которые рассматривают подготовку научных кадров как одно из условий модернизации и инновационного развития России и исследуют в связи с этим направления и эффективность деятельности диссертационных советов. Организационно-управленческие аспекты подготовки кадров высшей квалификации изучены Т.С. Бендюковой, В.И. Богословским [2]. Современные тенденции в развитии аспирантуры рассматриваются Е.С. Мироненко, Н.Н. Большой [4; 12]. Возможности использования интерактивных технологий формирования компетенций аспирантов освещены в работах Н.В. Тамарской, М.Ю. Бокаревой, А.В. Мамоновой [16].

Несмотря на имеющиеся научные исследования и реализацию на федеральном и региональном уровне ряда мероприятий, направленных на развитие научных и научно-педагогических кадров, действующие механизмы развития кадрового потенциала научной и научно-образовательной сферы нуждаются в пополнении новыми механизмами поддержки эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров для достижения наибольшей эффективности реализации государственной политики в этой области.

Цель данного исследования – разработка и реализация комплексного подхода к подготовке научных и научно-педагогических кадров в условиях обучения адъюнктов в ведомственных образовательных организациях на примере Академии управления МВД России².

Наиболее оптимальным представляется реализация комплексного подхода к подготовке научных и научно-педагогических кадров, включающего не только наполнение

² Далее – Академия.

образовательных программ, но и создание творческой, развивающей среды, компоненты и содержание которой встраиваются в организационно-содержательные рамки новой модели аспирантского образования и положены в основу современных преобразований, осуществляемых в национальных академических системах мира [1].

Раскрытие содержания комплексного подхода к подготовке адъюнктов целесообразно начать с описания принципов, задач и структуры организации научной деятельности в Академии.

Научная деятельность в Академии основывается на следующих принципах:

- перспективное планирование научных исследований в соответствии с направлениями научной тематики, закрепленными за Академией;
- концентрация научного потенциала на приоритетных направлениях научного обеспечения системы МВД России;
- органичное сочетание фундаментальных, поисковых и прикладных исследований;
- усиление влияния науки на решение образовательных и воспитательных задач, укрепление определяющего характера науки для развития управленческого образования;
- рациональное сочетание мер прямого и косвенного стимулирования научной деятельности;
- укрепление делового сотрудничества Академии с отечественными и зарубежными партнерами;
- интеграция науки Академии в общероссийскую науку.

Основными задачами научной деятельности в Академии являются:

- совершенствование научного обеспечения стратегического развития системы МВД России;
- активизация работы по исследованию теоретико-прикладных проблем управления деятельностью ОВД, разработки инновационных технологий в контексте отраслевого и межотраслевого управления;
- совершенствование научного сопровождения образовательного процесса подготовки руководящих кадров ОВД;
- повышения квалификации и подготовки научно-педагогических кадров для системы МВД России;
- разработка и внедрение современных методик преподавания.

Структура Академии представлена факультетами, кафедрами, управлениями, центрами, отделами и иными подразделениями. Обособленным подразделением Академии является филиал «Болшево», являющийся научно-методической площадкой Академии.

Научные исследования в Академии проводятся высокопрофессиональными учеными из числа научно-педагогического состава научно-исследовательского центра и 13 кафедр. В Академии трудятся более 106 кандидатов наук и 58 докторов наук, среди которых 39 профессоров и 58 доцентов. Весь профессорско-преподавательский состав Академии имеет образование, соответствующее профилю преподаваемых дисциплин на кафедрах. Число научно-педагогических сотрудников, имеющих ученую степень и (или) ученое звание, от общей численности научно-педагогических сотрудников составило более 90 %.

В Академии управления МВД России трудятся 5 заслуженных деятелей науки Российской Федерации, 12 заслуженных юристов Российской Федерации, 2 заслуженных работника высшей школы Российской Федерации, 2 заслуженных сотрудника ОВД.

Одним из центральных подразделений, осуществляющих в рамках своей компетенции функции Академии по проведению научных исследований по приоритетным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, является научно-исследовательский центр³.

В структуру Центра входят следующие отделы:

- по исследованию стратегических проблем управления;
- по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка;
- по исследованию проблем отраслевого управления и изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности;
- по изучению проблем истории МВД России;
- по планированию и контролю научных исследований.

В соответствии с приказом МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации» за Академией закреплены следующие *направления научных исследований*:

- стратегическое развитие системы МВД России;
- совершенствование подготовки, повышения квалификации и переподготовки руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации;

³ Делее – Центр.

-
- совершенствование государственной политики в сфере обеспечения правопорядка; характеристика современных угроз национальной и глобальной безопасности;
 - совершенствование системы управления органами внутренних дел по обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств;
 - оптимизация систем отраслевого управления подразделениями и службами органов внутренних дел.

Помимо обозначенных направлений исследований в ведении Центра находятся:

- организация и координация научно-исследовательской работы в Академии;
- координация деятельности подразделений Академии и диссертационных советов, созданных на базе Академии, по организации защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата/доктора наук.

Академия реализовывает государственные заказы в лице органов внутренних дел Российской Федерации по подготовке научно-исследовательских работ.

Результаты проведенных исследований научных и научно-педагогических кадров находят отражение в различного рода публикациях (в 2017 г. зарегистрировано в РИНЦ 1 387 публикаций).

Более 30 лет в Академии успешно функционирует факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров⁴.

Основными задачами Факультета являются:

- обеспечение подготовки кадров высшей квалификации в системе профессионального образования и научных кадров;
- организация профессионального, культурного и нравственного развития адъюнктов и докторантов, формирование государственно-правового мышления и активной гражданской позиции, обеспечение реализации их социальных и правовых гарантий;
- осуществление взаимодействия с кафедрами и другими подразделениями Академии, Департаментом государственной службы и кадров МВД России, научно-исследовательскими и образовательными организациями по вопросам подготовки кадров высшей квалификации в системе профессионального образования и научных кадров.

⁴ Далее – Факультет.

Факультет является самостоятельным структурным подразделением Академии, призванным обеспечить реализацию одной из важнейших задач ведущего образовательного учреждения МВД России по подготовке кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре для ведомственных образовательных и научно-исследовательских учреждений.

За время существования на Факультете прошли обучение более 1 500 адъюнктов очного обучения и 900 адъюнктов заочного обучения, около 200 докторантов, более 600 преподавателей различных учебных заведений системы МВД России, обучавшихся на курсах повышения квалификации, около 4 тысяч соискателей по сдаче кандидатских экзаменов и написанию диссертаций. За последние два десятилетия в Академии было защищено более 1 300 кандидатских и 230 докторских диссертаций, 942 из них – адъюнктами и докторантами факультета.

На основе международных договоров и межправительственных соглашений Российской Федерации в докторантуру и адъюнктуру Академии принимаются иностранные граждане, а также осуществляется подготовка аспирантов из числа российских и иностранных граждан, не являющихся сотрудниками органов внутренних дел.

На Факультете обучались сотрудники органов внутренних дел из 67 регионов России, 12 – стран СНГ, граждане таких иностранных государств, как Афганистан, Вьетнам, Чехословакия, Куба, Йемен и др. Многие выпускники Факультета добились больших успехов в научной, педагогической и административной деятельности. Они возглавляют высшие учебные заведения системы МВД, кафедры и факультеты, занимают высокие посты в центральном аппарате МВД.

В Академии осуществляется подготовка научно-педагогических кадров в адъюнктуре по 5 направлениям (1. Информатика и вычислительная техника, 2. Психологические науки, 3. Экономика, 4. Юриспруденция, 5. Образование и педагогические науки) и 14 научным специальностям.

По итогам обучения соискатели ученой степени защищают свои диссертационные исследования в профильных диссертационных советах.

В Академии управления МВД России действует 6 диссертационных советов:

- Д 203.002.01 (специальности: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – уголовный процесс);
- Д 203.002.04 (специальность 05.13.10 – управление в социальных и экономических системах (технические науки));
- Д 203.002.06 (специальности: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.14 – административное право; административный процесс);
- Д 203.002.08 (специальности: 12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность; 12.00.12 –

криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность);

- Д 999.035.02 (специальности: 19.00.05 – социальная психология (психологические науки); 19.00.06 – юридическая психология (психологические науки); 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);
- ДС 203.001.02 (специальности: 12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность; 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность).

В общей сложности с 2015 по 2018 гг. в Академии состоялась защита 87 диссертационных работ, в том числе: на соискание ученой степени доктора наук – 13, кандидата наук – 74.

Вместе с тем мы понимаем, что в современных условиях подготовки научных кадров требуется комплексная оценка эффективности адъюнктуры, которая должна обеспечить диагностику качества на основе сопоставления целей и результатов подготовки обучающихся. При оценке эффективности необходимо учитывать не только защиты диссертаций, но и такие важные показатели, как научно-исследовательская позиция молодых ученых в процессе образовательной подготовки, предполагающая участие в грантах, проектной деятельности, международных и всероссийских научно-представительских мероприятиях, публикационная активность при условии высокого качества, актуальности и новизны исследовательского материала.

Подобная система оценки результатов подготовки научных кадров позволяет, с одной стороны, осуществлять сравнительный анализ эффективности деятельности адъюнктуры, с другой – служит основой для построения научных рейтингов среди молодых учёных как внутри образовательной организации, так и на межвузовском уровне. Данный подход включает как мотивационную составляющую, так и ориентацию на динамику индивидуальной стратегии развития молодого ученого в профессиональном сообществе.

Молодежные научные объединения Академии

В 2017 году в Академии создан Совет молодых ученых⁵ в целях объединения начинающих исследователей для решения проблем в различных сферах научной, профессиональной и общественной жизни, содействия их профессиональному росту и развитию молодежных научных инициатив, способствующих развитию их творческой научной активности. Совет является постоянно действующим коллегиальным совещательным органом.

Для достижения своих целей Совет решает следующие задачи:

- объединение молодых ученых для овладения новыми знаниями и совместной научной деятельности;

⁵ Далее – Совет.

-
- содействие молодым ученым в проведении фундаментальных и прикладных исследований;
 - обмен знаниями и опытом, поддержание научной преемственности, сохранение научных школ и направлений.

В целях исполнения указания Департамента государственной службы и кадров МВД России по инициативе Академии при Совете начальников образовательных организаций системы МВД России сформирована рабочая группа молодых ученых⁶ в возрасте до 40 лет. В состав рабочей группы вошли представители 20 образовательных организаций системы МВД России. Координирующую роль в деятельности рабочей группы осуществляет Академия управления МВД России.

Целью функционирования рабочей группы является создание платформы для развития научно-исследовательской деятельности и творческого потенциала молодых ученых системы МВД России, а также содействие разрешению проблем профессиональной деятельности.

Основные задачи рабочей группы:

- объединение молодых ученых для овладения новыми знаниями и совместной научной деятельности;
- содействие молодым ученым в проведении фундаментальных и прикладных исследований;
- обмен знаниями и опытом, поддержание научной преемственности, сохранение научных школ и направлений.

В мае 2018 г. состоялось первое заседание рабочей группы, на котором был определен порядок дальнейшей работы, обсуждены подготовленные членами рабочей группы информационно-аналитические материалы о проблемах в сфере науки и образования, предложены пути их решения. Итогом заседания стало принятие Положения «О рабочей группе молодых ученых при Совете начальников образовательных организаций системы МВД России», а также решения об организации и проведении на базе образовательных организаций МВД России конкурса научных работ с последующим направлением лучшей разработки от МВД России на соискание премии Президента Российской Федерации для молодых ученых.

Кроме того, в Академии создано Научное общество слушателей и адъюнктов, которое осуществляет научно-исследовательскую деятельность, направленную на повышение качества подготовки специалистов для органов внутренних дел и решения актуальных задач, стоящих перед МВД России. В 2017 г. утвержден Совет научного общества слушателей и адъюнктов Академии. В его состав вошли научные руководители и председатели исследовательских групп, а также наиболее активные участники научного общества Академии.

⁶ Далее – рабочая группа.

Кафедры Академии организуют работу групп слушателей и адъюнктов по исследованию проблем в соответствии с профилем подготовки, определяют тематику исследований и количество исследовательских групп, кандидатуры наиболее опытных преподавателей для назначения научными руководителями исследовательских групп, принимают меры к стимулированию их труда. Преподавательский состав кафедр осуществляет руководство научными работами обучающихся, участвующих в конкурсах на лучшие научные работы.

Взаимодействие в процессе научных исследований

Одной из проблем развития отечественной науки является малая мобильность молодых ученых. В России нередко человек всю жизнь – с начала обучения в определенном вузе и до последних дней работы в нем же – общается с ограниченным кругом своих учителей, коллег-преподавателей. Это способ самовоспроизводства, в общем случае предполагающий постепенное снижение научного уровня вуза [5, с. 112]. В связи с этим в целях расширения проблемных областей исследования и обмена передовым опытом Академия на постоянной основе взаимодействует как с образовательными и научными организациями МВД России, так и с организациями других федеральных органов исполнительной власти, структурными подразделениями органов внутренних дел⁷, иными организациями путем: координации тематики научно-исследовательских работ; выполнения совместных разработок, направленных на разрешение комплексных проблем, и внедрения результатов в практику; выполнения заявок (договоров) о проведении научных исследований и договоров о творческом сотрудничестве; проведения научных конференций, семинаров и совещаний; обмена опытом научной и методической работы; создания и функционирования объединенных диссертационных советов.

Научные и научно-педагогические кадры Академии организуют и принимают активное участие в различного уровня научно-представительских мероприятиях, где у них есть возможность доложить научному сообществу результаты своих исследований, получить компетентную оценку свершенных достижений и открытий, обменяться опытом и наметить новые перспективные направления научно-исследовательского развития. Так, в 2017 г. в Академии было проведено 19 научно-представительских мероприятий, из них 4 международных и 15 всероссийских. В 2018 г. планируется к проведению 8 международных научно-представительских форумов.

Научно-педагогический состав Академии участвует в конференциях, семинарах, круглых столах, организованных образовательными и научными организациями, такими как: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный университет правосудия, Российская правовая академия Минюста России, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Пограничная академия ФСБ России, Военная Академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Военный университет Министерства обороны России и др.

⁷ Далее – ОВД.

Постоянно действующий семинар

С 2017 г. в Академии функционирует постоянно действующий семинар «Актуальные проблемы научно-исследовательской деятельности», в рамках которого осуществляются встречи научно-педагогического состава, адъюнктов и слушателей с ведущими учеными. Так, в рамках семинара были организованы встречи с заместителем президента Российской академии наук, членом-корреспондентом РАН, доктором экономических наук, кандидатом технических наук В.В.Ивановым; заместителем руководителя Информационно-аналитического центра «Наука», доктором технических наук, членом-корреспондентом Российской академии ракетных и артиллерийских наук В.В. Кузнецовым; доктором химических наук, профессором, изобретателем СССР, академиком РАЕН, РЭА, МААНОИ, ЕАЕН, Почетным работником высшего профессионального образования РФ, Президентом Волгоградского отделения Международной академии авторов научных открытий и изобретений Г.К. Лобачевой и др.

В рамках семинара рассматриваются такие актуальные для молодых ученых темы, как «Наука России: история, состояние, перспективы», «Из опыта публичных выступлений», «Актуальные вопросы управления в социально-экономических системах» и т. д.

Гранты и конкурсы

Одним из эффективных вариантов реализации проектной деятельности в рамках подготовки научных кадров является участие в организуемых на федеральном уровне грантах и конкурсах. Подобные инициативы, помимо прочих преимуществ, являются тем источником финансирования, который помогает начинающим молодым ученым при реализации и внедрении своих научно-исследовательских разработок. Создаваемая условиями конкурсов конкуренция дополнительно стимулирует и мотивирует ученых на сознательное повышение качества проводимых ими исследований и обязательное внедрение полученных результатов в ту или иную сферу практической деятельности, что в конечном итоге не только повышает качество жизни людей, но и способствует популяризации науки среди населения.

В 2018 г. Академия приняла участие во Всероссийском конкурсе молодежных проектов, реализованном Федеральным агентством «Росмолодежь», в рамках которого было выиграно 2 гранта: «Летняя школа молодых ученых – 2018» (реализованный в первом полугодии 2018 года) и «Международный конкурс на лучшую публикацию молодых ученых», реализация которого намечена на конец 2018 г.

В рамках реализации проектно-ориентированной системы управления при участии в конкурсах и грантах в Академии создан проектный офис, функциями которого являются:

- методологическое и организационное обеспечение проектов;
- планирование и контроль портфеля проектов;
- внедрение и развитие информационной системы планирования и мониторинга проектов, формирование сводной отчетности по программам/проектам.

Подобная система управления проектами позволяет реализовывать их в рамках бюджета, добиваться завершения сложных и комплексных задач в установленный срок, а также получать результат с требуемым качеством.

Одним из успешных «продуктов» проектного офиса Академии является уникальный проект «Летняя школа молодых ученых»⁸, стартовавшего 28 мая 2018 г. Это четырехдневная интенсивная многосторонняя интеллектуальная подготовка молодых исследователей (адъюнктов и аспирантов), прошедших предварительный отбор и признанных лучшими в своих вузах.

В проекте приняли участие 60 молодых ученых из 19 регионов России: республики Татарстан и Башкортостан, города Москва и Санкт-Петербург, Алтайский, Краснодарский, Красноярский и Хабаровский края, Белгородская, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Нижегородская, Омская, Орловская, Рязанская, Ростовская, Свердловская и Тюменская области. Пять исследователей представляли интересы иностранных государств: Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана.

Уникальность «Летней школы молодых ученых – 2018» заключается в изменении традиционного формата проведения подобных научных мероприятий путем дополнения его новыми интерактивными формами, включая участие в интеллектуальных конкурсах и выполнение креативных заданий, стимулирующих творческую и научную деятельность молодых ученых, развивающих креативность в выработке решений в области научного интереса каждого из участников.

В первый день открытия «Летней школы молодых ученых – 2018» состоялась конференция «Актуальные проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров». В работе Конференции принял участие директор федерального агентства «Росмолодежь» А.В. Бугаев, который отметил необходимость организации сервисных площадок, оказывающих содействие в развитии компетенций молодежи, и выразил уверенность, что мероприятие такого рода для каждого из участников станет источником бесценного опыта, поможет молодым ученым выстроить образовательную траекторию и в последующем позволит успешно трудиться на благо нашей страны. С докладами выступили сотрудники Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Министерства образования и науки Российской Федерации, Академии управления МВД России, представители Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Московского государственного психолого-педагогического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

В дальнейшем, в течение трех дней, проходило обучение молодых ученых. Полезной для них была информация относительно культурных трендов в науке. Эта тема обсуждалась с доцентом кафедры теории и методологии государственного управления, доктором философских наук, профессором С.А. Симоновой. Логику диссертационного исследования раскрыл профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, доктор философских наук, профессор Г.Ч. Синченко. Проблемные вопросы подготовки диссертационного исследования обсуждались с главным научным сотрудником отдела

⁸ <https://www.lshmu.org/>

изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктором юридических наук, профессором С.Н. Колотушкиным. В рамках реализации активных форм социально-психологического обучения доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами кандидат социологических наук О.А. Ульянина провела с участниками проекта тренинги личностного роста и развития креативных способностей.

В ходе проведения занятий ведущими учеными страны, лекторами, методистами, психологами, историками, искусствоведами молодым ученым представилась уникальная возможность перенять опыт, приобрести новые знания. Проблемы фундаментальной науки рассматривались в режиме интерактивных диалогов, квестов и тренингов на свежем воздухе, в сочетании с интеллектуальным юмором, спортивными играми, беседами о гражданственности и патриотизме, выступлениями творческих коллективов, проведением научных и спортивных конкурсов, награждением победителей.

Проект стал стартовой площадкой для организации и проведения на базе Академии ежегодных международных и всероссийских мероприятий по привлечению и стимулированию людей, которые начинают заниматься научными изысканиями, позволяя по-новому взглянуть на стоящие перед ними научные проблемы и выработать нестандартные пути их решения.

Помимо этого на регулярной основе в Академии проводятся конкурсы «Лучшее научное исследование», «Ученый года», «Лучшая монография», «Лучшее учебное издание» среди профессорско-преподавательского состава и конкурс «Лучшая научно-исследовательская работа слушателей» (табл. 3).

Таблица 3

Участие сотрудников, адъюнктов и слушателей в научно-исследовательских конкурсах (2015–2017 гг.)

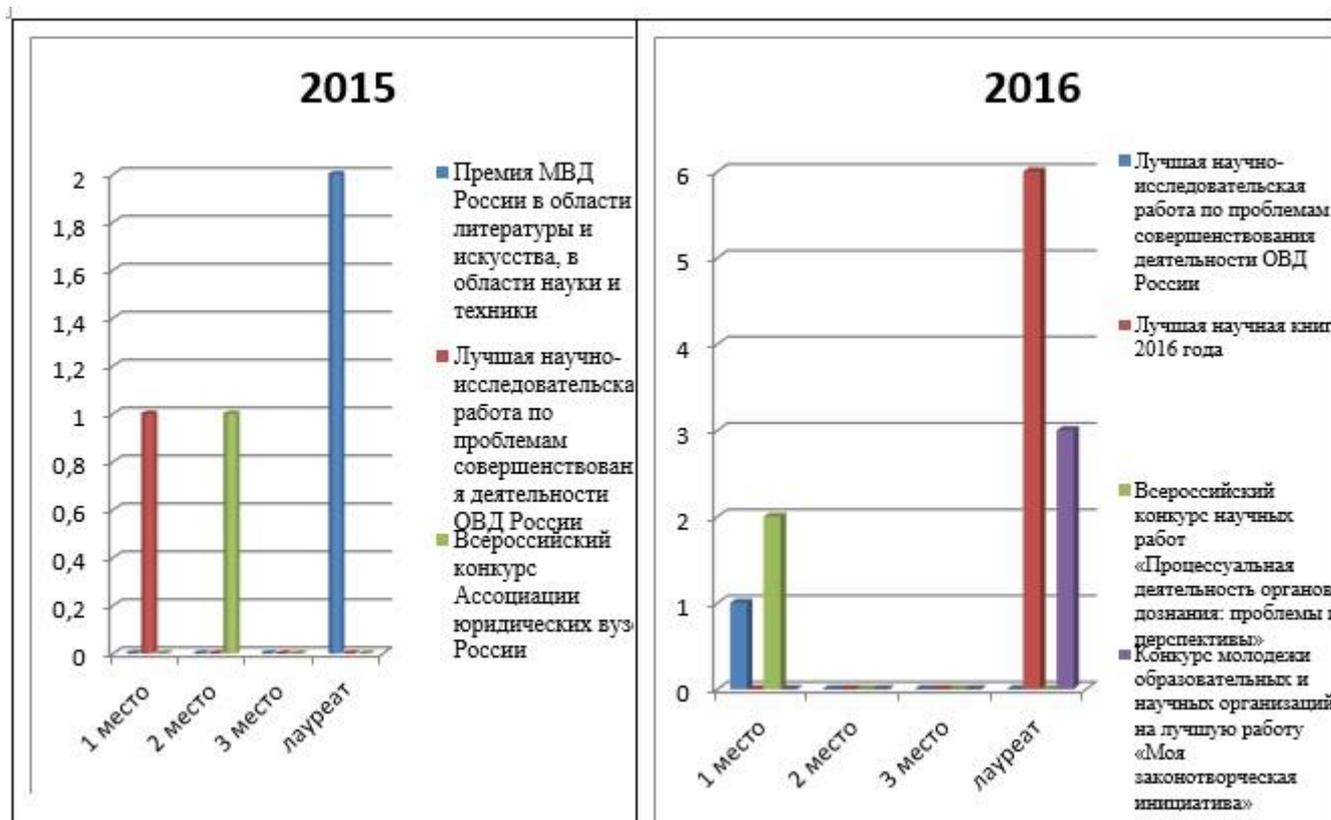
Категория	2015	2016	2017	2018
Академические конкурсы (ППС ⁹)	16	22	29	39
Академические конкурсы (ПС ¹⁰)	50	54	14	25
Внешние конкурсы ППС (кол-во/участники)	2/8	3/9	12/47	3/3
Внешние конкурсы ПС (кол-во/участники)	1/8	2/4	3/8	2/5

⁹ Профессорско-преподавательский состав Академии.

¹⁰ Переменный состав Академии.

Конкурсы являются формой привлечения молодых ученых и преподавателей к исследовательской деятельности, расширения их научного кругозора, приобретения ими исследовательских навыков и обеспечения высокого качества профессиональной подготовки, навыков научных дискуссий и научного общения. Подобные конкурсы позволяют актуализировать интеллектуальные и творческие способности молодых ученых, повысить интерес к научно-исследовательской работе, сформировать навыки публичного выступления, умения защищать свои научные гипотезы и решать практические задачи. Участие молодых ученых в различного рода конкурсах способствует более эффективному использованию ресурсов научно-педагогических и научных коллективов, выявлению перспективных работ в целях дальнейшего практического внедрения проектов как передового опыта.

Помимо обозначенных достоинств, отличительными особенностями конкурсов является их межведомственный, межрегиональный характер, что способствует формированию творческих связей с образовательными организациями и научно-исследовательскими центрами по всей стране.

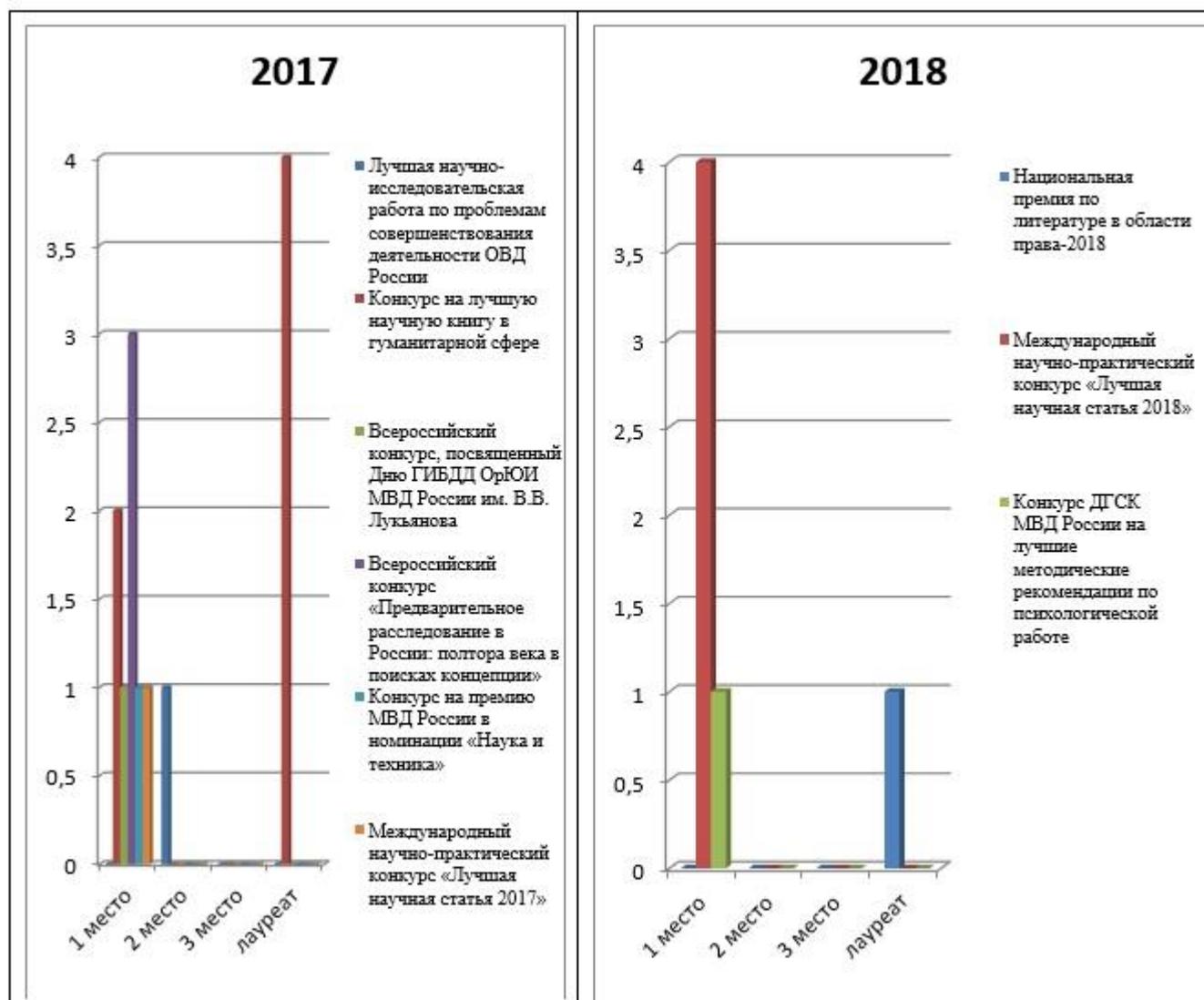

Рис. Результаты участия в конкурсах ППС и ПС Академии

Презентации молодым ученым своих трудов ведущими деятелями науки

В рамках популяризации достижений науки и обмена опытом в научном сообществе в Академии проводятся презентации трудов ведущих ученых с последующим обсуждением проблематики представленных исследований. Так, в Академии только за последние полтора года состоялось около 20 презентаций научных работ в области обеспечения безопасности государства, стандартов борьбы с преступностью, информационного обеспечения управления ОВД, политико-правовых проблем реформирования полиции, борьбы с незаконным оборотом оружия, организации оперативно-розыскной деятельности ОВД по борьбе с экономическими преступлениями, использования технологии профайлинга в деятельности ОВД и т. д. Данная форма работы позволяет освещать актуальные тенденции в науке, создавать площадки для дискуссий и генерации новых идей в той или иной области. Привлечение молодых исследователей как аудитории помогает им определиться с поиском себя в мире науки и своих исследовательских интересов. Участие в данных мероприятиях ведущих заслуженных деятелей науки позволяет создавать не только дискуссионную, но и

обучающую среду для молодых ученых, обеспечивая преемственность и непрерывность научной мысли.

Раскрывая взаимосвязи отдельных компонентов комплексного подхода к подготовке научных и научно-педагогических кадров в Академии, необходимо отметить значимость единства и взаимосвязи всех структурных единиц и этапов этого процесса.

Модернизация образовательной парадигмы в России обусловлена, в первую очередь, необходимостью повышения качества подготовки высококвалифицированных кадров. В связи с этим особенно важным является создание всей совокупности условий для перехода от абстрактной возможности воспроизводства кадрового ресурса в научной сфере к реально достижимому результату. Реализация в Академии комплексного подхода к подготовке адъюнктов сочетает в себе накопленные традиции и инновационные организационно-управленческие решения, способствующие всестороннему, целостному формированию личности молодых ученых и стимулирующие раскрытие их интеллектуального, исследовательского потенциала.

Литература

1. Бедный Б.И. Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). С. 5–16.
2. Бендюкова Т.С., Богословский В.И. Модель учебного плана подготовки аспиранта: подходы к формированию образовательной программы в аспирантуре нового типа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2012. Т. 14. № 2-4. С. 872–876.
3. Березина Е.В., Лебедев К.В., Плужнова Н.А., Прохорова Л.В., Федин А.В. Статистика науки и образования. Выпуск 3. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2017. 170 с.
4. Большова Н.Н. Аспирантура: опыт университетов Запада. МГИМО: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: http://mgimo.ru/files2/y08_2010/160572/Aspirantura_Volbova.pdf (дата обращения: 12.06.2018).
5. Гельман В.Я., Хмельницкая Н.М. О некоторых проблемах подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 1 (23). С. 102–119.
6. Гуляев В.Н., Иванов Е.С., Логинов И.П., Хасанов Р.Ш. К вопросу о подготовке научно-педагогических кадров на современном этапе развития высшей военной школы // Военный академический журнал. 2017. № 1(13). С. 139–148.
7. Жукова Г.С., Гапоненко А.В. Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-nauchnyh-i-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-vysshey-kvalifikatsii> (дата обращения 10.06.2018).
8. Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ о модернизации аспирантуры, 31.03.2016 [Электронный ресурс] // URL: http://www.sovet-po-nauke.ru/info/31032016-declaration_postgraduate (дата

обращения: 12.06.2018).

9. *Кирюшина О.Н.* Тенденции развития научно-информационного и кадрового ресурсов высшей школы // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 62–65.
10. *Краснова Г.А.* Докторант дорогого стоит [Электронный ресурс] // Независимая газета. 12.03.2014 // URL: http://www.ng.ru/science/2014-03-12/10_doctorant.html (дата обращения: 12.06.2018).
11. *Лаврешкин Н.В.* Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2017070120
12. *Миرونенко Е.С.* Современные тенденции в развитии аспирантуры в контексте зарубежного и российского опыта // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). С. 1–12.
13. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2013 № 760-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146334/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 10.06.2018).
14. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 10.06.2018).
15. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 10.06.2018).
16. *Тамарская Н.В., Бокарев М.Ю., Мамонова А.В.* Интерактивные технологии формирования компетенций аспирантов // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 84–89.
17. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 13.06.2018).
18. *Федоров А.А., Пануткова Г.А., Самарханова Э.К., Фильченкова И.Ф., Демидова Н.Н.* Проектирование нового дизайна образовательной экосистемы вуза в контексте модернизации отечественного образования // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 1. С. 52–63.

Implementation of an integrated approach to training scientific and pedagogical staff at the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia

Konev A.N., PhD (Technical), head of Federal State Public Educational Establishment of Higher Education «Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation» (odir_amvd@mvd.ru)

Pavlichenko N.B., PhD (Legal), professor, deputy head of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Education «Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation» (aldan1973@rambler.ru)

Ulyanina O.A., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (lelia34@mail.ru)

The article deals with the organizational and procedural aspects of training human resources in the field of science in the context of reforming the education system and the transformation of socio-economic processes in modern society. The existing problems in this field are analyzed, namely the low scientific level of protected works, the lack of unity and consistency of the trends in the development of science and the content of educational programs for the training of this category of students, etc. The first results of the reform are summed up, statistical data of indicators of efficiency of activity of Institute of postgraduate study are analyzed. The article highlights the experience of the Summer scientific school of young scientists, which was attended by 60 representatives of educational institutions from 19 regions of the country, as well as 5 representatives of 4 foreign countries. The effectiveness of the training system is evaluated through the prism of such important indicators of research activities as active and effective participation in research grants, competitions, scientific and representative events; successful defense of dissertations and preparation of research works; publication activity of young scientists.

Key words: educational training, scientific and scientific-pedagogical personnel, educational organization, adjuncture, postgraduate study, dissertation research, internal Affairs bodies.

References

1. Bednyi B.I. Novaya model' aspirantury: pro et contra [New model of postgraduate study: pro et contra]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2017, no. 4 (211), pp. 5–16.
2. Bendyukova T.S., Bogoslovskii V.I. Model' uchebnogo plana podgotovki aspiranta: podkhody k formirovaniyu obrazovatel'noi programmy v aspiranture novogo tipa [Model of the curriculum of postgraduate training: approaches to the formation of the educational program in a new type of graduate school]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [News of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological Sciences], 2012, Vol. 14, no. 2-4, pp. 872–876.
3. Berezina E.V., Lebedev K.V., Pluzhnova N.A., Prokhorova L.V., Fedin A.V. Statistika nauki i obrazovaniya. vypusk 3. podgotovka nauchnykh kadrov vysshei kvalifikatsii v rossii. Inf.-stat. mat. [Statistics of science and education. Issue 3. Training of highly qualified scientific personnel in Russia. Information and statistics]. Moscow: FGBNU NII RINKTse Publ., 2017. 170 p.
4. Bol'shova N.N. Aspirantura: opyt universitetov Zapada. MGIMO: ofitsial'nyi sait [Elektronnyi resurs] [Fellowship: the experience of the universities of the West. MGIMO-University official website]. URL: http://mgimo.ru/files2/y08_2010/160572/Aspirantura_Bol6ova.pdf (Accessed 12.06.2018).
5. Gel'man V.Ya., Khmel'nitskaya N.M. O nekotorykh problemakh podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshei kvalifikatsii [On some problems of training of scientific and pedagogical personnel of higher qualification]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie* [Science. Innovations. Education], 2017, no. 1 (23), pp. 102–119.
6. Gulyaev V. N., Ivanov E. S., Loginov I. P., Khasanov R. Sh. K voprosu o podgotovke nauchno-pedagogicheskikh kadrov na sovremennom etape razvitiya vysshei voennoi shkoly [On the issue of training of scientific and pedagogical personnel at the present stage of development of higher military school]. *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Military academic journal], 2017, no. 1(13), pp. 139–148.
7. Zhukova, G. S., Gaponenko, A. V. Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshei kvalifikatsii [Elektronnyi resurs] [Training of scientific and scientific-pedagogical personnel of higher qualification]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-nauchnyh-i-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-vysshey-kvalifikatsii> (Accessed 10.06.2018).
8. Zayavlenie Soveta po nauke pri Ministerstve obrazovaniya i nauki RF o modernizatsii aspirantury, 31.03.2016 [Elektronnyi resurs] [Statement of the Council for science under the Ministry of education and science of the Russian Federation on the modernization of graduate school, 31.03.2016]. URL: http://www.sovet-po-nauke.ru/info/31032016-declaration_postgraduate (Accessed 12.06.2018).
9. Kiryushina O.N. Tendentsii razvitiya nauchno-informatsionnogo i kadrovogo resursov vysshei shkoly [Trends in the development of scientific, information and human

-
- resources of higher education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 2017, no. 3 (64), pp. 62–65.
10. Krasnova, G. A. Doktorant dorogogo stoit [Elektronnyi resurs] [The doctoral student is worth a lot]. *Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]*. 12.03.2014 // URL: http://www.ng.ru/science/2014-03-12/10_doctorant.html (Accessed 12.06.2018).
 11. Lavrechkin N.V. Group training as a method of development of professionally important qualities [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2017070120. (In Russ., abstr. in Engl.)
 12. Mironenko E.S. Sovremennye tendentsii v razvitii aspirantury v kontekste zarubezhnogo i rossiiskogo opyta [Modern trends in the development of postgraduate studies in the context of foreign and Russian experience]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial development issues]*, 2017, no. 2 (37), pp. 1–12.
 13. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.05.2013 № 760-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii federal'noi tselevoi programmy «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovatsionnoi Rossii» na 2014 - 2020 gody» [Elektronnyi resurs] [Order of the Government of the Russian Federation of 08.05.2013 No. 760-R «On approval of the Concept of the Federal target program «Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia» for 2014-2020»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146334/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (Accessed 10.06.2018).
 14. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 № 2227-r «Ob utverzhdenii Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda» [Elektronnyi resurs] [Order of the Government of the Russian Federation of 08.12.2011 No. 2227-R «On approval of the strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (Accessed 10.06.2018).
 15. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 10.02.2017) «O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda» [Elektronnyi resurs] [Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 № 1662-R (ed. from 10.02.2017) «On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Accessed 10.06.2018).
 16. Tamarskaya N.V., Bokarev M.Yu., Mamonova A.V. Interaktivnye tekhnologii formirovaniya kompetentsii aspirantov [Interactive technologies of formation of graduate students' competences]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl pedagogical Bulletin]*, 2018, no. 1, pp. 84–89.
 17. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 07.03.2018) «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Federal law No. 273 of 29.12.2012-FL (as amended on 07.03.2018) «On education in the Russian Federation»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed 13.06.2018).

18. Fedorov A.A., Paputkova G.A., Samerkhanova E.K., Fil'chenkova I.F., Demidova N.N. Proektirovanie novogo dizaina obrazovatel'noi ekosistemy vuza v kontekste modernizatsii otechestvennogo obrazovaniya [Design the new design of the educational ecosystem in the context of modernization of Russian education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2018, Vol. 23, no.1, pp. 52–63. (In Russ., Abstr. in Engl.).

Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД

Мешкова Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (nmeshkova@yandex.ru)

Шаповал В.А., кандидат медицинских наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД, СПбУ МВД России (vash23@mail.ru)

Герасименко Е.А., социальный педагог, Первый Московский кадетский корпус (AlenaG_1986@mail.ru)

Потарыкина М.С., психолог органов внутренних дел, подполковник полиции, Министерство внутренних дел Российской Федерации (viktomars@gmail.com)

Мешков И.А., магистр психологии (ivan_meshkov1985@mail.ru)

В статье приводятся и анализируются результаты двух эмпирических исследований, проведенных в рамках адаптации методики «The malevolent creativity behavior scale» (Hao et al.) на выборках кадетов – учащихся 9–10 классов (N=89, из них 70-мальчики) и сотрудников полиции (N=62, ср. возраст – 26 лет, мужчины). Проверялась гипотеза о том, что реализация оригинальных решений в поведении, наносящем вред другим людям, обусловлена взаимодействием агрессии/ее компонентов и комплексом личностных характеристик. Результаты показали: 1) особый вклад принадлежит когнитивному компоненту агрессии – враждебности (опросник Басса–Перри), причем, как у подростков, так и у взрослых респондентов; 2) существуют возрастные и гендерные особенности в предикторах антисоциальной креативности. На примере кадетов показано, что в комплекс личностных характеристик могут быть включены макиавеллизм, низкий нейротизм, согласие (NEO-5 FFI). Анализ результатов, полученных на выборке сотрудников полиции с не юридическим образованием показал, что сочетание низкой враждебности с высокой саморегуляцией и самоконтролем личности («Самонаправленность», TCI-125) может стать ресурсом устойчивости к антисоциально направленному поведению, в частности, коррупции.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, коррупция, враждебность,

макиавеллизм, самоконтроль, кадеты, сотрудники полиции.

Для цитаты:

Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А. и др. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018 (8). №3. С. 83-96. doi: 10.17759/psylaw.2018080306

For citation:

Meshkova N.V., Shapoval V.A., Gerasimenko E.A. et al. Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 83-96. doi: 10.17759/psylaw.2018080306

Введение

Проблематика антисоциальной, вредоносной (malevolent) креативности активно разрабатывается психологами в рамках изучения и профилактики терроризма и криминальных деяний. Особенность антисоциальной креативности состоит в том, что креативное мышление используется для сознательного и намеренного нанесения вреда другим людям [15]. Как показывают результаты серии исследований, проведенных российскими авторами, важное значение при этом имеет взаимодействие контекста, легитимности решаемой задачи и личностных характеристик. На примере осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления было показано, что продуцирование идей, наносящих вред в ситуации мести за нанесенный ущерб, а также количество оправданий измены в романтических отношениях, сочетались с высоким уровнем компонентов агрессии – враждебности и гнева; при этом отказ от продуцирования решений в данном контексте у осужденных за агрессивно-насильственные преступления был опосредован высоким значением ценностей социального фокуса: толерантности к другим, самоограничения и порядка с преодолением личных интересов ради общественных [8]. Результаты исследований на выборке подростков, учащихся в общеобразовательных школах, показали, что в ситуации угрозы статусу высокая беглость показателя антисоциальной креативности была выявлена у тех подростков, у которых выражены ценности достижения [1]. Кроме того, было показано, что антисоциальная креативность проявляется не только в ситуациях с отрицательной, но и, что особенно важно, в ситуациях с позитивной коннотацией [1; 10]. Полученные данные дают возможность трактовать термин «антисоциальная креативность» в логике такого нанесения вреда, которое происходит при соблюдении только собственных интересов и игнорировании интересов других участников социального взаимодействия [5], и выводят на первый план нравственное развитие личности и связанные с ним характеристики, например, макиавеллизм [6]. Тем не менее, в данном случае остается не выясненным, будут ли продуцированные идеи реализованы в поведении, а также какие характеристики опосредуют реализацию. Согласно результатам зарубежных авторов, полученным на выборке молодежи (ср. возраст=22,91; SD=4,27), такими характеристиками является агрессия, экстраверсия и открытость опыту [16]. Настоящее исследование направлено на прояснение обозначенной проблемы на российских выборках. Кроме того, представляется, что специфика проблемы антисоциальной

креативности предполагает изучение феномена не только на выборке преступников и обывателей, но и у тех, чье предназначение состоит в защите обывателей от преступников.

Актуальность такого изучения у сотрудников полиции обусловлена явлениями коррупции и различного рода правонарушениями, о которых сообщается не только в СМИ¹, но и на которые обращено внимание президента страны². В данных обстоятельствах проблемы диагностики коррупции и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы профессионального здоровья кандидатов на службу и сотрудников органов внутренних дел тесно взаимосвязаны. Что касается особенностей личности коррупционера, то различные авторы выделяют целый комплекс характеристик, из которых важными, на наш взгляд, являются следующие: приоритет материальной выгоды, зависть, склонность к манипулятивному поведению, слабость воли и самоконтроля, нечестность, скрытая склонность к агрессии, высокая зависимость от отношения значимых лиц, высокий уровень коммуникативных и организаторских умений, отрицание принципа социальной справедливости, склонность к риску [см.: 13]. Говоря о важности этих характеристик, мы имеем в виду, что они могут вносить вклад в использование творческого мышления для решения нелегитимной задачи с помощью нелегитимных средств [7; 9], и здесь особую значимость приобретает выявление тех характеристик, которые могут способствовать одновременно и антикоррупционной устойчивости личности, и стать барьером к реализации антисоциально направленной креативности. Не менее важным представляется также изучение антисоциальной креативности у кадетов с целью выявления ключевых направлений развития и формирования личности будущего полицейского.

Программа исследования

Следует отметить, что наше эмпирическое исследование носило поисковый характер в рамках апробации на российской выборке опросника «The malevolent creativity behavior scale» (MCBS), разработанного под руководством М. Ранко [16]. Описание опросника представлено в одной из наших статей [см.: 10]. Работа над адаптацией продолжается. Отметим, что оригинальная версия показала значимые корреляции с агрессией, экстраверсией, открытостью опыту, а индивиды с высокими показателями MCBS предпочитают решать проблемы креативными способами и с нанесением вреда [16].

Исследование состояло из *двух этапов*. На первом этапе в рамках апробации опросника MCBS приняли участие 62 сотрудника полиции (ср. возраст – 26 лет, мужчины, образование – высшее юридическое (N=29) и высшее специальное не юридическое (N=33)). Использовались следующие методики: ТСИ-125 [2], опросник агрессии Басса-Перри [3], Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс» [12] (в настоящем исследовании рассматриваются результаты по интегральной шкале «Ресурс антикоррупционной устойчивости», представляющей собой соотношение внешнекритериально ориентированных шкал – шкалы «Антикоррупционная устойчивость», отражающей уровень развития конструктивной Я-идентичности личности, и

¹ Куда идут эти деньги – никто не знает [Электронный ресурс]// Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/03/26/mvd/> (дата обращения: 1.07.2018).

² Путин В.В. Выступление на пленарном заседании 16-го Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс // Петербургский международный экономический форум. Президент России. 21 июня 2012 года, Санкт-Петербург. <http://kremlin.ru/events/president/news/15709>

шкалы «Коррупционная неустойчивость», указывающей на подверженность риску коррупционного поведения в силу выраженности деструктивно-дефицитарных ее проявлений [13]. Статистическая обработка проводилась с помощью SPSS Statistics 23.0.

На втором этапе в качестве испытуемых были привлечены кадеты – учащиеся 9–10 классов в количестве 89 человек (из них 70 – мальчики). Использовались следующие методики: MCBS, опросник агрессии Басса–Перри [3], Сокращенный вариант «NEO-FFI» опросника «NEO PI-R» П. Коста и Р. Маккраэ [11], Мак-IV [4]. Статистическая обработка проводилась с помощью SPSS 13.0.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что реализация оригинальных и вредоносных решений в социальном взаимодействии обусловлена взаимодействием агрессии и личностных характеристик.

Результаты исследования

Первый этап

У сотрудников полиции были выявлены непараметрические корреляции показателей MCBS с показателем враждебности (коэффициент корреляции – 251; уровень значимости – $p=,01$). Регрессионный анализ (пошаговый) показал, что 19% дисперсии значений MCBS в данной выборке обусловлены влиянием враждебности и показателя «Сотрудничество» ($t=3,036$; $-2,241$ соответственно). Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость – 0,003 и 0,028 соответственно).

Выборка была разделена в соответствии с образованием респондентов на 2 подгруппы: первую подгруппу составили сотрудники полиции с высшим юридическим образованием (29 человек) (ЮО); во вторую подгруппу были включены сотрудники полиции с высшим или специальным не юридическим образованием (33 человека) (НеЮО). Непараметрические сравнения показали, что между группами существуют различия по выраженности следующих параметров: агрессии у ЮО и гнева у НеЮО (значимость различий – $p<,05$ и $,01$ соответственно).

В группе ЮО не было выявлено значимых корреляций шкал MCBS с другими параметрами.

В группе НеЮО были выявлены следующие непараметрические корреляции: MCBS с агрессией, гневом и враждебностью (табл.). Регрессионный анализ (пошаговый) показал, что 56% дисперсии значений MCBS в этой подгруппе обусловлены влиянием параметров враждебности и агрессии ($t=5,424$; $3,921$ соответственно). Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость $,000$ соответственно).

Таблица

Непараметрические корреляции MCBS в выборках сотрудников полиции и кадетов

Параметры	Шкала MCBS		
	Сотрудники полиции с не юридическим образованием	Кадеты-мальчики	Кадеты-девочки
Агрессия	,469**	Нет корреляции	,725**
Гнев	,497**	,423**	Нет корреляции
Враждебность	,520**	,517**	,495**
Нейротизм	Методика не использовалась	,342**	,417*
Согласие	Методика не использовалась	-,497**	-,559**
Добросовестность	Методика не использовалась	-,375**	-,436*
Макиавеллизм	Методика не использовалась	,357*	,516*
Экстраверсия	Методика не использовалась	-,304**	Нет корреляции

Условные обозначения: «*» – корреляция значима на уровне $p < 0,05$; «**» – корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Что касается шкалы методики ПОЛО «Ресурс антикоррупционной устойчивости», то в группе НеЮО были выявлены следующие корреляции: отрицательная – с враждебностью и положительная – с параметром «Самонаправленность» (ТСИ-125) (коэффициенты по Спирмену -,615; ,606; корреляции значимы на уровне $p < 0,01$ соответственно). Регрессионный анализ показал, что 60% дисперсии значений шкалы обусловлены самонаправленностью и враждебностью ($t = 3,287$; $-2,268$ соответственно). Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость ,000 и ,031 соответственно).

Обсуждение результатов

Обсуждая полученные нами результаты, стоит указать, что оригинальная версия опросника MCBS включает в себя 3 шкалы: «Нанесение вреда», «Ложь» и «Злые шутки» и

описывает поведение, в котором реализуется вредоносная креативность и, конкретно, причинение вреда другим людям в ситуации мести и в ситуации обмана/лжи [16].

И здесь важно, что были выявлены такие предикторы реализации вредоносной креативности в поведении, как «Агрессия» (в подгруппе сотрудников полиции с не юридическим образованием) и «Сотрудничество» (ТСИ-125) (в выборке сотрудников полиции). Характерным является то, что перечисленные параметры являются, если можно так выразиться, поведенческими. Так, исследования российских авторов показали, что существует значимая связь между самоотчетом о склонности к агрессии и реальным агрессивным-насильственным поведением [3]. Полученные нами данные о роли агрессии в реализации вредоносной креативности в поведении согласуются с данными разработчиков оригинальной версии опросника MCBS [16], полученными на выборке, сопоставимой по возрасту с выборкой нашего исследования. Что касается «Сотрудничества», то, согласно автору методики К. Клонингеру, это социально обусловленная черта характера, низкая выраженность которой характеризует личность эгоцентричную, агрессивную и враждебно настроенную по отношению к другим, для которой характерны мстительность, отсутствие интереса к другим людям и нежелание бескорыстно помогать им, стремление к самовыгоде [2]. Таким образом, поведенческие особенности вредоносной креативности опосредуются поведенческими особенностями личности.

Еще один важный результат состоит в том, что главным предиктором стала враждебность – когнитивный компонент агрессии, основанный на переживании чувства несправедливости и ущемленности, неудовлетворенности желаний [14], подозрительности. Враждебность включает в себя компонент цинизма, что может находить отражение и выход во лжи и злых шутках над окружающими и, в том числе, в физическом насилии. Следует обратить внимание на то, что враждебность не принималась во внимание авторами опросника, да и в зарубежной литературе мы не нашли упоминаний о связи враждебности и антисоциально направленной креативности. Наше исследование показало, что враждебность имеет важное значение для вредоносной креативности.

В целом же можно говорить о том, что предиктором нанесения вреда другим является невысокий уровень нравственного развития личности.

Если говорить о характеристиках, которые могли бы стать барьером для использования креативного потенциала для нанесения вреда другим людям в общем, и в коррупции – в частности, то здесь важным представляются полученные результаты в группе сотрудников полиции с не юридическим образованием, свидетельствующие о низком уровне враждебности и высокой самонаправленности как предикторах конструктивной Я-идентичности. Дело в том, что параметр «Самонаправленность» является показателем зрелости личности человека с достаточным самоуважением, понимающего, что его жизнь имеет цель и значение, способного сдерживать свои сиюминутные намерения и проявлять инициативу в преодолении препятствий, ответственного и целенаправленного. В рамках биосоциальной теории личности К. Клонингера, данный параметр показывает, что в процессе воспитания под воздействием понимания своей идентичности неосознаваемые автоматические ответные реакции человека по инициированию, поддержанию или прекращению своего поведения, первоначально обусловленные генетически заданными особенностями темперамента, могут видоизменяться и модифицироваться, становиться осознаваемыми и регулироваться человеком. Главное в самонаправленности – это самопределение и сила воли, наличие способности к самоконтролю, саморегуляции своего

поведения сообразно ситуации и в соответствии с самостоятельно выбранными целями и ценностями [2]. В данном случае очень важен уровень враждебности. Как когнитивный компонент агрессии, включающий в себя недоверие к другим людям и цинизм [3], враждебность может выполнять двоякую функцию: способствовать выбору нелегитимной цели и оправдывать нелегитимные средства ее достижения [7; 9]. Представляется, что низкий уровень враждебности сочетается с легитимностью целей и средств их достижения. Таким образом, полученные нами результаты показывают, что самоконтроль и саморегуляция, а также низкая враждебность являются характеристиками, обеспечивающими ресурс устойчивости личности к антисоциальному поведению, например, к коррупции и нанесению вреда другим людям. Сделанный вывод носит предварительный характер, а полученные закономерности нуждаются в дальнейшем исследовании.

Неожиданным для нас стал результат об отсутствии в подгруппе сотрудников полиции с юридическим образованием корреляций параметров из использованных нами методик с MCBS. Учитывая, что никаких значимых различий по выраженности вредоносной креативности в подгруппах выявлено не было, нельзя не принимать во внимание выраженность агрессии в рассматриваемой подгруппе. Данные обстоятельства показывают необходимость продолжить изучение феномена, расширив спектр показателей, например, рассмотреть связь вредоносной креативности с макиавеллизмом, эмоциональным интеллектом и более широким спектром личностных характеристик, что частично было осуществлено на втором этапе исследования на выборке кадетов.

Второй этап

В выборке *кадетов-мальчиков* были выявлены следующие корреляции MCBS: положительные с гневом, враждебностью, нейротизмом, макиавеллизмом и отрицательные – с экстраверсией, согласием и добросовестностью (см. табл.). Регрессионный анализ (пошаговый) показал, что 54% дисперсии значений шкалы MCBS у кадетов-мальчиков обусловлены влиянием параметров «Враждебность» и «Макиавеллизм» ($t=4,424$; $3,055$). Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость ,000; ,005 соответственно).

В выборке *кадетов-девочек* были выявлены корреляции шкалы MCBS: положительные с агрессией, враждебностью, макиавеллизмом, нейротизмом (на уровне значимости $p<,01$; ,05; ,05 соответственно); отрицательные – с согласием и добросовестностью (на уровне значимости $p<, 01$; ,05 соответственно) (см. табл.). Регрессионный анализ (пошаговый) показал, что 85% дисперсии значений шкалы MCBS у кадетов-девочек обусловлены влиянием параметров «Агрессия», «Согласие» и «Гнев» ($t=5,666$; $-3,695$ и $-2,232$). Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость ,000; ,002 и ,041 соответственно).

Сравнение среднего по Т-критерию параметров у кадетов обоего пола показали, что существуют значимые различия по нескольким параметрам: агрессия и макиавеллизм значимо выше у мальчиков ($p<,05$), а враждебность значимо выше у девочек ($p<,05$).

Обсуждение результатов

Значимые положительные корреляции опросника MCBS в нашем исследовании были выявлены у кадетов обоего пола с такими характеристиками, как враждебность,

макиавеллизм, нейротизм; отрицательные – со шкалами опросника NEO-5 FFI «Согласие» и «Добросовестность». Также были выявлены половые различия: у мальчиков отрицательные корреляции с экстраверсией и положительные с гневом, в то время как у девочек – положительные с агрессией. Гендерные особенности проявились и в предикторах вредоносной креативности: наибольший вклад в выборке кадетов-мальчиков внесли враждебность и макиавеллизм, а у кадетов-девочек – агрессия, сниженные значения гнева и личностной черты «Согласие».

Связь вредоносной креативности с агрессией и враждебностью рассмотрена выше на примере выборки сотрудников полиции. В данном случае особый интерес для анализа представляют шкалы «Макиавеллизм» и «Согласие». Шкала «Согласие» измеряет качество отношения человека к другим людям, и низкий уровень выраженности характеризует человека, озабоченного своими потребностями, редко учитывающего интересы и нормы группы, действующего в соответствии с собственными принципами, старающегося манипулировать другими, с враждебностью к другим, мстительностью [11]. Согласно зарубежным исследованиям, люди с высоким показателем по шкале «Макиавеллизм» успешно манипулируют другими людьми, эффективно обманывают их, а мальчики, в частности, манипулируют с помощью директивных и агрессивных тактик. Характерным является тот факт, что у испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма высоки подозрительность, негативизм, злопамятность, а отзывчивость, бескорыстие, стремление к помощи и состраданию имеют низкую выраженность [4]. Представляется, что взаимодействие поведенческих особенностей рассмотренных характеристик с агрессией и враждебностью опосредуют реализацию в поведении решений, наносящих вред в социальных ситуациях: согласно методике MCBS, это могут быть агрессия, злые шутки, ложь. В нашем исследовании за пределами анализа осталось собственно продуцирование оригинальных решений, поскольку фокус внимания был сосредоточен на реализации возможных решений в поведении. В данном случае можно говорить о том, что респонденты, обладающие рассмотренными характеристиками, могут и не быть, что называется, «разработчиками» идей, поскольку не была выявлена связь с ассоциируемой с креативностью характеристикой «Открытость опыту», но важно, что они могут легко принять чужие оригинальные идеи и стать их реализаторами [6]. Данные выводы подтверждаются и значимой связью MCBS с нейротизмом (положительной) и добросовестностью (отрицательной), показывающей, что вредоносная креативность может сочетаться, во-первых, с неадекватностью реакций на различные ситуации, поскольку даже при благоприятных обстоятельствах их обладатели видят негативные моменты, с тревожностью, во-вторых, со склонностью к идеям, далеким от реальности, к экспериментам и, в-третьих, с гедонистической направленностью личности.

Особое внимание следует уделить неожиданному для нас результату отрицательной корреляции MCBS с экстраверсией у кадетов-мальчиков, что не согласуется с результатами зарубежного авторского коллектива под руководством М. Runco [16]. Данное разногласие можно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, возрастными различиями: в нашем исследовании выборку составили подростки – учащиеся 9 классов, в то время как средний возраст в зарубежном исследовании – приблизительно 22 года. Во-вторых, гендерными различиями: данные мальчиков и девочек подвергались отдельной статистической обработке, в то время как у зарубежных авторов половые различия не учитывались, а женская часть выборки составила около 2/3 [см.: 16]. В третьих, если обратиться к описанию поведенческих характеристик людей с низкими значениями фактора «Экстраверсия», то связь с поведенческими особенностями вредоносной

креативности не кажется случайной, поскольку отличительными чертами здесь являются независимость, самостоятельность, индивидуализм, сдержанность в общении с людьми, незаметность в компании, предпочтение не привлекать к себе внимание [11]. На основании данных результатов можно утверждать, что субъекты с высоким уровнем макиавеллизма и враждебности в сочетании с низкой экстраверсией могут входить в группу риска по реализации вредоносной креативности. Дело в том, что им не нужны «помощники» для нанесения вреда, поскольку они могут нанести вред самостоятельно. Скорее всего, это касается не агрессивных действий, а манипуляций с помощью лжи. Для подтверждения выдвинутого предположения необходимо продолжить исследование вклада переменных в каждую из шкал опросника MCBS.

Выводы

Результаты проведенного поискового исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Реализация креативности в поведении, наносящем вред, опосредуется агрессией и ее компонентами. Особый вклад принадлежит когнитивному компоненту агрессии – враждебности личности, причем как у подростков, так и у взрослых.

2. Большой вклад в поведение, ассоциируемого с вредоносной креативностью, вносят индивидуальные и личностные особенности: выраженность макиавеллизма и нейротизма, низкие значения экстраверсии, озабоченность только собственными потребностями, эгоцентризм, мстительность, подозрительность, отсутствие интереса к другим людям и нежелание бескорыстно помогать им, стремление к самовыгоде. В данном случае можно говорить о комплексе характеристик, которые в сочетании с враждебностью и агрессией являются достаточными основаниями для включения их носителей в группу риска и рассмотрения в качестве потенциальных претендентов для коррекционной работы.

3. Результаты исследования показывают наличие возрастных и гендерных особенностей в предикторах антисоциальной креативности у подростков, изучение чего является перспективой дальнейших исследований.

4. Можно говорить о комплексе характеристик, определяющих ресурс устойчивости личности к антисоциально направленному поведению. К таким характеристикам относятся низкая враждебность в сочетании с высокой саморегуляцией и самоконтролем личности.

Выявленные зависимости чрезвычайно важны и, хотя наше исследование является поисковым, полученные нами закономерности рекомендуется принимать во внимание на этапе приема на обучение в учебные заведения МВД и при оценке, мониторинге и коррекции морально-психологического состояния как обучающихся, так и сотрудников МВД.

Литература

1. Антропова М.Ю., Мешкова Н.В. О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 3. С. 175–185. doi:10.17759/psyedu.2017090318
2. Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Апробация биосоциальной методики Клонинжера

- «Структура характера и темперамента» // Материалы 1-й международной конференции, посвященной памяти Б.В. Зейгарник. М.: МГУ, 2001. С. 104—105.
3. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психол. журн. 2007. № 1. С. 115–124
 4. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16–22
 5. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Направления исследований креативности в социальном взаимодействии // Вопросы психологии. 2016а. № 4. С. 118–128.
 6. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016б. Т. 9, № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.01.2017).
 7. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Негативная креативность в образовании: особенности, угрозы и перспективы исследования // Психологическая наука и образование. 2017. Т/ 22. № 5. С. 67–76. doi:10.17759/pse.2017220508
 8. Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 147–163. doi:10.17759/psylaw.2018080111
 9. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 2. С. 279–290. doi: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
 10. Мешкова Н.В. Особенности взаимосвязи антисоциально направленной креативности и ценностей у подростков с разным уровнем агрессии [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 2. С. 77–87 doi: 10.17759/psyedu.2018100207
 11. Орел В.Е., Сенгин И.Г. Опросник NEO PI R. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2004. 33 с.
 12. Шаповал В.А. Психологическая диагностика антикоррупционной устойчивости у сотрудников полиции с помощью психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» // Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур: сб. материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции специалистов ведомственных психологических и кадровых служб с международным участием. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2015. С. 287–298.
 13. Шаповал В.А. Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. 296 с.
 14. Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 63. P. 452–459.
 15. Cropley D.H., Cropley A.J., Kaufman J.C., Runco M. (Eds.). The dark side of creativity. New York, NY: Cambridge University Press, 2010. doi:10.1017/CB09780511761225

16. *Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. Vol. 7. P. 682. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00682*

Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen

Meshkova N.V., Ph.D. (Psychology), Assistant Professor, Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (nmeshkova@yandex.ru)

Shapoval V.A., PhD, associate professor, Head of the Department of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (vash23@mail.ru)

Gerasimenko E.A., social pedagogue, the first Moscow Cadet Corps (AlenaG_1986@mail.ru)

Potarykina M.S., psychologist of the Interior Ministry of the Russian Federation, lieutenant colonel of the police (viktomars@gmail.com)

Meshkov I.A., M.Sc. in Psychology (ivan_meshkov1985@mail.ru)

We present and analyze the results of two empirical studies conducted in the framework of adaptation of "The malevolent creativity behavior scale" (Hao et al.) on samples of cadets-students grades 9-10 (N=89, 70-boys) and police officers (N=62, average age 26 years, men). The hypothesis that the implementation of original solutions in behavior harmful to other people is due to the interaction of aggression/its components and a set of personal characteristics was tested. The results showed: 1. a special contribution belongs to the cognitive component of aggression-hostility (Bass-Perry questionnaire), both in adolescents and adults; 2. there are age and gender features in predictors of anti-social creativity. It is shown by the example of cadets that Machiavellianism, low neuroticism, agreeableness (NEO-5 FFI) can be included in the complex of personal characteristics. Analysis of the results obtained in the sample of police officers with non-legal education showed that the combination of low hostility with high self-regulation and self-control of the individual ("self-directedness", TCI-125) can become a resource of resistance to anti-socially directed behavior, in particular corruption.

Key words: malevolent creativity, corruption, hostility, Machiavellianism, self-control, cadets, police officers.

References

1. Antropova M.Y., Meshkova N.V. On the Situational Characteristics of Creativity in the Social Interaction of High School Students [Elektronnyi resurs]. *Psychological-Educational Studies*, 2017. Vol. 9, no. 3, pp. 175–185. doi:10.17759/psyedu.2017090318. (In Russ., abstr. in Engl.)

2. Enikolopov S. N., Efremov A.G. Testing the biosocial methods Cloninger "Structure of character and temperament". *Materials of the First international conference dedicated to the memory of B. V. Zeigarnik*. Moscow, 2001, pp. 104-105.
3. Enikolopov S.N., Tsybul'sky N.P. Psychometric analysis of the Russian version of the questionnaire for the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry. *Psikhol. Journ.*, 2007, no. 1, pp. 115-124
4. Znakov V. V. Machiavellianism: psychological property of the individual and the methodology of its study. *Psychological journal*, 2000. Vol. 21, no. 5, pp. 16-22
5. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Napravleniya issledovaniya kreativnosti v sotsial'nom vzaimodeistvii [The directions of creativity research in social interaction]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2016a, no. 4, pp. 118–128.
6. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. On psychological research of antisocial creativity. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological studies], 2016b. Vol. 9, no. 50, p. 3. <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English).
7. Meshkova N.V., Enikolopov S. N. Negative Creativity in Education: Features, Threats and Research Perspectives. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2017. Vol. 22, no. 5, pp. 67–76. doi:10.17759/pse.2017220508. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Meshkova N.V., Debolskiy M.G., Enikolopov S. N., Maslenkov A.A. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 147–163. doi:10.17759/psylaw.2018080111. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Creativity and Deviance: Communication and Interaction. *Psychology. Journal of High School of Economy*, 2018. Vol. 15, no. 2, pp. 279–290. doi: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
10. Meshkova N.V. Interrelation of Malevolent Creativity and Values in Adolescents with Different Levels of Aggression [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 2018. Vol. 10, no. 2, pp. 77–87. doi: 10.17759/psyedu.2018100207. (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Orel V. E., Sengin I. G. NEO PI R. Questionnaire NEO PI R. Yaroslavl: Publ."Psychodiagnostics", 2004. 33 p.
12. Shapoval V.A. Psychological diagnostics of anti-corruption stability in police officers with the help of psychodynamically oriented personality questionnaire (POLO)" Resource ". *Actual problems of psychological support of practical activity of power structures: collection of materials of the Fourth all-Russian scientific-practical conference of specialists of departmental psychological and personnel services with international participation*. Saint Petersburg: Publ. Saint-Petersburg named after V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the MOUTH, 2015, pp. 287-298.

13. Shapoval V. A. professional psychological health of employees of internal Affairs bodies: diagnosis, forecasting, monitoring: monograph. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University of MIA of Russia, 2015. 296 p.
14. Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. Vol. 63, pp. 452–459.
15. Croy D. H. et al. (eds.), *The dark side of creativity*. New York, NY: Cambridge University Press, 2010. doi:10.1017/CBO9780511761225
16. Hao N. et al. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Front. Psychol.*, 2016. Vol. 7, pp. 682. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00682

Гендерные различия в восприятии стресса у работников следственных органов

Московская М.С., аспирант факультета юридической психологии, ГБОУ ВО МГППУ (mariya_moskovskaya@bk.ru)

Булыгина В.Г., доктор психологических наук, руководитель Лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «НМИЦ имени В.П. Сербского» МЗ РФ; профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВО МГППУ (ver210@yandex.ru)

В статье изложены результаты исследования особенностей реагирования на профессиональный стресс у сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности. Исследованы 106 сотрудников следственных органов (из них – 62 мужчины и 44 женщины в возрасте от 22 до 43 лет; средний возраст – 29 лет) со стажем работы от 0,5 года до 21 года. Выявлено, что сотрудники следственных органов женского пола подвержены более высокому уровню стрессового напряжения, а также более высокому уровню организационного стресса и нервно-психического напряжения, чем их коллеги-мужчины. Женщины-следователи превосходят своих коллег-мужчин по всем трем фазам, а также по отдельным симптомам эмоционального выгорания. Кроме того, следственные работники женского пола чаще мужчин-следователей склонны к состояниям, характеризующимся утомлением, монотонией и пресыщением. Также женщины-следователи демонстрируют более высокие показатели различных психологических признаков симптоматических расстройств, таких как: соматизация, обсессивно-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, а также общих индексов – индекса симптоматического дистресса и индекса выраженности симптоматики.

Ключевые слова: гендер, сотрудники следственных органов, стрессовое напряжение, следователи.

Для цитаты:

Московская М.С., Булыгина В.Г. Гендерные различия в восприятии стресса у работников следственных органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 97-110.
doi: 10.17759/psylaw.2018080307

For citation:

Moskovskaya M.S., Bulygina V.G. Gender differences in perception of stress among

interrogators. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 97-110.
doi: 10.17759/psylaw.2018080307

Введение

Проблема стресс-реагирования является одной из наиболее значимых для клинической психологии, психологии безопасности, экстремальной психологии и поведения человека в экстремальных ситуациях. Крайне актуальна эта проблема в отношении сотрудников правоохранительных органов [4; 6]. Служба в правоохранительных органах включена в список профессий, предполагающих особо напряженные и чрезвычайно трудные условия деятельности. Недавние исследования показали, что высокий уровень стресса у сотрудников полиции напрямую связан с более высоким уровнем физиологических и психологических последствий для здоровья, профессионального выгорания, соматизации [1; 2; 3; 5, 7, 8].

За последние несколько десятилетий внимание зарубежных исследователей также привлекает вопрос гендерных различий в восприятии профессионального стресса сотрудниками полиции. Указанную научную тенденцию можно объяснить увеличением количества служащих в полиции женщин во всех индустриально развитых странах [12]. Результаты теоретических и экспериментальных исследований, выполненных на контингенте сотрудников полиции мужского и женского пола показали, что воспринимаемые уровни стрессового напряжения, а также стрессогенные факторы могут варьироваться между полами [11; 12; 17].

Было выдвинуто предположение, что женщины-офицеры могут сталкиваться с дополнительными стрессогенными факторами, которые не испытывают их коллеги-мужчины. В соответствии с этим предположением, было разработано множество теорий, объясняющих вариации воздействия стресса на мужчин и женщин. Некоторые из них включают гендерную социализацию и гендерные роли, токенизм, рабочую нагрузку, социальную поддержку.

Так, согласно теории гендерных ролей и в соответствии с традиционным стереотипом мужчине негласно запрещается испытывать страдание и огорчения, демонстрировать свои чувства, предъявлять физические жалобы или обращаться к врачу. Традиционные мужские гендерные роли постулируют то, что мужчины являются достаточно жесткими и не проявляют эмоциональную слабость [12; 14]. Все это приводит к негативным последствиям для здоровья мужчин, таким как: более низкая продолжительность жизни, ухудшение проблем со здоровьем, злоупотребление наркотиками и алкоголем, высокий уровень агрессии [11]. Таким образом, одна из причин, по которым мужчины заявляют о более низком уровне стрессового напряжения, объясняется теорией гендерных ролей.

Теория токенов, предложенная R. Kanter [15] утверждает, что дополнительное эмоциональное напряжение и стресс порождают токенизм в полицейской среде. Токенизм возникает, когда меньшинства составляют небольшую часть рабочего коллектива. В рабочей среде токены традиционно включали: афро-американцев, азиатов и женщин. Они

сталкиваются с враждебностью со стороны большинства в формах изоляции, шуток и социальной изоляции [6].

Социальный капитал является широким термином, используемым для описания аспектов социальных сетей, отношений и доверия, которые люди могут сами порождать или получать от друзей, семьи или коллег по работе [9]. Показано, что социальный капитал смягчает последствия стресса [14; 19]. Ряд исследователей отмечают, что группы меньшинств, такие как женщины в полиции, могут не получать подобную пользу от социального капитала в отличие от их коллег-мужчин, что может быть связано с тем, что женщины на традиционно мужской работе часто сильно изолированы от социальных сетей.

Что касается фактора рабочей нагрузки, было установлено, что женщины, в среднем, сообщают о более продолжительном количестве часов, а именно приблизительно на 10 часов в неделю больше, чем мужчины, при этом подсчитывались и домашние, и рабочие обязанности [9]. Эта большая рабочая нагрузка указывает на то, что женщины чаще страдают от физических и психических проблем со здоровьем и, соответственно, заявляют о более высоком уровне стрессового напряжения [18].

Отмеченные выше факторы могут приводить к увеличению гендерного разрыва в вопросах выраженности стрессового напряжения. McCarty отмечает, что невнимательное отношение к гендерным различиям в исследованиях профессионального выгорания у сотрудников полиции представляет проблему, поскольку большинство испытуемых составляют мужчины и полученные результаты не могут быть применимы к женщинам [18].

К настоящему времени за рубежом проведено достаточное количество исследований, посвященных изучению гендерных различий у сотрудников правоохранительных органов. При этом особенности реагирования на профессиональный стресс с учетом гендерной принадлежности у сотрудников следственных органов не были предметом самостоятельных исследований.

Решение этой проблемы определяет необходимость клинико-психологических исследований, направленных на выявление особенностей стресс-реагирования у сотрудников следственных органов с различным уровнем профессионального стресса, с учетом гендерной принадлежности. Что и явилось целью настоящего исследования.

Материал и методы исследования

Выборку исследования составили 106 сотрудников следственных органов (62 мужчины и 44 женщины) в возрасте от 22 до 43 лет. Средний стаж работы в правоохранительных органах составил 5,6 лет. Все обследованные имели высшее юридическое образование и работали по специальности следователь. Исследование проводилось на базе более двадцати отделений полиции трех административных округов Министерства внутренних дел России – СЗАО, ЮЗАО, СВАО, в период времени с января по март 2017 г.

Методический комплекс включал следующие методы исследования:

- тест на определение профессионального стресса Т.Д. Азарных, И.М. Тыртышникова);

• симптоматический опросник SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised), предназначенный для оценки паттернов психологических признаков симптоматических расстройств у психиатрических пациентов и здоровых лиц, позволяющий определить выраженность следующих симптоматических шкал: «соматизация», «обсессивность/компульсивность», «интерперсональная сензитивность (межличностная тревожность)», «депрессивность», «тревожность», «враждебность», «фобии», «паранойальность», «психотизм». В методику включены также интегральные шкалы: «общий симптоматический индекс», «индекс проявления симптоматики» и «индекс выраженности дистресса»;

• методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, диагностирующая следующие компоненты «выгорания»: «напряжение», «резистенция», «истощения», образующие соответствующими шкалами: «переживание психотравмирующих обстоятельств», «недовольство собой», «загнанность в клетку», «тревога и депрессия», «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «эмоционально-нравственная дезориентация», «расширение сферы экономики эмоций», «редукция профессиональных обязанностей», «эмоциональный дефицит», «эмоциональная отстраненность», «личностная отстраненность «психосоматические и психовегетативные методика Л.И. Вассермана, направленная на диагностику совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях;

• шкала организационного стресса Мак-Лина;

• опросник А.Б. Леоновой, предназначенный для оценки выраженности состояний утомления, монотонии, пресыщения, стресса;

• методика «Таблицы Шульте», применяемая для исследования функций внимания.

Статистическая значимость различий устанавливалась с использованием параметрического статистического критерия t-Стьюдента для сравнения двух независимых выборок, а также линейного регрессионного анализа. Анализ данных проводился в программе IBM SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

Первым этапом анализа полученных данных было проведение сравнительного анализа психологических переменных у сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности (рис. 1, 2).

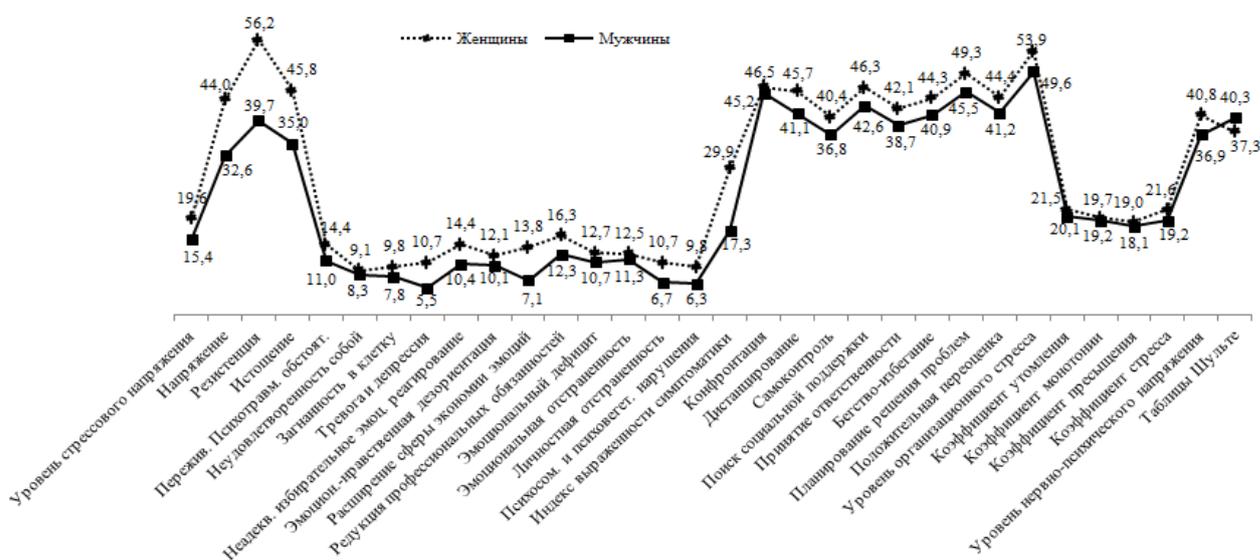

Рис. 1. Средние значения исследуемых психологических переменных у сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности

Из рис 1 видно, что средние значения переменных, отражающих симптомы дистресса, признаки эмоционального выгорания, уровень организационного стресса, выраженность стрессового и нервно-психического напряжения, состояний сниженной работоспособности, выраженность состояний утомления, монотонии, пресыщения, а также выраженность неадаптивных копинг-стратегий выше в группе сотрудников следственных органов женского пола.

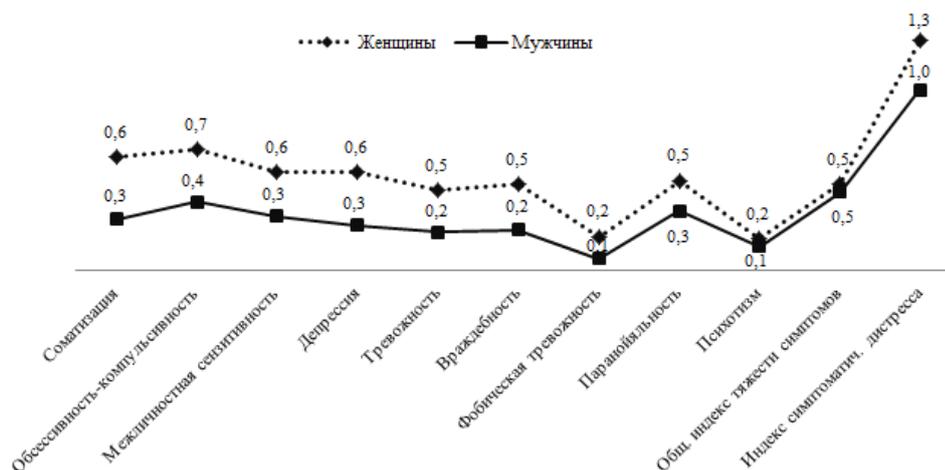

Рис 2. Средние значения параметров симптоматического опросника SCL-90r у сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности

Из рис. 2 видно, что средние значения параметров «соматизация», «обсессивность-компульсивность», «межличностная сензитивность», «депрессия», «тревожность», «враждебность», «фобическая тревожность», «паранойяльность», «психотизм», а также «индекс симптоматического дистресса» выше у женщин следователей по сравнению с мужчинами.

Выделение значимых различий исследуемых психологических параметров у сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности было проведено с использованием параметрического статистического критерия t-Стьюдента для сравнения двух независимых выборок (табл. 1).

Таблица 1

Значимые различия распределения исследуемых психологических параметров сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности (t-критерий Стьюдента)

Параметр				Женщины (n=45)		Мужчины (n=62)	
				М	SD	М	SD
Уровень стрессового напряжения	0,56	3,84	0,000	19,64	5,99	15,43	5,28
Напряжение	2,82	2,20	0,030	43,98	28,30	32,56	24,34
Резистенция	0,00	3,81	0,000	56,16	21,84	39,66	21,68
Истощение	2,09	2,29	0,024	45,77	25,46	34,98	22,19
Тревога и депрессия	9,59	3,20	0,002	10,68	9,57	5,49	6,89
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	2,00	2,61	0,010	14,36	7,00	10,36	8,20
Расширение сферы экономии эмоций	8,41	3,88	0,000	13,82	10,09	7,07	7,59
Редукция профессиональных обязанностей	0,48	2,58	0,011	16,25	7,41	12,34	7,77
Личностная отстраненность	2,87	2,34	0,021	10,70	9,38	6,66	8,14
Психосоматические и психовегетативные нарушения	0,29	2,97	0,004	9,84	6,34	6,32	5,65
Соматизация	15,00	3,48	0,001	0,65	0,65	0,29	0,37
Обсессивность–компульсивность	4,37	2,94	0,004	0,70	0,58	0,39	0,46
Межличностная сензитивность	7,49	2,99	0,004	0,57	0,52	0,31	0,34
Депрессия	6,11	3,45	0,001	0,56	0,51	0,26	0,39
Тревожность	7,72	3,04	0,003	0,46	0,48	0,22	0,31

Враждебность	4,77	3,46	0,001	0,50	0,44	0,23	0,33
Фобическая тревожность	12,64	2,23	0,028	0,19	0,39	0,07	0,18
Индекс симптоматического дистресса (PDSI)	0,06	2,82	0,006	1,33	0,48	1,04	0,53
Индекс выраженности симптоматики (PSI)	1,28	3,22	0,002	29,88	21,29	17,27	18,15
Дистанцирование	0,81	2,08	0,041	45,71	11,41	41,07	9,44
Уровень организационного стресса	0,16	2,10	0,038	53,86	9,56	49,62	9,32
Коэффициент стресса	0,03	2,93	0,004	21,58	3,81	19,24	4,08
Уровень нервно-психического напряжения	3,29	2,11	0,038	40,84	10,37	36,88	7,74

Было выявлено, что сотрудников следственных органов женского пола значимо отличает более высокий уровень стрессового напряжения, большая выраженность фаз развития эмоционального выгорания, напряжение, резистенция и истощение, а также таких отдельных симптомов эмоционального выгорания, как тревога и депрессия, неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, расширение сферы экономики эмоций, редукция профессиональных обязанностей, личностная отстраненность, психосоматические и психовегетативные нарушения. В том числе в группе женщин – сотрудников следственных органов выявляются более высокие показатели следующих психологических признаков симптоматических расстройств: соматизация, обсессивно-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, а также общих индексов – индекса симптоматического дистресса и индекса выраженности симптоматики. В группе женщин также отмечены более высокие значения следующих параметров: дистанцирование как способ совладания со стрессом, уровень организационного стресса, коэффициент стресса и уровень нервно-психического напряжения по сравнению с сотрудниками следственных органов мужского пола.

Для проверки гипотезы о влиянии возраста и стажа профессиональной деятельности, уровня стрессового напряжения на особенности реагирования на стресс в зависимости от гендерной принадлежности был проведен линейный регрессионный анализ (табл. 2).

Таблица 2

Результаты линейного регрессионного анализа исследуемых психологических переменных сотрудников следственных органов мужского и женского пола в зависимости от возраста, стажа работы и уровня стрессового напряжения

Параметр	Женщины			Мужчины		
	В	Т	Р	В	Т	Р
Возраст	Конфронтация			Эмоционально-нравственная дезориентация		
				0,536	3,110	0,007
	-0,645	-3,477	0,003	Индекс симптоматического дистресса		
				-0,516	-2,996	0,009
Стаж работы	Поиск социальной поддержки			-		
	-0,979	-3,884	0,001			
	Планирование решения проблем					
	0,575	2,281	0,037			
Уровень стрессового напряжения	Переживание психотравмирующих обстоятельств			Напряжение		
				0,874	8,716	0,000
	0,652	3,543	0,003	Положительная переоценка		
				-0,481	-3,897	0,001
				Конфронтация		
			0,280	2,253	0,040	

Из приведенных в таблице 2 данных, переменная «возраст сотрудника следственных органов» оказалась информативной для предсказания таких переменных, как конфронтация ($\beta=-0,645$; $p=0,003$) и эмоционально-нравственная дезориентация ($\beta=0,536$; $p=0,007$) у женщин, и также индекс симптоматического дистресса ($\beta=-0,516$; $p=0,009$) – у мужчин.

У сотрудников следственных органов женского пола с увеличением стажа работы отмечается рост показателя «планирование разрешения проблем» ($\beta=0,575$; $p=0,037$) и снижение показателя «поиск социальной поддержки» ($\beta=-0,979$; $p=0,001$).

С увеличением уровня стрессового напряжения отмечается рост симптома эмоционального выгорания – «переживание психотравмирующих обстоятельств» ($\beta=0,652$; $p=0,003$) у женщин; показателя «напряжение» ($\beta=0,874$; $p=0,000$), «конфронтация» ($\beta=-0,481$; $p=0,001$) и снижение положительной переоценки ($\beta=-0,481$; $p=0,040$) – у мужчин.

Анализ результатов

Результаты исследования показали, что следственные работники женского пола в большей степени, чем их коллеги-мужчины подвержены стрессовому напряжению, а также более высокому уровню организационного стресса и нервно-психического напряжения, что может быть обусловлено различными факторами, рассматриваемыми зарубежными исследователями, в том числе меньшим количеством получаемой социальной поддержки, более продолжительной общей нагрузкой.

Женщины-следователи чаще своих коллег-мужчин подвержены утомляемости и пресыщаемости профессиональной деятельностью. Кроме того, женщины-следователи чаще испытывают синдром эмоционального выгорания, проявляющийся в снижении мотивации к работе, в недовольстве работой, в ощущении усталости, скуки, эмоционального истощения, что в свою очередь приводит к изменениям в сфере межличностных отношений, нарастанию личностной отстраненности, появлению враждебности по отношению к окружающим. Сотрудники следственных органов женского пола значительно чаще испытывают тревогу, страдают депрессией, обсессивно-компульсивными расстройствами, а также психосоматическими и психовегетативными нарушениями. В ситуациях стресса они чаще своих коллег-мужчин прибегают к использованию неадаптивных стратегий. Все вышесказанное приводит к редукции профессиональных обязанностей, снижению качества выполняемой работы.

С увеличением возраста у сотрудников следственных органов женского пола отмечается увеличение частоты использования конфронтации в качестве стресс - преодолещающей стратегии, обуславливающей проявление агрессивных и враждебных тенденций в ситуациях стресс реагирования. Мужчины-следователи с возрастом значимо чаще демонстрируют симптомы эмоционально-нравственной дезориентации, фазы эмоционального выгорания «резистенция», предполагающей отсутствие должного эмоционального отношения к другому объекту, редукцию эмоционального отклика, но вместе с этим проявляют меньшее количество симптомов дистресса. Иными словами, женщины-следователи с возрастом становятся более агрессивными и враждебно настроенными в ситуациях стресса, а мужчины – эмоционально холодными и безучастными по отношению к другим людям, при этом количество симптомов у них уменьшается. Увеличение стажа работы у сотрудников следственных органов женского пола приводит к снижению потребности в поиске социальной поддержки как одной из совладающих со стрессом стратегий, при этом они в большей степени начинают применять стратегию планирования решения проблем, предполагающую усилие, направленное на изменение ситуации, использование аналитического подхода к решению проблем.

С увеличением уровня стрессового напряжения женщины более подвержены переживанию психотравмирующих обстоятельств как одного из симптомов фазы эмоционального выгорания «напряжение». В свою очередь, у мужчин увеличение выраженности стрессового напряжения способствует росту напряжения как одной из фаз эмоционального выгорания. Кроме того, они начинают реже использовать копинг-

стратегии положительной переоценки, предполагающей возможность преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, и чаще начинают применять стратегию конфронтации, предполагающую проявление агрессивных и враждебных тенденций в ситуациях стресс-реагирования.

Заключение

В работе был проведен анализ гендерных особенностей стресс реагирования у сотрудников следственных органов. Было выявлено, что сотрудники следственных органов женского пола практически по всем психологическим показателям превосходят следователей-мужчин. Обследованные женщины были подвержены более высокому уровню стрессового и нервно-психического напряжения, синдрому эмоционального выгорания. Также они обнаруживали более высокие показатели профессионального стресса, склонность к состояниям, характеризующимся утомлением, монотонией и пресыщением, а также более высокие показатели различных психологических признаков симптоматических расстройств. Кроме этого, обнаружено влияние аспектов возраста, стажа и уровня стрессового напряжения на особенности стресс-реагирования у мужчин- и женщин-следователей.

На основании полученных данных могут быть разработаны индивидуальные коррекционные программы, направленные на повышение стрессоустойчивости у сотрудников следственных органов женского пола, профилактику эмоционального выгорания, превенцию психических и психосоматических нарушений.

Литература

1. Антонова Н.А. Социально-психологические факторы нервно-психической дезадаптации сотрудников силовых структур: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2009. 24 с.
2. Бабурин С.В. Совладающее поведение и профессиональный стресс в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1 (42). С. 7–12.
3. Долженко В.Ю., Клочко Ю.В. Сотрудникам ОВД «О психологическом здоровье»: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2015. 56 с.
4. Ильин В.А. Использование психосоциального подхода для изучения социально-психологических процессов в современном обществе // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 109–123.
5. Котенёва А.В. Личностные уровни и система жизнеобеспечения личности в стрессовых ситуациях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 1. С. 111–116.
6. Марьин М.И., Петров В.Е., Ульянина О.А. Особенности психологического обеспечения в подготовке специалистов в образовательных организациях МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 85–90.

7. Муртазов А.М. Профессиональный стресс и психосоматические заболевания у сотрудников правоохранительных органов // Медицина труда и промышленная экология. 2014. № 5. С. 41–44.
8. Шихова А.П. Профессиональный стресс в деятельности сотрудников специализированных подразделений дознания органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 23 с.
9. Coltrane S. Research on household labor: Modeling and measuring the social embeddedness of routine family work // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62. P. 1208–1233.
10. Cropanzano R., Rupp D.E., Byrne Z.S. The relationship of emotional exhaustion to work attitudes, job performance and organizational citizenship behaviours // Journal of Applied Psychology. 2003. Vol. 88. P. 160–169. doi: 10.1037/0021-9010.88.1.160
11. Dempsey J.S., Forst I.S. An introduction to policing. Fifth edition. Delmar, USA: Cengage Learning, 2009. P. 170–174.
12. Gächter M., Savage D.A., Torgler B. Gender Variations of Physiological and Psychological Strain amongst Police Officers // Gend. Issues. 2011. Vol. 28. P. 66–93. doi: 10.1007/s12147-011-9100-9 704
13. Hong K., Bergquist K., Sinha R. Gender Differences in Response to Emotional Stress: An Assessment across Subjective, Behavioral and Physiological Domains and Relations to Alcohol Craving // Alcoholism: Clinical & Experimental Research. July 2008. P. 12–16.
14. Jaramillo F., Nixon R., Sams D. The effect of law enforcement stress on organizational commitment // Policing: An International Journal of Police Strategies and Management. 2005. Vol. 28. P. 321–336.
15. Kanter R.M. Men and women of the corporation. New York: Basic Books, 1977. 368 p.
16. Krimmel J.T., Gormley P.E. Tokenism and job satisfaction for policewomen // American Journal of Criminal Justice. 2003. Vol. 28. P. 73–88.
17. Maran D., Varetto A., Zedda M. Occupational stress, anxiety and coping strategies in police officers // Occupational Medicine. 2015. Vol. 65. № 6. P. 447–466.
18. Nelson K.V., Smith A.P. Occupational stress, coping and mental health in Jamaican police officers // Occupational Medicine. 2016. Vol. 66 (6). P. 488–491.
19. Slate R.N., Johnson W.W., Colbert S.S. Police stress: A structural model // Journal of Police and Criminal Psychology. 2007. Vol. 22. P. 102–112.

Gender differences in perception of stress among interrogators

Moskovskaya M.S., Postgraduate at the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (*mariya_moskovskaya@bk.ru*)

Bulygina V.G., Doctor in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychohygienics and psychoprevention in Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (*ver210@yandex.ru*)

In the article results of research of features of reaction to professional stress at employees of interrogators bodies depending on a gender accessory are stated. 106 employees of interrogators bodies (62 of them men and 44 women aged 22 to 43 years, average age 29 years) were studied with work experience from 0.5 to 21 years. The methodical complex included: a test for professional stress. Azarnykh, I.M. Tyrtysnikov, a symptomatic questionnaire SCL-90-R, a technique for diagnosing the level of professional burnout. Boyko, the technique of coping behavior in stressful and problematic situations for the individual LI. Wasserman, McLean's organizational stress scale, a questionnaire for assessing the severity of fatigue states, monotony, satiety, stress. Leonova, the method of the "Schulte table"). It has been revealed that female interrogators are subject to a higher level of stress, as well as to a higher level of organizational stress and neuropsychic stress than their male counterparts. Female interrogators outperform their male colleagues in all three phases, as well as individual symptoms of emotional burnout. In addition, female interrogators workers are more likely than men to interrogators conditions characterized by fatigue, monotony, and satiety. Also, female interrogators show higher rates of various psychological signs of symptomatic disorders: somatization, obsessive-compulsive disorders, interpersonal sensitivity, depression, anxiety, hostility, phobic anxiety, and general indices - the symptomatic distress index and symptom severity index. In addition, female interrogators differ from their male colleagues in choosing the stress of overcoming strategies. In addition, the influence of the aspects of age, length of service and level of stress on the peculiarities of stress response in men and women of interrogators was found.

Key words: gender, employees of interrogators apparatus, stress tension, interrogators.

References

1. Antonova N.A. Social'no-psihologicheskie faktory nervno-psihicheskoy dezadaptacii sotrudnikov silovyh struktur: avtoref. Dis. kand. psihol. nauk. [Socio-psychological factors of neuropsychic disadaptation of employees of power structures. Ph. D. (Psychology) diss.]. Saint Petersburg, 2009. 24 p.
2. Baburin S.V. Sovladayushchee povedenie i professional'nyj stress v deyatel'nosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [Coping behavior and professional stress in

-
- the activities of the penitentiary system staff]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute [Bulletin of the Vladimir institute of law]*, 2017, no. 1 (42), pp. 7–12.
3. Dolzhenko V.YU., Klochko YU.V. Sotrudnikam OVD «O psihologicheskom zdorov'e» [Employees ATS "On psychological health"]. *Uchebno-metodicheskoe posobie [Teaching aid]*, 2015. 56 p.
 4. Il'in V.A. Ispol'zovanie psihosotsial'nogo podhoda dlya izucheniya social'no-psihologicheskikh processov v sovremennom obshchestve [The use of the psychosocial approach for the study of socio-psychological processes in modern society]. *Voprosy psihologii [Questions of Psychology]*, 2007, no. 2, pp. 109-123.
 5. Kotenyova A.V. Lichnostnye urovni i sistema zhizneospetscheniya lichnosti v stressovykh situatsiyah [Personal levels and the life support system of a person in stressful situations]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma state university]. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika [Series: Pedagogy. Psychology. Socio-kinetics]*, 2016. Vol. 22, no. 1, pp. 111-116.
 6. Mar'in M.I., Petrov V.E., Ul'yanina O.A. Osobennosti psihologicheskogo obespecheniya v podgotovke specialistov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Features of psychological support in the training of specialists in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the academy of ministry of internal affairs]*, 2016, no. 1 (37), pp. 85-90.
 7. Murtazov A.M. Professional'nyy stress i psihosomaticheskie zabolevaniya u sotrudnikov pravoohranitel'nykh organov [Professional stress and psychosomatic diseases among law enforcement officers]. *Medicina truda i promyshlennaya ehkologiya [Occupational medicine and industrial ecology]*, 2014, no. 5, pp. 41–44.
 8. SHihova A.P. Professional'nyy stress v deyatelnosti sotrudnikov specializirovannykh podrazdeleniy doznaniya organov vnutrennih del. Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [Professional stress in the activities of employees of specialized units of inquiry of law enforcement bodies. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint Petersburg, 2009. 23 p.
 9. Coltrane S. Research on household labor: Modeling and measuring the social embeddedness of routine family work. *Journal of Marriage and the Family*, 2000. Vol. 62, pp. 1208–1233.
 10. Cropanzano R., Rupp D.E., Byrne Z.S. The relationship of emotional exhaustion to work attitudes, job performance and organizational citizenship behaviours. *Journal of Applied Psychology*, 2003. Vol. 88, pp. 160–169. doi: 10.1037/0021-9010.88.1.160
 11. Dempsey J.S., Forst I.S. An introduction to policing. Fifth edition. Delmar, USA: Cengage Learning, 2009, pp. 170–174.
 12. Gächter M., Savage D.A., Torgler B. Gender Variations of Physiological and Psychological Strain amongst Police Officers. *Gen. Issues*, 2011. Vol. 28, pp. 66–93. doi: 10.1007/s12147-011-9100-9 704

13. Hong K., Bergquist K., Sinha R. Gender Differences in Response to Emotional Stress: An Assessment across Subjective, Behavioral and Physiological Domains and Relations to Alcohol Craving. *Alcoholism: Clinical & Experimental Research*, 2008, pp. 12–16.
14. Jaramillo F., Nixon R., Sams D. The effect of law enforcement stress on organizational commitment. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management*, 2005. Vol. 28, pp. 321–336.
15. Kanter R.M. *Men and women of the corporation*. New York: Basic Books, 1977.
16. Krimmel J.T., Gormley P.E. Tokenism and job satisfaction for policewomen. *American Journal of Criminal Justice*, 2003. Vol. 28, pp. 73–88.
17. Maran D., Varetto A., Zedda M. Occupational stress, anxiety and coping strategies in police officers. *Occupational Medicine*, 2015. Vol. 65 (6), pp. 447–466.
18. Nelson K.V., Smith A.P. Occupational stress, coping and mental health in Jamaican police officers. *Occupational Medicine*, 2016. Vol. 66 (6), pp. 488–491.
19. Slate R.N., Johnson W.W., Colbert S.S. Police stress: A structural model. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2007. Vol. 22, pp. 102–112.

Правовые аспекты участия специалиста-психолога в исполнительном производстве, связанном с воспитанием детей (Часть II)

Гульдан В.В., доктор психологических наук, профессор, заведующий психологической лабораторией отделения судебно-психиатрической экспертизы, ГБУЗ МО «ЦКПБ» (vguldan@mail.ru)

Сулим О.Н., старший преподаватель кафедры гражданского, авторского и экологического права, Институт экономики и менеджмента, РХТУ им. Д.И. Менделеева; председатель, Коллегия адвокатов города Москвы «Правовая помощь и защита» (olga-sulim@mail.ru)

Сухотин А.А., директор, АНО ДПО «Академия прикладной психологии и психотерапии»; старший преподаватель кафедры педагогики и медицинской психологии, Институт социологии, психологии и гуманитарных наук, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (sukhotin@academpsy.org)

В статье раскрываются вопросы о порядке выбора и привлечения специалиста-психолога к участию в исполнительных производствах, связанных с воспитанием детей, судебным приставом-исполнителем или по инициативе стороны исполнительного производства. На настоящий момент в исполнении судебных постановлений о передаче и отобрании ребенка судебные приставы не привлекают специалиста-психолога на подготовительном этапе для работы отдельно с ребенком, вместе с тем такая возможность предусмотрена п. 17 ч. 1 ст. 64 ФЗ «Об исполнительном производстве». Вносятся предложения о законодательном закреплении обязательного участия специалиста-психолога в исполнении исполнительных документов, связанных с воспитанием детей. Авторы выделяют требования к профессиональным компетенциям, которыми должен владеть специалист-психолог, и ставят вопрос о необходимости разработки программы повышения квалификации для психологов, участвующих в исполнении связанных с воспитанием детей судебных постановлений. На основе анализа практики и писем ФССП России авторами выделены задачи, которые приходится решать специалисту-психологу в исполнительном производстве.

Ключевые слова: специалист-психолог, исполнительное производство, исполнение судебных решений, передача (отобрание) ребенка, порядок общения с

ребенком.

Для цитаты:

Гульдан В.В., Сулим О.Н., Сухотин А.А. Правовые аспекты участия специалиста-психолога в исполнительном производстве, связанном с воспитанием детей (Часть II). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 111-122. doi: 10.17759/psylaw.2018080308

For citation:

Guldan V.V., Sulim O.N., Sukhotin A.A. Legal aspects of participation of psychologist as a specialist in enforcement of court decisions in parenting cases (Part II). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 111-122. doi: 10.17759/psylaw.2018080308

Сложности в исполнении судебных постановлений по спорам о воспитании ребенка возникают в связи с тем, что данная категория исполнительных производств подлежит исполнению по общим принципам исполнения требований неимущественного характера, а инструктивные письма ФССП России не являются нормативно-правовыми актами по своей природе, носят рекомендательный характер и адресованы в первую очередь судебным приставам-исполнителям. Получается, что стороны исполнительного производства вынуждены ориентироваться всего на одну статью 109.3 в ФЗ «Об исполнительном производстве», которая состоит из пяти частей и не раскрывает последовательности совершения исполнительных действий. Отсюда возникают регулярные обжалования вполне законных действий судебных приставов-исполнителей, специалистов-психологов и представителей органов опеки даже после успешного исполнения исполнительных документов. В последнее время «... участились случаи размещения в сети Интернет публикаций, вызывающих общественный резонанс, о фактах ненадлежащего исполнения» [5] судебных постановлений указанной категории. В ряде случаев в связи с длительным периодом неисполнения судебного решения о передаче (отобрании) ребенка отчаявшиеся родители обращаются в Европейский Суд по правам человека [8; 9; 10; 11; 12]. Как в юридической литературе, так и судьями, принявшими участие в нашем исследовании, высказывается вполне обоснованная позиция о необходимости разработки методических рекомендаций по исполнению исполнительных документов, связанных с семейным воспитанием.

Помимо вышеуказанных трудностей в исполнении данной категории исполнительных производств стоит отметить, что сам ребенок, в отношении которого совершаются исполнительные действия, является живым человеком (права и статус которого, кстати, в исполнительном процессе на сегодняшний день законодателем не закреплены), его психика находится в процессе развития, и вполне определенно существует некоторый риск возникновения психотравмирующей ситуации при совершении исполнительных действий. Здесь мы при всем уважении к автору не можем согласиться с позицией Е.Г. Стрельцовой в отношении передачи и отобрания ребенка, которая полагает, что «... в каждом без исключения исполнительном производстве эта ситуация является психотравмирующей для ребенка» [14]. Последствием переживания субъектом психотравмирующей ситуации является наличие у него психической травмы; анализу

содержания данного понятия в научной психологии посвящено достаточное количество работ [3; 16]. Как справедливо отмечает Н.А. Соловьева, юридическая оценка психотравмирующей ситуации является сложной проблемой: «... ни одна ситуация сама по себе не может выступать как оказывающая негативное воздействие на психику человека – ее можно расценивать как психотравмирующую только после тщательного анализа личности и ситуации» [14, с. 13]. Уровень риска причинения психической травмы ребенку будет связан с рядом вещей: возрастом ребенка, его индивидуальными психологическими особенностями, длительностью перерыва в общении с взыскателем, а также зависеть от того, сообщал ли должник ребенку о смысле предстоящих исполнительных действий, настраивал ли против взыскателя и т. д. Это означает, что судебные приставы-исполнители должны более тщательно осуществлять подготовку к совершению исполнительных действий в отношении детей путем планирования последовательности самих действий и привлечения специалистов-психологов, которые могут оказать необходимое содействие в исполнении судебных решений.

Анализ статистики показал, что при исполнении исполнительных документов о передаче (отобрании) ребенка на территории Московской области судебные приставы-исполнители привлекали в 2016–2017 гг. специалиста-психолога в 100 % случаев, при исполнении исполнительных документов об определении порядка общения специалист-психолог привлекался сразу после выявления нежелания ребенка общаться с взыскателем. Поскольку в письмах ФССП России содержатся рекомендации по привлечению специалиста-психолога к участию в исполнительных производствах, связанных с семейным воспитанием, видится правильным *закрепить на законодательном уровне обязательное привлечение специалиста-психолога к участию в исполнительном производстве по передаче (отобранию) ребенка, а также обязательное привлечение специалиста-психолога к участию в исполнительном производстве по порядку общения с ребенком в случае продолжительного периода перерыва в общении взыскателя с ребенком или сразу после случая выявления отказа ребенка от общения с взыскателем.*

С представленной в юридической науке позицией Е.Г. Стрельцовой о том, что судебному приставу следует выбирать специалиста из знакомых ребенку лиц, с которыми «... ребенок уже хорошо знаком и идет на контакт» [14], мы не можем согласиться по следующей причине. Выбор специалиста из учреждения, в котором учится, лечится или пребывает ребенок, всегда сопряжен с высокой степенью вероятности того, что специалист будет знаком как минимум с одним из родителей, который отводит ребенка в детское дошкольное учреждение, учебное заведение или медицинское учреждение. Несложно предположить, что это окажется совместно проживающий с ребенком родитель, который по статусу является должником. В соответствии с ч. 1 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» специалист – это привлеченное для участия в исполнительном производстве по инициативе судебного пристава-исполнителя или по просьбе сторон исполнительного производства *не заинтересованное в исходе исполнительного производства* лицо, обладающее специальными знаниями [15]. При личном контакте с родителем, который сопровождает ребенка, у «хорошо знакомого» специалиста могут возникнуть субъективные установки, которые будут мешать независимому психодиагностическому обследованию. Более того, анализ практики привлечения специалистов-психологов Управлением ФССП России по Московской области показал, что во всех случаях привлекались независимые специалисты, которые не были знакомы с ребенком и родителями до момента совершения исполнительных действий, и это нисколько не мешало установлению контакта психологов с детьми.

Также требует изучения вопрос о привлечении специалиста по инициативе сторон, в особенности по инициативе должника. В качестве примера можно привести ситуацию по исполнительному производству № 4307/16/50057-ИП от 15.09.2016 г., когда должник прибыл для участия в исполнительных действиях по передаче ребенка со своим психологом и заявил ходатайства об участии в исполнительном производстве специалиста и о приобщении ранее подготовленного этим же специалистом заключения, в котором содержались следующие формулировки (*сохранены авторская орфография и пунктуация*):

«...С целью определения, кого ребенок понимает под своей семьей и для определения характера отношений в значимом окружении ребенка, были использованы диагностические методики «семейная доска» и работа с кукольными фигурками людей из Сцено-теста, рисунок семьи, рисунок настроения.

Из многочисленных комментариев Д. в ходе диагностических методик и свободной игре, внешнего рисунка поведения ребенка в кабинете (ребенок бодр, активен, любопытен, последователен) и характера общения с папой и бабушкой, можно сделать вывод, что на данный момент Д. чувствует себя счастливым, всеми любимым и всех любящим. Есть признаки того, что проблемы и борьба родителей присутствуют в душевном пространстве ребенка, и Д. стоит душевных усилий вытеснять их из поля осознания.

На рисунке «Моя семья» изображен (в центре) папа, слева от него сосна с дуплом, далее река в которой стоит Д., рядом с ними на берегу брат К. По другую сторону от отца расположена ель, С. и у правого края вторая жена отца (подпись К.). Всех членов семьи, занятых в изображенном на рисунке походе, разными делами, Д. объединяет красивой радугой, что свидетельствует о чувстве защищенности мальчика в новой семье и ценности для него новой семьи. Маму, которую ребенок не презентовал на рисунке, Д. все-таки представил бессознательно и символически в виде хвойного дерева с дуплом (рана).

Психологической особенностью мальчика является то, что в 7 лет у него внутренне не установились четкие и устойчивые признаки половых различий. Это нельзя «воспитать», это накапливается опытом соотнесения с мужским и женским началом в семье, причем оба начала должны быть привлекательными, последовательными и не конфликтующими. Любая турбулентность и непоследовательность выбьет в этих тонких процессах полоролевой идентификации у него почву из под ног. На данный момент ситуация выглядит так, что Д. необходим опыт взаимодействия с мужскими стратегиями жизни, ему необходимо кое-что наверстать, причем последовательно.

Рекомендация. Материнской стороне Д. рекомендуем ознакомиться со всеми материалами заключений психологов. вникнуть в ресурсы и пользу пребывания мальчика у отца, подробно разобраться в причинах и последствиях существующей борьбы и разрывания ребенка на две части (например фильм «Господин Никто»).

Комментарии об уровне компетентности процитированного специалиста мы оставим читателю. Активные попытки еще до начала совершения исполнительных действий донести приставу свою позицию о том, что ребенку лучше остаться у должника, свидетельствуют о непонимании психологом смысла участия в исполнительном производстве. Специалист-психолог не переоценивает решение суда, не отменяет его своим заключением, но в каждом случае оказывает содействие приставу в правильном и полном исполнении исполнительного документа. Судебный пристав-исполнитель справедливо не

удовлетворил ходатайство должника о привлечении данного психолога. Если привлекаемый психолог будет добросовестно исполнять свои задачи в соответствии с интересами ребенка, никаких проблем и ограничений с его привлечением по инициативе сторон быть не должно.

Согласно ч. 1 ст. 109.3 ФЗ «Об исполнительном производстве» при необходимости судебный пристав-исполнитель привлекает к участию в исполнительном производстве *детского психолога* [15]. Указанная формулировка уже создает некоторые трудности для соблюдения правоприменителем данной нормы права, так как на настоящий момент отсутствует специальность или квалификация «детский психолог» как в федеральных государственных образовательных стандартах Минобрнауки России, так и в профессиональных стандартах Минтруда России. Принявшие участие в исследовании судьи на вопрос о возможном способе решения данной проблемы дали ответ, согласно которому *«специалист-психолог должен подтвердить наличие опыта работы с детьми, например, справкой с работы»*.

Бесспорно, привлекаемый специалист должен иметь опыт работы с детьми. Но привлекается он не для оказания психологической помощи ребенку в игровой или консультационной форме, а для решения определенных имеющих правовое значение задач (на них мы остановимся ниже) и оказания содействия судебному приставу-исполнителю в полном и правильном исполнении требований исполнительных документов. Согласно такому смыслу участия в исполнительном производстве, наличия у привлекаемого специалиста-психолога одного лишь опыта работы с детьми (например, связанного с психологическим консультированием детей по вопросам проблем ребенка или диагностикой и коррекцией познавательной сферы ребенка) крайне недостаточно.

Специалист-психолог, участвующий в исполнительном производстве, помимо детской и возрастной психологии также должен знать действующие отечественные нормы семейного и исполнительного права, психологию семьи (в частности, возрастные особенности реакций детей на развод родителей, уровни конфликта между родителями при разводе и др.), юридическую психологию; уметь соотносить содержание юридических категорий семейного права с психологическими категориями, уметь на практике применять психодиагностические методы и методики с целью оценки психологического состояния ребенка на момент совершения исполнительных действий; ввиду высококонфликтных отношений между взыскателем и должником должен также владеть навыками урегулирования конфликтов и использования медиативных техник с целью создания условий для установления контакта между родителями ребенка. В будущем решение данного вопроса видится в разработке программы повышения квалификации для специалистов-психологов, привлекаемых к участию в исполнительном производстве, а также аналогичного спецкурса или модуля в учебной дисциплине «Юридическая психология» для студентов, обучающихся в вузах по специальности «Психология» и «Клиническая психология». На сегодняшний день в связи с отсутствием специальности и должности «детский психолог» представляется целесообразным исключить слово «детского» из ч. 1 ст. 109.3 ФЗ «Об исполнительном производстве» и использовать формулировку «специалиста-психолога» с сохранением предъявления требования о наличии у привлекаемого специалиста опыта работы с детьми, подтверждаемого справкой с места работы.

Судебный пристав-исполнитель привлекает специалиста-психолога на основании постановления, рекомендованная форма которого содержится в приложении № 124 к Приказу ФССП России от 11.07.2012 года № 318 «Об утверждении примерных форм процессуальных документов, применяемых должностными лицами Федеральной службы судебных приставов в процессе исполнительного производства» [7]. Вынося постановление о привлечении специалиста, он устанавливает его личность и проверяет квалификацию (как правило, к материалам исполнительного производства приобщаются копии паспорта и диплома привлеченного специалиста-психолога), а также предупреждает «об установленной законодательством ответственности за отказ или уклонение от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения» [7].

В некоторых случаях должник может быть не согласен с привлечением специалиста, в связи с чем отказывается допускать психолога к ребенку, а также встречаются случаи оспаривания законности действий пристава по привлечению специалиста-психолога. Как показывает судебная практика, если пристав установил личность привлекаемого специалиста и проверил его квалификацию, требование заявителя удалить участвовавшего в исполнительном производстве психолога в связи с тем, что он является посторонним лицом, нельзя признать обоснованным [1].

Приведем пример ситуации, которая произошла в рамках исполнительного производства № 6969/17/50001-ИП от 23.01.2017 г. Согласно смыслу ч. 3 ст. 109.3 ФЗ «Об исполнительном производстве» при исполнении судебного постановления о порядке общения с ребенком судебный пристав-исполнитель должен установить, что должник не препятствует общению взыскателя с ребенком [15]. При попытке войти в квартиру с целью совершения исполнительных действий судебный пристав-исполнитель получил отказ со стороны должника в допуске специалиста-психолога к ребенку. Что делать в подобных ситуациях? В случае уклонения от участия в назначенной судом экспертизе в соответствии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ суд вправе признать факт установленным или опровергнутым в зависимости от того, какая сторона уклоняется от назначенной экспертизы. Можно ли предложить аналогичное решение в ситуации препятствия должником проведению психодиагностического обследования ребенка привлеченным к участию в исполнительном производстве специалистом-психологом? Привлечение специалиста является правом судебного пристава-исполнителя и осуществляется для полного и правильного исполнения исполнительного документа. Отказ должника допустить специалиста-психолога к участию в исполнительных действиях свидетельствует о невыполнении законных требований судебного пристава-исполнителя, в связи с чем возникают основания применить по отношению к должнику санкции, предусмотренные ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ (наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей) [2]. Однако наложение административного штрафа не является достаточно эффективной мерой и не избавляет от необходимости участия специалиста-психолога в исполнительном производстве.

Согласно позиции Европейского суда по правам человека, «... иногда соединение родителя с его ребенком не может произойти немедленно и может потребовать подготовки. Ее характер и степень зависят от обстоятельств каждого дела, но при этом понимание и сотрудничество всех заинтересованных лиц всегда остаются важным фактором. Если внутригосударственные власти должны приложить все усилия для содействия подобному сотрудничеству, их обязательства использовать принудительные меры в данном вопросе должны быть ограниченными: они должны учитывать интересы, права и свободы этих лиц

и, в частности, интересы ребенка и его права...» [8; 9; 10; 11; 12]. В юридической науке также отмечается, что в сложных исполнительных производствах, связанных с воспитанием детей, судебным приставам-исполнителям необходимо уделять более тщательное внимание подготовительным действиям перед исполнением: в подобных ситуациях рекомендуется привлекать специалиста-психолога не только к непосредственному участию в исполнительных действиях, но и на предварительном этапе с целью выяснения отношения ребенка к взыскателю. Рекомендуется привлекать специалиста-психолога к беседам с ребенком на основании п. 17 ч. 1 ст. 64 ФЗ «Об исполнительном производстве» и после получения отказа перейти к взыскателю *«даже в случае, если в ходе подготовки к исполнению такие беседы также проводились»* [21].

На основании анализа инструктивных писем ФССП России выделены следующие задачи, которые решает специалист-психолог [4; 5; 6]:

- 1) оценка психологического состояния ребенка;
- 2) дача рекомендаций в форме ответов на поставленные судебным приставом вопросы, которые «направлены на правильное исполнение исполнительного производства» и создание условий, исключающих «причинение несовершеннолетнему психологической и физической травмы в момент исполнения судебного решения»;
- 3) выяснение причин нежелания ребенка общаться с взыскателем или отказа перейти к взыскателю (является ли это самостоятельным мнением ребенка или следствием психологического индуцирования);
- 4) подготовка заключения специалиста, которое приобщается к материалам исполнительного производства.

Анализируя практику участия специалистов-психологов в исполнительных производствах, мы пришли к выводу, что в действительности психологам приходится решать более широкий круг задач, которые чаще всего нельзя назвать стандартными по следующим причинам. В отличие от судебного эксперта, к которому поступают материалы гражданского дела, наполненные представленными сторонами и собранными судом доказательствами, у специалиста-психолога на сегодняшний день отсутствует право на ознакомление с какими-либо документами по исполнительному производству. Специалист-психолог может привлекаться к участию в исполнительных действиях непосредственно в день их проведения, где он впервые видит ребенка и его родителей и должен в ограниченных временных условиях вникнуть в суть отношений между ребенком и обоими родителями. Бывают форс-мажорные ситуации, когда судебные приставы-исполнители длительное время разыскивают укрывавшегося должника, не желающего исполнять судебное постановление, и необходимо оперативно передать ребенка, иначе должник с ребенком снова скроются. Такие случаи сопряжены с высоким уровнем риска возникновения психотравмирующей ситуации в связи с тем, что мнение ребенка противоречит его интересам, т. е. психологу приходится оказывать содействие приставу в передаче ребенка отвергаемому родителю.

Таким образом, привлекаемый к участию специалист-психолог в исполнительном производстве решает важные задачи. С одной стороны, он оказывает содействие судебному

приставу в полном и правильном исполнении судебного решения, а с другой стороны, его участие направлено на недопущение совершения исполнительных действий вопреки интересам ребенка. Заключение специалиста-психолога может явиться основанием для обращения судебного пристава-исполнителя в суд с заявлением о прекращении исполнительного производства в связи с утратой возможности его исполнения.

С учетом высокой социальной значимости темы настоящей статьи, авторы предлагают продолжить системное изучение и анализ практических результатов участия специалистов-психологов в исполнительных производствах, в которых затрагиваются интересы и права несовершеннолетних. Среди вопросов, требующих научного описания, следует выделить следующие:

- долгосрочная стратегия психологического сопровождения разводящихся семей в период затяжного судебного процесса и в ходе исполнительного производства;
- разработка методических рекомендаций по исполнению исполнительных документов, связанных с воспитанием детей;
- углубленный анализ зарубежной практики привлечения специалистов-психологов в исполнительных производствах, включая методики работы и оценку результатов.

Также предлагается разработать модельную программу специализированного курса подготовки специалистов-психологов для последующей работы в исполнительных производствах, связанных с воспитанием детей. Программа должна быть разработана с привлечением экспертов Федеральной службы судебных приставов, а также органов судейского сообщества (федеральный и региональные Советы судей).

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.06.2015 № 33-18524/15 [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/135171666/> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2018) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.02.2018).
3. *Михеева А.В.* Психическая травма в определениях и понятиях современных ученых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2. С. 142–148.
4. Письмо ФССП России от 14.06.2012 № 12/01-14324-ТИ «О порядке организации работы при исполнении судебных решений об отобрании ребенка, об определении места жительства ребенка, об определении порядка общения с ребенком» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70249460/> (дата обращения: 01.02.2018).
5. Письмо ФССП России от 30.04.2014 № 00011/14/24417-АП «Об осуществлении

- контроля за исполнением исполнительных документов, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс] // URL: <https://academpsy.org/media/2017/11/30-aprelya-2014-goda-00011-14-24417-AP.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
6. Письмо ФССП России от 28.04.2016 № 00011/16/37579-СВС «Об организации работы по исполнению исполнительных производств, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/71450924/> (дата обращения: 01.02.2018).
 7. Приказ ФССП России от 11.07.2012 № 318 «Об утверждении примерных форм процессуальных документов, применяемых должностными лицами Федеральной службы судебных приставов в процессе исполнительного производства» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134731/ (дата обращения: 01.02.2018).
 8. Постановление ЕСПЧ от 14.06.2011. Дело «Ханамирова (Khanamirova) против Российской Федерации» (жалоба № 21353/10) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70286686/> (дата обращения: 01.02.2018).
 9. Постановление ЕСПЧ от 13.11.2012. Дело «У.У. против Российской Федерации» (жалоба № 41354/10) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70472282/> (дата обращения: 01.02.2018).
 10. Постановление ЕСПЧ от 03.10.2013. Дело «Зеленева (Zeleneva) против Российской Федерации» (жалоба № 59913/11) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70858438/> (дата обращения: 01.02.2018).
 11. Постановление ЕСПЧ от 24.10.2013 Дело «Пахомова (Pakhomova) против Российской Федерации» (жалоба № 22935/11) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70858052/> (дата обращения: 01.02.2018).
 12. Постановление ЕСПЧ от 16.10.2014. Дело «Ворожба (Vorozhba) против Российской Федерации» (жалоба № 57960/11) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414775#0> (дата обращения: 01.02.2018).
 13. Соловьева Н.А. Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Законность. 2006. № 8. С. 11–13.
 14. Стрельцова Е.Г. Исполнение исполнительных документов по неимущественным взысканиям // Вестник исполнительного производства. 2016. № 4. С. 12–45.
 15. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/12156199/> (дата обращения: 01.02.2018).
 16. Федунина Н.Ю., Бурмистрова Е.В. Психическая травма. К истории вопроса // Консультативная психология и психотерапия. 2005. № 2. С. 164–190.

Legal aspects of participation of psychologist as a specialist in enforcement of court decisions in parenting cases (Part II)

Guldan V.V., PhD (Psychology), Professor, Head of Pathopsychological Laboratory of the Forensic Psychiatric Examination Department, State Budgetary Institution of Healthcare in the Moscow region "Central Clinical Psychiatric Hospital" (vguldan@mail.ru)

Sulim O.N., Senior Lecturer, Chair of Civil, Copyright and Environmental Law, Institute of Economics and Management, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia; Chairman, Moscow Collegium of Advocates "Legal Assistance and Protection" (olga-sulim@mail.ru)

Sukhotin A.A., Director, ANO "Academy of Applied Psychology and Psychotherapy"; Senior Lecturer, Chair of Pedagogy and Medical Psychology, Institute of Sociology, Psychology and Humanities, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (sukhotin@academpsy.org)

The article reveals the questions about the order of the choice and involvement of a specialist psychologist to participate in the enforcement proceedings related to the upbringing of children, by bailiff-contractor or on the initiative of the party of enforcement proceedings. At the moment in the execution of court decisions on the transfer and the confiscation of the child bailiffs do not attract the psychologist at the preparatory stage for working separately with the child, however, such possibility is provided in paragraph 17 of part 1 of article 64 of the Federal law "On enforcement proceedings". Proposals are made on the legislative consolidation of the mandatory participation of a specialist psychologist in the execution of Executive documents related to the upbringing of children. The authors identify the requirements for professional competence, which should be owned by a specialist psychologist, and raise the question of the need to develop a training program for psychologists involved in the execution of court decisions related to the upbringing of children. On the basis of the analysis of practice and letters of Federal Bailiffs Service of Russia authors identify tasks which should be solved by the psychologist in enforcement proceedings.

Key words: psychologist as a specialist, enforcement proceeding, execution of judgments, transfer (confiscation) of a child, order of communication with a child.

References

1. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 02.06.2015 № 33-18524/15 [Elektronnyi resurs.] [The appellate ruling of the Moscow city court dated 02.06.2015 No. 33-18524/15]. Available at: <http://base.garant.ru/135171666/> (Accessed 01.02.2018).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-FZ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2018) [Elektronnyi resurs.] [Code of the Russian Federation about administrative offences dated 30.12.2001 No 195-FZ (as amended dated 31.12.2017) (rev. and add., intro. in force dated 29.01.2010)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Accessed 01.02.2018).
3. Miheeva A.V. Psihicheskaya travma v opredeleniyah i ponyatiyah sovremennykh uchenykh [Psychic trauma in the definitions and concepts of modern scientists]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'* [Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: Issues of Education: languages and specialty], 2009, no. 2, pp. 142–148.
4. Pis'mo FSSP Rossii ot 14.06.2012 № 12/01-14324-TI «O poryadke organizacii raboty pri ispolnenii sudebnykh reshenij ob otklonenii rebenka, ob opredelenii mesta zhitel'stva rebenka, ob opredelenii poryadka obshcheniya s rebenkom» [Elektronnyi resurs.] [Letter of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 14.06.2012 No. 12/01-14324-TI “About the organization of work in the execution of judicial decisions about removal of the child, the determination of the place of residence of the child, determination of the procedure of communication with a child”]. Available at: <http://base.garant.ru/70249460/> (Accessed 01.02.2018).
5. Pis'mo FSSP Rossii ot 30.04.2014 № 00011/14/24417-AP «Ob osushchestvlenii kontrolya za ispolneniem ispolnitel'nykh dokumentov, svyazannykh s vospitaniem detej» [Elektronnyi resurs.] [Letter of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 30.04.2014 No. 00011/14/24417-AP “On control over execution of Execution documents related to the upbringing of children”]. Available at: <https://academpsy.org/media/2017/11/30-aprelya-2014-goda-00011-14-24417-AP.pdf> (Accessed 01.02.2018).
6. Pis'mo FSSP Rossii ot 28.04.2016 № 00011/16/37579-SVS «Ob organizacii raboty po ispolneniyu ispolnitel'nykh proizvodstv, svyazannykh s vospitaniem detej» [Elektronnyi resurs.] [Letter of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 28.04.2016 No. 00011/16/37579-SVS “On the organization of work on execution of enforcement proceedings related to the upbringing of children”]. Available at: <http://base.garant.ru/71450924/> (Accessed 01.02.2018).
7. Prikaz FSSP Rossii ot 11.07.2012 № 318 «Ob utverzhdenii primernykh form processual'nykh dokumentov, primenyaemykh dolzhnostnymi licami Federal'noj sluzhby sudebnykh pristavov v processe ispolnitel'nogo proizvodstva» [Elektronnyi resurs.] [The order of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 11.07.2012 No. 318 “On approval of approximate forms of the procedural documents used by officials of the Federal Bailiffs Service in the process of enforcement proceeding”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134731/ (Accessed 01.02.2018).
8. Postanovlenie ESPCh ot 14.06.2011. Delo «Hanamirova (Khanamirova) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 21353/10) [Elektronnyi resurs.] [The ruling of the ECHR dated 14.06.2011. Case “Khanamirova against the Russian Federation” (complaint № 21353/10)]. Available at: <http://base.garant.ru/70286686/> (Accessed 01.02.2018).

9. Postanovlenie ESPCh ot 13.11.2012. Delo «Y.U. protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 41354/10) [Elektronnyi resurs.] [The ruling of the ECHR dated 13.11.2012. Case “Y.U. against the Russian Federation” (complaint № 41354/10)]. Available at: <http://base.garant.ru/70472282/> (Accessed 01.02.2018).
10. Postanovlenie ESPCh ot 03.10.2013. Delo «Zelenevy (Zelenevy) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 59913/11) [Elektronnyi resurs.] [The ruling of the ECHR dated 03.10.2013. Case “Zelenevy against the Russian Federation” (complaint № 59913/11)]. Available at: <http://base.garant.ru/70858438/> (Accessed 01.02.2018).
11. Postanovlenie ESPCh ot 24.10.2013. Delo «Pahomova (Pakhomova) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 22935/11) [Elektronnyi resurs.] [The ruling of the ECHR dated 24.10.2013. Case “Pakhomova against the Russian Federation” (complaint № 22935/11)]. Available at: <http://base.garant.ru/70858052/> (Accessed 01.02.2018).
12. Postanovlenie ESPCh ot 16.10.2014. Delo «Vorozhba (Vorozhba) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 57960/11) [Elektronnyi resurs.] [The ruling of the ECHR dated 16.10.2014. Case “Vorozhba against the Russian Federation” (complaint № 57960/11)]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414775#0> (Accessed 01.02.2018).
13. Solov'eva N.A. Psihotravmiruyushchaya situaciya: znachenie dlya kvalifikacii detoubijstv [Psycho-traumatic situation: the value for qualification of infanticide]. *Zakonnost' [Legality]*, 2006, no. 8, pp. 11–13.
14. Strel'cova E.G. Ispolnenie ispolnitel'nyh dokumentov po neimushchestvennym vzyskaniyam [The enforcement of executive documents on non-property recoverings]. *Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva [Bulletin of enforcement proceeding]*, 2016, no. 4, pp. 12–45.
15. Federal'nyj zakon ot 02.10.2007 № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» [Elektronnyi resurs.] [Federal law dated 02.10.2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings”] // Available at: <http://base.garant.ru/12156199/> (Accessed 01.02.2018).
16. Fedunina N.Yu., Burmistrova E.V. Psihicheskaya travma. K istorii voprosa [Psychic trauma. Dedicated to the history of the issue]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2005, no. 2, pp. 164–190.

Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании

Мещерякова Э.И., доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологической экспертизы, профессор кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет (*mei22@mail.ru*)

Ларионова А.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет, доцент кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (*vktusur@mail.ru*)

Карелин Д.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Юридический институт Томского государственного университета (*karelin@inbox.ru*)

Козлова Н.В., доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии, Томский государственный университет (*akme_2003@mail.ru*)

В статье ставится проблема экстремизма, рассматриваемая через призму деформации правосознания молодежи, искажения смыслов жизнедеятельности и формирования негативной идентичности. Предложен междисциплинарный подход к рассмотрению правосознания (юриспруденция и психология) как одного из факторов формирования экстремистской направленности молодежи. Представлен опыт исследования экстремистской направленности и самоидентичности осужденных за экстремистскую деятельность с выделением типов «Борец», «Защитник», «Жертва», «Ищущий». Проанализирована взаимосвязь выделенных типов экстремистской направленности осужденных за экстремизм и их роли в преступлении («Организатор», «Соучастник», «Исполнитель»). Обнаруженные особенности идентичности осужденных за экстремизм отражают динамику их правосознания в условиях отбывания наказания, позволили наметить программы психопрофилактики и психокоррекции экстремистской направленности личности во всех ее аспектах (правовом, социальном, педагогическом и психологическом).

Ключевые слова: экстремизм, правосознание, молодежь, самоидентичность, личностные особенности.

Для цитаты:

Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании. [Электронный

ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 123-134.
doi: 10.17759/psylaw.2018080309

For citation:

Mesheryakova E.I., Larionova A.V., Karelin D.V., Kozlova N.V. Extremist orientation of personality in legal and psychological knowledge. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 3. pp. 123-134.
doi: 10.17759/psylaw.2018080309

В настоящее время проблема экстремизма занимает одно из наиболее важных мест в современном научном дискурсе. Предпосылками актуализации этой деструктивной по содержанию проблемы являются сложный, разнообразный по многим параметрам состав российского общества и существующие социально-экономические и политические противоречия. Проблема экстремизма исследуется в различных областях и направлениях научного знания, однако, в силу сложности самого явления и исторической изменчивости, а также многочисленности вариантов экстремизма по линии субъект–объект, проблема экстремизма на сегодня еще не является решенной. Актуальность проблемы исследования особенностей формирования и профилактики экстремистской направленности молодежи заключается в интенсивности развития ее негативных ориентаций в результате социально-экономических перемен и обострения общественных противоречий. Вследствие этого происходит утрата жизненных смыслообразующих идеалов, недоформированность идентичности, деформация ценностей в общественном и индивидуальном сознании.

Изучение феномена правосознания имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, как для юридической, так и для психологической науки. Любое правонарушение, в том числе и экстремистской направленности, является результатом взаимодействия определенных антиобщественных свойств личности и ситуации их совершения. Наряду с исследованием структуры мотивационной сферы человека, доминирующих мотивов его жизнедеятельности, обусловивших правонарушающее поведение и криминальную активность, правосознание позволяет раскрыть нравственно-психологическую подоплеку экстремистской направленности и выяснить, насколько личность восприняла нравственные, правовые и иные ценности общества. Получение этих психологических знаний о человеке позволяет определить, на каком уровне (индивидуальном, групповом, социальном, антропологическом), глубине и выраженности прошли процессы деформации правосознания, а также какие факторы оказали на это негативное влияние. Установление непосредственной связи того или иного фактора с правонарушающим поведением (наряду с другими характеристиками личности) позволит определить так называемый портрет «среднестатистического» экстремиста, осуществить типологию лиц, совершивших правонарушения экстремистской направленности, обозначить основные направления и повысить эффективность психопрофилактики этого социально-правового явления.

Юриспруденция учит, что в самом общем виде под правосознанием понимается совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных групп, общества в целом к действующему и желаемому праву [8]. Правовое регулирование рассчитано на поведение субъекта, которое характеризуется единством сознания и воли. Но в любом обществе в силу его социальной неоднородности правовое сознание дифференцировано и поэтому законодатель в первую очередь учитывает интересы той

социальной группы, которая в конкретный исторический период имеет политическую и экономическую власть. Формулируя правовые предписания и запреты, государство, с одной стороны, закрепляет приоритеты и отправные положения, которые должны способствовать дальнейшему прогрессивному развитию, ориентируя и формируя, с другой стороны, определяет отношение к ним со стороны граждан как к одобряемым и поощряемым либо изменению их отношения, производя тем самым переоценку тех или иных ценностей (материальных, духовных). В результате этого происходит процесс взаимодействия видов сознания – общественного, нравственного, эстетического, религиозного с правовым сознанием и с правом, как универсальным социальным регулятором в целом.

Правосознание в юридической науке

В юридической науке в правосознании традиционно выделяют в качестве элементов правовую идеологию и правовую психологию. Идеи, теории, убеждения, понятия, взгляды, выражающие отношение людей к действующему и желаемому праву, образуют правовую идеологию. Роль главного и активного элемента в правосознании принадлежит правовой идеологии как научно обоснованному, теоретизированному и систематизированному отражению правовой действительности. В основе правовой идеологии находится принятая в обществе система политических и правовых идей. Правовая психология описывает такие элементы правосознания, как чувства, эмоции, переживания, которые испытывают люди по поводу тех или иных проявлений права и своей правовой деятельности (издания юридических норм, их реализации, законность). Актуальность этой проблемы для современной России трудно переоценить. Так, по мнению некоторых исследователей, наблюдается аномальность правосознания, в силу чего правовая идеология и реальная правовая психология не взаимообуславливают друг друга [5]. Правовая психология, в отличие от правовой идеологии, складывается стихийно и носит несистематизированный, неформальный характер. В то же время в правосознании она может иметь даже первичный характер, поскольку зачастую правовые чувства и эмоции возникают ранее правовых идей. Правовая психология определяет обыденную ценностную ориентацию субъектов в правовой сфере, субъектность личности в правовой сфере.

Исследователи классифицируют правосознание по различным основаниям [11]. В зависимости от социального уровня разделяют обыденное правосознание, профессиональное (правосознание юристов) и научное правосознание. С точки зрения общности правовое сознание может быть представлено массовым правосознанием (классов, наций, народа), групповым (коллективные представления и чувства формальных и неформальных групп) и индивидуальным правосознанием (конкретного индивида). Основными функциями правосознания являются познавательная, оценочная и регулятивная. Также выделяют функции правового моделирования, прогностическую, воспитательную и другие. Регулирующая роль правосознания проявляется в совершении лицом правомерных поступков даже при отсутствии знания тех или иных конкретных правовых предписаний. В случае знания субъектом о существовании конкретных запретов и предписаний уровень правосознания влияет на общую нормативно-правовую ориентацию индивида [10].

В юридической науке, несмотря на непосредственную связь права и правосознания, вопросы их взаимодействия, природы и уровней правосознания все еще относятся к числу дискуссионных либо мало разработанных. Так, проблема структуры правового сознания является для юридической науки относительно новой. Ее предметное изучение началось в

60-е гг. прошлого века, когда специальному исследованию подверглась диалектика взаимосвязей и взаимодействия правовой идеологии и правовой психологии [12]. Очевидно, что произошедшие в России за последние десятилетия изменения в социальной и духовной сферах жизнедеятельности общества, изменения нормативного характера на уровне Конституции, закрепившие, с одной стороны, отсутствие какой-либо государственной или обязательной идеологии, а с другой, – положения антидискриминационного характера (по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе и т. п.), требуют переосмысления указанных выше взаимосвязей при включении их в механизм правовой социализации личности. Формально опустевшая идеологическая ниша оказалась открыта для идеологий самых различных направленностей (от потребительской и правового нигилизма до экстремистской). И на примере молодежи, как наиболее социально-активной части общества и наиболее восприимчивой к любым негативным и позитивным изменениям, это проявляется наиболее отчетливо. Правовая социализация как формирование правового сознания должна осуществляться в условиях четкого и единообразного понимания сущности самого явления экстремизма и его многочисленных форм. Это демонстрирует не только нормативную, но и идеологическую роль структурных компонентов правовой действительности (таких, как право и правосознание).

К сожалению, действующее российское законодательство в этой части вряд ли может быть признано сформированным и не нуждающимся в дальнейшем совершенствовании. Доказательством тому служат многочисленные изменения, вносимые как в «титульный» закон (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.06.2002 № 114-ФЗ), так и в Уголовный кодекс России и другие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы противодействия экстремизму. Нет единого определения понятия «экстремизм» и на международном уровне. Все это, безусловно, размывает границы рассматриваемого явления, затрудняет его идентификацию, а, следовательно, восприятие как дозволенного либо запрещаемого.

В случае отсутствия сформированных психических переживаний и состояний субъекта (как элементов правовой психологии) по поводу должного поведения и контр-мотивов (аргументов) относительно недопустимости умаления прав и свобод других лиц по признакам пола, расы, национальности и т. п. вряд ли можно рассчитывать на эффективность мер противодействия экстремизму, изменяя и усиливая меры репрессивного характера. К сожалению, изменение в 2016 г. возраста уголовной ответственности до 14 лет за совершение преступлений террористического характера (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (статья 205.3), участие в террористическом сообществе (часть вторая статьи 205.4), участие в деятельности террористической организации (часть вторая статьи 205.5), несообщение о преступлении (статья 205.6), участие в незаконном вооруженном формировании (часть вторая статьи 208), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (статья 360), акт международного терроризма (статья 361) свидетельствует о том, что, по мнению законодателя, именно карательная направленность определяет содержание правовой идеологии противодействия экстремизму на современном этапе.

Продуктивным является рассмотрение экстремизма в контексте трех форм насилия, которые описывает в своей работе J. Galtung (1990) [14]. Такое рассмотрение позволяет

сделать вывод о том, что экстремистское поведение и деятельность отдельных личностей и групп можно отнести к прямому насилию; действия власти, общества, провоцирующие социальное, этническое и т.п. неравенство, – к структурному насилию; а экстремистская идеология и ее пропаганда являются примером культурного насилия [14; 15]. При этом экстремистские идеи (как компоненты культурного насилия), обличенные в форму псевдопатриотизма, лжеборьбы за права народа, формирующие позитивные представления об экстремизме и терпимое и/или позитивное отношение к данному явлению, в конечном счете используются для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия (распространения социального неравенства и экстремистских проявлений). В результате экстремистские проявления начинают рассматриваться населением как необходимые, справедливые действия, нормальные, естественные явления. Все это в итоге ведет к экстремизации массового сознания, распространению и принятию в обществе экстремистской идеологии, формированию экстремистской направленности личности.

Таким образом, обнаружена связь проявлений молодежного экстремизма с дефектами правосознания молодежи (Бочаров, Мещерякова, 2015) [3; 4]. Действительно, одновременно с экономической и политической социализацией молодежь находится в процессе правовой социализации, неотъемлемым элементом которой является формирование правового самосознания. Дефекты правовой социализации обусловлены, в том числе, отсутствием либо искаженным представлением о сущности, роли и предназначении права как важнейшего регулятора социального аспекта жизнеосуществления человека. По мнению авторов, к наиболее распространенным дефектам правового самосознания относятся правовой нигилизм и правовой идеализм, релятивизм, субъективизм, инфантилизм. И если для лиц несовершеннолетнего возраста инфантилизм, в том числе правовой, обусловлен их возрастными особенностями, то в более старшем (молодежном) возрасте низкий уровень правового самосознания и чувства ответственности относительно поведения в рамках права, несформированность и(или) недостаточность правовых знаний и установок являются результатом процесса правовой социализации личности, дефектом этого процесса.

Психология экстремизма

Исследователями отмечается, что самыми распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, которые представляют преобладающий чувственный и рациональный уровни сознания молодежи. Рост экстремальности, который чаще всего проявляется в девиантном (рисковом) поведении, может являться условием делинквентного или виктимного поведения, а также стать предпосылкой специфических увлечений, например, необычными видами деятельности, экстремальными видами спорта, различными радикальными идеями [9]. По мнению О.В. Корниловой (2012), специфические мотивы совершения экстремистских и террористических преступлений возникают на стыке экстремальности, делинквентности и радикальных идей. Экстремистская направленность личности, которая выражается в одобрении экстремистских идей и трансформации всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с экстремистскими идеями, является основной особенностью содержания экстремизма как психического склада личности. Особую роль в структуре экстремистской направленности представляет потребность изменения жизни, обязательной реализации сверхценной идеи социального реформаторства [9].

К.А. Абульханова (2002) подчеркивает, что в проблеме молодежного экстремизма необходимы исследования идентичности (самоидентичности) представителей молодежи, так как экстремизм означает поиск ими оптимальных форм социального взаимодействия. Личность, используя категоризацию и идентификацию, выстраивает модели собственного жизненного пространства, осознает свою идентичность [1].

Понятие идентичности берет свое начало из психоанализа, являясь своего рода метафорой процесса опознания и отождествления. Формирование идентичности предполагает усвоением человеком ценностей, норм, традиций референтной группы. Идентичность переводит коды общепринятого поведения в плоскость индивидуального существования [6]. А негативная идентичность характеризует личность по принципу «против кого-то», «от противного», эксплуатируя образы враждебности, агрессивности, неприязни, ненависти, противостояния и противодействия (Гудков, 2004). Этот процесс Эрик Эриксон (2006) назвал состоянием нескладывания Я-концепции [13]. Негативная (отрицательная) идентичность чаще всего делает мир личности одномерным, примитивным, наполненным фанатизмом, маргинальными смыслами, что легко трансформируется в экстремизм и терроризм.

В.Ф. Богуславская (2010), рассматривая структуру коллективной идентичности экстремистских организаций, отмечает, что в основе молодежного экстремизма лежит этноцентризм – переплетение конфликтных эмоций, чувств, идеологии между «своей группой и «чужой», при этом образ «своей» группы подчеркивается в положительном контексте, а «чужой» в резко отрицательном. Таким образом, коллективная (коллективистская) идентичность создает психологическую основу для индивидуального поведения, где на личностном уровне происходит формирование групповой идентичности [2].

Исследователи проблемы молодежного экстремизма сходятся во мнении, что причина экстремизации молодежи кроется в особенностях самой молодежи – незаконченность процесса социализации (экономической, политической и духовной), мировоззренческой неустойчивостью, социально-психологической незрелостью, склонностью к максимализму и неуверенностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей.

Авторский опыт исследования

Экстремизация массового сознания, распространение и принятие в обществе экстремистских взглядов, формирование экстремистской направленности личности и прочие дефекты правового самосознания связываются нами с выраженными нарушениями социальной и личностной идентичности человека, где вычленяется центральная проблема доверия и личностной автономии, персонального мифа, взаимосвязи личностных детерминант и мотивации. Выделен ряд личностных предрасположенностей, которые становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь экстремизма/терроризма: сверхсосредоточенность на защите своего Я; дефекты личной и социальной идентичности; низкая самооценка; выраженная потребность в присоединении к референтной группе; отсутствие четких целей и жизненной перспективы. Приведенный набор характеристик является неким условным психологическим портретом личности экстремиста/террориста. Важным являются, в некоторых случаях, политико-идеологические мотивы включения в террористические группировки. Однако эти мотивы

чаще всего являются своеобразной рационализацией глубинных мотивов личности – потребности в укреплении идентичности и принадлежности к группе.

В качестве групп изучения были выбраны осужденные за экстремистскую деятельность с целью изучения особенностей взаимосвязи особенностей отношения к собственному преступлению после осуждения с их компонентами личности (личностные особенности, самоидентичность). Выборку исследования составили осужденные за преступления экстремистского/террористического содержания и преступления, сопутствующие им (далее по тексту осужденные за экстремизм). На момент исследования осужденные за экстремизм отбывали наказание за преступления экстремистского содержания в пенитенциарном учреждении УФСИН России по Томской области. Срок исполнения наказаний за совершенные преступления составил от 7 до 25 лет, средний срок $13,85 \pm 4,41$ лет. Первую судимость по указанным статьям имели 88% респондентов (46 человек), 12% (6) ранее были судимы по статьям, не связанным с экстремистской деятельностью. Выборка формировалась на основании исследования официальных документов и следственных материалов – приговора и биографии, что позволило составить первичное представление о социально-демографических, уголовно-правовых и психологических особенностях осужденного, его семейном положении и условиях трудовой деятельности.

В результате психодиагностики с применением пакета методик и статистического анализа были изучены характеристики особенностей взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности. Результаты многомерного анализа соответствий ответов осужденных за экстремизм на вопросы анкеты позволили выделить типы экстремистской направленности, которые получили условное название согласно их содержанию: Первая группа характеризуется объединением следующих вариантов ответов: «Оправдание экстремистских действий – защита определенной группы людей», «Кто виновен в преступлении – третьи лица», «Мотивы преступления – неприязнь к отдельным лицам». Данная группа ответов была названа «Защитник». Вторая группа ответов объединила такие варианты: «Оправдание экстремистских действий – донесение идеи до народа, государства», «Кто виновен в преступлении – государство», «Мотивы преступления – религиозные», «Кем вы себя считаете после осуждения – борец за идею». Данная группа ответов была названа «Борец». Третья группа характеризуется сопряженностью следующих ответов на вопросы: «Причины экстремизма – деформация системы ценностей/другое», «Оправдание экстремистских действий – никогда/другое», «Мотивы преступления – другое», «Кто виновен в преступлении – алкоголь/наркотики/другое», «Кем вы себя считаете после осуждения – другое». Преобладание варианта ответа «Другое» на вопросы анкеты без раскрытия содержания было проинтерпретировано как неопределенность в отношении к экстремистской деятельности. Данная группа ответов получила название «Ищущий». Четвертая группа ответов объединила следующие варианты: «Причины экстремизма – целенаправленное разжигание агрессии/недостаточное правовое просвещение граждан», «Мотивы преступления – желание привлечь внимание общественности», «Кто виновен в преступлении – я сам», «Кем вы себя считаете после осуждения – жертвой обстоятельств». Данная группа ответов получила название «Жертва». Таким образом, выделены четыре типа экстремистской направленности – «Защитник», «Борец», «Ищущий» и «Жертва», которые были обозначены как типы экстремистской направленности, реализованной в криминальном поведении. Далее по результатам кластерного анализа с использованием метода Уорда и метрики Сити–Блок были получены два кластера, объединивших типы экстремистской направленности и роли в преступлении

(организатор, соучастник и исполнитель). Так, роль в преступлении «исполнитель» больше связана с типами экстремистской направленности «Жертва» и «Ищущий»; роли в преступлении «соучастники» и «организатор» сильнее связаны с типами экстремистской направленности «Борец» и «Защитник». Полученные данные указывают на взаимосвязь роли участия осужденных за экстремизм в экстремистской деятельности и типа экстремистской направленности, отражающей смыслы и отношения субъектов данной деятельности. Выявленные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что личностные смыслы экстремизма у осужденных исполнителей экстремистских актов (типы «Жертва» и «Ищущий») характеризуются низким уровнем осмысленности, большей подчиненностью группе, ориентированностью на групповые ценности, перенимаемые без должного осмысления. Это подтверждают трансформация и изменение смыслов экстремизма в условиях заключения. Осужденные соучастники и организаторы экстремистских актов (типы «Борец» и «Защитник»), напротив, характеризуются устойчивостью картины мира, осмысленностью экстремистской деятельности. Это подтверждает тот факт, что их смыслы экстремизма сохраняются даже в условиях отбывания наказания.

Полученные результаты отражают наличие еще одной проблемы, которую затронул в своих исследованиях П.Н. Казберов (2013): «С осужденными за терроризм и экстремизм не проводится практически никакой работы. В колониях есть пенитенциарные психологи, однако они не всегда готовы работать с подобной категорией осужденных. Поэтому вопросы профилактики терроризма и экстремизма, в частности среди осужденных за данные преступления, весьма актуальны. В среде осужденных постоянно существует риск эмоционально-психологического и идеологического «заражения» других осужденных» [7].

Таким образом, обнаруженные нами особенности идентичности осужденных за экстремизм отражают динамику их правосознания в условиях отбывания наказания, позволяют наметить программы психопрофилактики и психокоррекции экстремистской направленности личности во всех ее аспектах (правовом, социальном, педагогическом и психологическом). В этих программах мы методологически сосредотачиваемся на одном из многочисленных психологических механизмов экстремистского поведения, созидающемся в онтогенезе – на отсутствии базового доверия человека к миру, закономерно порождающего различные формы нарушения правосознания и приводящие к жизнеосуществлению человека к девиантности, делинквентности и криминальности.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-01116 А.

Литература

1. Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2002. С. 88–103.
2. Богуславская В.Ф. Влияние толерантности на профилактику экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Наука и образование против террора, 2010. URL: <http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede/> (дата обращения: 14.01.2018).

3. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 107–122.
4. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики) // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 21–33.
5. Головина И.В. Особенности взаимодействия философии и правосознания в России: автореф. дисс... канд. филос. Наук. М., 2005. 213 с.
6. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
7. Казберов П.Н. О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (дата обращения: 01.05.2018).
8. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Норма-Инфра-М, 2004. 442 с.
9. Корнилова О.А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 43 с.
10. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит, 1973. 344 с.
11. Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М, 2002. 616 с.
12. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 205 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
14. Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. № 3. P. 291–305.
15. Ginges J., Atran S, Sachdeva S., Medin D. Psychology out of the laboratory: the challenge of violent extremism // American Psychologist. 2011. № 66. P. 50–519.

Extremist orientation of personality in legal and psychological knowledge

Mesheryakova E.I., Dr. of Sci. (Psychology), Head of the Laboratory of Psychological Expertise, Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University (mei22@mail.ru)

Larionova A.V., PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (vktusur@mail.ru)

Karelin D.V., PhD (Law), Associate Professor of the Department of Penal Law and Criminology of the Law Institute, Tomsk State University (karelin@inbox.ru)

Kozlova N.V., Dr. of Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University (akme_2003@mail.ru)

The article addresses the problem of extremism considered through the prism of deformation of young people's legal awareness, distortion of their life meaning and formation of negative identity. An interdisciplinary approach to legal awareness (law and psychology) as one of the factors of formation of personality extremist orientation in young people is proposed. The article presents a study on the extremist orientation and self-identity of those convicted of extremist activities, where the following types were revealed: "Fighter", "Defender", "Victim" and "Seeker". The interrelation between the extremist orientation types identified in the convicts and their criminal role ("Organizer", "Accomplice" and "Performer") was analyzed. The revealed identity features of those convicted of extremism reflect the dynamics of their legal awareness under conditions of serving their sentence; this allowed us to outline programs of psycho-prophylaxis and psycho-correction of personality extremist orientation in all its aspects (legal, social, pedagogical and psychological).

Key words: extremism, legal awareness, youth, self-identity, personal features.

Funding

This work was supported by grant RFBR, project No. 18-013-01116 A.

References

1. Abul'khanova K.A. Sotsial'noe myshlenie lichnosti [Social thinking of personality]. *Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniya*. Ch. 3. Sotsial'nye predstavleniya i myshlenie lichnosti [Modern psychology: the state and prospects of research. Part 3. Social representations and thinking of personality]. Moscow: Publ. Instituta psikhologii RAN, 2002, pp. 88–103.

2. Boguslavskaya V.F. Vliyanie tolerantnosti na profilaktiku ekstremizma v molodezhnoi srede [Elektronnyi resurs] [The influence of tolerance on the prevention of extremism in the youth environment]. Nauka i obrazovanie protiv terror [Science and education against terror], 2010. Available at: <http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede/> (Accessed: 14.01.2018).
3. Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Mnogomernaya tipologiya osuzhdennykh za ekstremizm na osnove faktornogo i klasternogo analiza rezul'tatov psikhodiagnostiki [The multidimensional typology of the convicted of extremism based on the factor and cluster analysis of psychodiagnostics results]. Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Psychology], 2015, № 55, pp. 107–122.
4. Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Tipologiya psikhologicheskikh faktorov otnosheniya studentov k ekstremizmu (po rezul'tatam anketirovaniya i psikhodiagnostiki) [Typology of Psychological Factors of Students' Attitude to Extremism (Based on Psychodiagnostics and Questioning Results)]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology], 2015, №1, pp. 21-33.
5. Golovina I.V. Osobennosti vzaimodeistviya filosofii i pravosoznaniya v Rossii. Avtoref. Diss. kand. filos. nauk. [Features of interaction of philosophy and sense of justice in Russia. Ph. D. (Philosophy) Thesis]. Moscow, 2005. 213 p.
6. Gudkov L. Negativnaya identichnost' [Negative identity]. Stat'i 1997–2002 gg. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2004. 816 p.
7. Kazberov P.N. O neobkhodimosti protivodeistviya ekstremistsko-terroristicheskimi proyavleniyam v obshchestve i v penitentsiarnoi sisteme [On the need to counteract extremist-terrorist manifestations in society and in the penitentiary system] [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (data obrashcheniya: 01.05.2018).
8. Komarov S.A., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. Moscow, 2004. 442 p.
9. Kornilova O.A. Marginal'naya lichnost' kak predposylka formirovaniya studencheskogo ekstremizma: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk [Marginal personality as a prerequisite for the formation of student extremism. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2012. 43 p.
10. Lukasheva E.A. Sotsialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost' [Socialist sense of justice and the rule of law]. Moscow, 1973. 344 p.
11. Teoriya gosudarstva i prava: uchenik dlya vuzov [The theory of state and law: a student for universities] / Pod red. V.M. Korel'skogo, V.D. Perevalova. Moscow: Infra-M, 2002. 616 p.
12. Farber I.E. Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya [Legal awareness as a form of public consciousness]. Moscow, 1963. 205 p.
13. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta, 2006. 352 p.

14. Galtung J. Cultural Violence // *Journal of Peace Research*. 1990. Vol. 27. №3. P. 291–305.
15. Ginges J., Atran S, Sachdeva S., Medin D. Psychology out of the laboratory: the challenge of violent extremism // *American Psychologist*. 2011. № 66. P. 50–519.

Исследование психологических особенностей коррупционных преступников с помощью проективной методики

Кроз М.В., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО АГП РФ) (*m.kroz@mail.ru*)

Ратинова Н.А., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО АГП РФ) (*ratinova.n@yandex.ru*)

В статье изложена вторая часть психологического исследования личности коррупционных преступников. Приводятся результаты, полученные с помощью проективной методики «Цветовой тест отношений» в сопоставлении с представленными ранее данными опросных методик. Теоретической основой исследования служила ценностно-нормативная теория личности преступника А.Р. Ратинова, поэтому основное внимание в нем уделялось анализу системы ценностей коррупционеров. Были выявлены особенности осознаваемых и неосознаваемых ценностных предпочтений коррупционных преступников и законопослушных граждан, проведено их сопоставление. Определены наиболее и наименее значимые ценности, дефекты правосознания

Ключевые слова: коррупционные преступники, личность, ценностные ориентации, правосознание, Цветовой тест отношений.

Для цитаты:

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Исследование психологических особенностей коррупционных преступников с помощью проективной методики. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 135-149. doi: 10.17759/psylaw.2018080310

For citation:

Kroz M.V., Ratinova N.A. Research of psychological features of corruption criminals with the help of projective technique. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 135-149. doi: 10.17759/psylaw.2018080310

Исследование психологических особенностей лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности, проводилось в 2016–2017 гг. в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (сейчас – Университете прокуратуры) в рамках междисциплинарного проекта «Личность коррупционного преступника» с участием психологов, криминологов, специалистов в области уголовного права. Было обследовано 72 человека, отбывавших наказание в исправительных учреждениях строгого режима за совершение преступлений коррупционной направленности (преимущественно по ст. 290 УК РФ («получение взятки»). В качестве контрольной группы выступали законопослушные государственные служащие различного профиля (61 человек), не привлекавшиеся к уголовной ответственности.

Теоретической основой психологического исследования выступала *ценностно-нормативная теория личности преступника* А.Р. Ратинова [7; 8], поэтому основное внимание уделялось изучению ценностных ориентаций коррупционных преступников (в сравнении с законопослушными гражданами). Авторы стремились разносторонне изучить ценностную сферу коррупционеров и некоторые их личностные особенности, как осознаваемые, так и неосознаваемые тенденции. В первом случае использовался блок опросных методик: тест ценностных ориентаций М. Рокича (адаптированный Д.А. Леонтьевым) [6]; тест «Смысл жизни» (СЖ), разработанный А.Р. Ратиновым и его коллегами в 70-х гг. XX в.; методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере», предложенная О.Ф. Потемкиной¹; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда [1], а также опросник «Честность²», применявшийся для оценки достоверности полученных результатов. Результаты по этому блоку методик были опубликованы в первой статье [5].

Помимо тестов-опросников, в исследовании применялась проективная методика «Цветовой тест отношений», разработанная в 1985 г. Е.Ф. Бажиным и А.М. Эткиндом [2; 10; 11]. В ее основу был положен цветоассоциативный эксперимент, позволяющий изучать как осознаваемый, так и неосознаваемый уровни отношений человека, предпочтения им тех или иных социальных объектов. Поэтому она была включена в общую батарею тестов, несмотря на высокую трудоемкость применения (выполнялась в «диалоговом режиме» с испытуемыми) и обработки полученных данных. В исследовании ЦТО применялся не только для выявления ценностных предпочтений опрошенных, но и как средство верификации данных опросных методик.

Авторами был разработан перечень понятий, по которым, предположительно, коррупционные преступники и законопослушные граждане должны давать различающиеся эмоциональные оценки (отраженные в цветовых ассоциациях). Первоначально данный список включал более 60 позиций. Далее осуществлялась экспертная оценка входивших в него понятий. Ее проводили 12 специалистов по проблеме изучения коррупции и/или работе с методикой ЦТО³.

¹ См., например: URL: <http://psyttests.org/personal/potemkina.html>

² См.: URL: <http://azps.ru/tests/kit/kit1011.html>

³ Поскольку в России очень мало лично знакомых авторам исследования специалистов, профессионально разбирающихся в тонкостях использования ЦТО и одновременно знакомых с проблемами изучения личности коррупционера, подбор экспертов в основном осуществлялся по принципу «или/или».

Перед экспертами ставились два вопроса: 1) «Какие понятия из предложенного списка, по Вашему мнению, будут по-разному оцениваться лицами, склонными и не склонными к коррупционным преступлениям? Отметьте, пожалуйста, наиболее значимые – не более половины списка»; 2) «Какие понятия Вы рекомендовали бы дополнительно включить в список для ЦТО («маркеры», дифференцирующие преступников-коррупционеров от законопослушных граждан)?».

После обобщения данных экспертной оценки перечень понятий был сокращен до 28 пунктов, по которым эксперты дали наиболее согласованные оценки. Они распределялись по пяти группам:

- *ценности «благосостояния» («обладания»)*, отражающие стремление к материальному достатку, а также противоположные им – бескорыстие, достаток, богатство, альтруизм, роскошь, выгода;
- *просоциальные ценности* – репутация, совесть, мораль, закон, власть;
- *ценности статуса, престижа* – уважение, честолюбие, карьера, престиж;
- *личностные качества* – самостоятельность, порядочность, ответственность, независимость, практичность, решительность, предприимчивость, прагматизм, хитрость, изворотливость;
- *отношение к риску* – осторожность, риск, опасность.

Таким образом, в первые три группы входили понятия, характеризующие разные группы смысложизненных ценностей. Четвертую группу образовывали человеческие качества, которые в терминах подхода М. Рокича можно также рассматривать как инструментальные ценности (ценности-средства, т. е. те свойства человека, которыми ему необходимо обладать для того, чтобы успешнее добиваться достижения поставленных целей). Содержательно они лишь частично пересекались со списками ценностей из использованных опросных методик.

В перечень сознательно не включались понятия и качества, традиционно оцениваемые негативно, такие как эгоизм, корысть, черствость и т. д. Они заменялись понятиями, противоположными по смыслу – альтруизм, бескорыстие. Их место в общем ряду и цветовые ассоциации опосредованно показывали отношение к понятиям-антонимам.

Этот перечень был дополнен еще 35 понятиями, предназначенными для того, чтобы не дать испытуемым возможности определить, в чем заключается смысл исследования («маскировочные» понятия). Часть из них были эмоционально нейтральными («школа», «спорт», «лето»), другие обладали выраженной эмоциональной окрашенностью различного знака («жизнь», «смерть», «правда», «ложь», «друг», «враг» и т. д.). Все понятия, и тестовые, и «маскировочные», были перемешаны и предъявлялись испытуемым в случайном порядке. Далее представлены результаты исследования, относящиеся лишь к оценкам понятий из основного списка.

При обработке данных для каждой цветовой ассоциации использовались два параметра оценки: собственно выбранный цвет, ассоциирующийся с понятием (объектом, явлением), и его место (ранг) в индивидуальной цветовой раскладке. Далее на основе

суммы весовых коэффициентов рангов подсчитывались средние значения «удельного веса» для каждого понятия и строились ранжированные ряды по группам коррупционных преступников и законопослушных лиц. Кроме того, определялись частоты выбора каждого из цветов по каждому понятию опять же по каждой группе в целом.

В ходе анализа весь перечень качеств был разделен на четыре четверти: первая включала ранги с 1-го по 7-й; вторая – с 8-го по 14-й; третья – с 15-го по 21-й и, наконец, ранги с 22-го по 28-й образовывали четвертую четверть. Условно первую четверть можно обозначить как «высокозначимые, позитивные ценности», четвертую – как «отвергаемые, негативные». Вторая и третья занимают промежуточные позиции, могут обозначаться как нейтрально-позитивная и нейтрально-негативная.

В таблицах 1 – 5 представлены обобщенные рейтинги оценок, полученных на основе цветовых ассоциаций, по указанным выше пяти группам понятий для коррупционных преступников и законопослушных граждан.

Таблица 1

Ценности «благосостояния»

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Бескорыстие	1	7	1	2	5
Достаток	2	10	1	7	3
Богатство	3	16	3	17	-1
Альтруизм	3	18	2	12	6
Выгода	3	21	4	22	-1
Роскошь	3	19	4	20	-1

Большинство понятий, вошедших в данную категорию, оцениваются как коррупционерами, так и законопослушными испытуемыми не слишком высоко. В целом, отношение к указанным явлениям и качествам у представителей основной и контрольной группы достаточно близкое, более того, значимость «достатка» для законопослушных лиц даже выше, чем для осужденных (7-е и 10-е места в соответствующих ранговых рядах). Три понятия из четырех, характеризующие материальные ценности, находятся в третьей четверти, т. е. в группе «нейтрально-негативных», и лишь одно – во второй четверти списка.

Наиболее интересной здесь представляется существенная разница в оценках таких понятий, как бескорыстие и альтруизм, выбранных в качестве противоположностей корысти и эгоизму. Если в контрольной группе бескорыстие стоит на втором месте перечня, то у коррупционеров существенно ниже – на 7-м месте, последнем в первой четверти, разница в рангах составляет 5 позиций. Еще больше различается отношение к альтруизму. В

контрольной группе это понятие находится во второй четверти списка, занимая 12-ю позицию, тогда как у коррупционеров его ценность существенно ниже – третья четверть, 18 ранг. Различие в рангах здесь достигает 6. Интересно, что 23,6% преступников ассоциировали это понятие с серым цветом, что в интерпретации значений цветовых выборов по М. Люшеру обозначает безразличие, дистанцированность, избегание.

Таким образом, и для коррупционных преступников, и для законопослушных граждан значимость материальных ценностей по проективной методике ЦТО наиболее близка к значению соответствующего показателя теста М. Рокича («материально обеспеченная жизнь»): он расположен не в самом конце ранжированного списка (как получилось по результатам тестов О.Ф. Потемкиной и «Смысл жизни»), а во второй половине перечня.

Таблица 2

Просоциальные ценности

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Репутация	1	6	1	6	0
Совесть	2	8	2	10	-2
Мораль	2	12	2	8	4
Закон	4	23	3	16	7
Власть	4	25	4	27	-2

Прежде всего отметим, что представители обеих групп заботятся о своей репутации. Остальные же результаты сравнения оценок по этой группе понятий весьма показательны, хотя и нерадостны. У коррупционных преступников, хотя и незначительно, но выше, чем у законопослушных, оказался ранг такой базовой моральной категории, как совесть (8-я и 10-я позиции соответственно в двух ранговых рядах). При этом ценность морали для них, напротив, ниже, чем в контрольной группе (12-й и 8-й ранги в двух рядах). У представителей контрольной группы, наоборот, ценность морали, хотя и незначительно, но выше, чем совести (10-я и 8-я позиции в ряду).

В то же время следует указать на то, что у 22,2% коррупционеров понятие «совесть» ассоциировалось с серым цветом, что означает тенденцию отстранения, ухода, уклонения. У законопослушных испытуемых подобные цветовые ассоциации не обнаружены. Они в 24,6% случаев давали на понятие «совесть» ассоциацию с синим цветом, интерпретируемым как принятие, гармония, доверие и бесконфликтность. В (21,3%) случаев «совесть» ассоциировалась с красным цветом, символика которого более двойственна – это активность, энергия, но одновременно и напряженность, агрессия. Представляется, что это полностью отражает характер совести, которая иногда грызет.

Аналогичным образом 20,8% коррупционеров «нейтрализовало» серым цветом и понятие «мораль», столько же ассоциировало его с зеленым цветом. В психологии цвета М. Люшера символика зеленого – стабильность, уверенность, настойчивость приверженность нравственным ценностям. Испытуемые из контрольной группы также связывали понятие «мораль» с зеленым (21,3%) и синим (24,6%) цветами. Ассоциаций с серым цветом у них не обнаружено.

Наибольшее внимание привлекли ответы обследованных, вошедших в обе группы, по таким понятиям, как «закон» и «власть». Ценность закона у коррупционеров и законопослушных лиц различалась весьма существенно (23-е место, 4-я четверть у коррупционеров и 16-я позиция, 3-я четверть в контрольной группе; разница рангов достигла здесь 7). Столь низкому рангу закона у коррупционеров можно дать двойное объяснение: возможно, это свидетельство имеющегося у них деформированного правосознания, которое как раз и послужило одной из психологических предпосылок совершения преступления. В то же время не исключено и другое: будучи осужденными за криминальное деяние, попав под карающий меч закона, преступники особой любви к нему не испытывают. Этому соответствуют и цветовые ассоциации с данным понятием – 23,7% обследованных коррупционеров связали слово «закон» с черным цветом, что по М. Люшеру символизирует отрицание, неприятие, протест, враждебность, стремление к разрушению, уничтожению. Полученный результат согласуется с данными А.А. Кашкарова. В его исследовании на значимость ценности закона указали чуть менее пятой части опрошенных коррупционных преступников (заняла 15-е место в перечне из 23) [4, с. 106].

Парадоксально другое – 16-е место ценности закона в ранжированном ряду у законопослушных граждан, значительную часть которых составляли как раз служители закона, профессиональные юристы. Здесь цветовые выборы несколько позитивнее. С синим цветом (принятие, доверие) проассоциировали «закон» 32,8% опрошенных. Правда, здесь не исключено альтернативное цветовой символике М. Люшера объяснение: поскольку существенная часть контрольной группы составляли прокурорские работники, возможно, что они проассоциировали это понятие с синим цветом прокурорского мундира («закон – это я»). В то же время не может не тревожить то, что и в группе законопослушных испытуемых 14,8% выдали ассоциацию с черным цветом.

Еще более негативное отношение высказали обследованные, вошедшие в обе группы, к понятию власти. Здесь необходимо сделать некоторые уточнения, поскольку данное слово может истолковываться и пониматься двояко. Его можно рассматривать как ценность, жизненную цель («стремление к власти»). Именно этот смысл вкладывали в него авторы, включая данное слово в список оцениваемых понятий (аналогично значению шкалы «власть» теста О.Ф. Потемкиной). Однако большинство обследованных из обеих групп интерпретировали его иначе, имея в виду другое значение – как систему органов власти, государственных институтов (что следовало из комментариев многих лиц, выполнявших данный тест: «Да уж, наша власть...»). Данное понятие у представителей этих самых государственных органов оказалось на предпоследней позиции в ранжированном ряду (27-й ранг из 28 возможных). При этом рекордные 36,1% законопослушных граждан проассоциировали его с черным цветом, означающим неприятие и отвержение. Правда, 23% связали «власть» с синим цветом принятия и поддержки, однако, как уже говорилось, тут не исключена ассоциация с прокурорским мундиром, олицетворяющим властные полномочия.

Не многим лояльнее оказались и коррупционеры, у которых это понятие стоит на 25-м месте в общем ряду из 28 позиций. Удельный вес ассоциаций с черным цветом здесь составил 27,8%. 25,0% проассоциировали «власть» с лиловым цветом, символизирующим иррациональность, стремление к внешнему эффекту, непредсказуемость.

По совокупности данные результаты, скорее всего, являются проявлением *социальной аномии* – отчуждения людей, причем не только преступников, но и «условно законопослушных» государственных служащих, от общества и государства, декларируемых ими норм и моделей поведения, отсутствия у обследованных чувства сопричастности к ним. Таким образом, полученный результат подтверждает теорию «коррупционной нормы», предложенную О.В. Ванновской. Согласно этой концепции «...коррупция является нормой в системе государственной службы в условиях тотального отчуждения госслужащих от ценностей нормосообразного поведения. Данное положение имеет смысл для общественной системы, в которой наблюдается явное расхождение между декларируемыми нормами морали и права и реализуемыми нормами поведения внутри профессионального сообщества, в данном случае сообщества государственных служащих. При этом в средствах массовой информации может декларироваться противодействие коррупции как задача государственной системы, но в реальности существующие коррупционные сети не допускают эффективных антикоррупционных мер» [3, с. 132].

Представляется весьма существенным соотношение рангов понятия «закон» с рангами ценностей «благополучия» и «престижа». Здесь выявляется весьма показательное различие между коррупционными преступниками и законопослушными обследуемыми. Так, для государственных служащих достаток (7-й ранг), престиж (11-й ранг) и карьера (13-й ранг) важнее, чем закон (16-й ранг), но он, в свою очередь, более значим, нежели богатство (17-й ранг), честолюбие (19-й ранг), роскошь (20-й ранг) и выгода (22-й ранг). То есть обладание некоторым средним уровнем социальных благ важнее, нежели выполнение требований закона. Тогда как достижение более высокого материального положения, извлечение выгоды, реализация честолюбивых амбиций менее значимы, чем требования закона и соотносятся с ним.

Иная картина выявляется у коррупционных преступников. Для них ценность закона (23-й ранг) ниже, чем все ценности статуса и обладания. Соответственно, нормы закона не являются реальным регулятором социального поведения и не выступают внутренним препятствием, своеобразным «фильтром», блокирующим постановку и достижение противоправных целей либо достижение поставленных целей незаконными средствами.

Таблица 3

Ценности статуса

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Уважение	1	3	1	4	-1
Честолюбие	2	11	3	1	-8

				9	
Карьера	2	13	2	13	0
Престиж	2	14	2	11	3

При сравнении рангов понятий, связанных с социальным статусом субъекта, выявились существенные расхождения между основной и контрольной группой лишь по одному понятию – «честолюбие». Несмотря на резко упавший социальный статус осужденных коррупционеров, они показали себя более амбициозными, нежели законопослушные испытуемые. В то же время 16,7% коррупционных преступников «заблокировали» эту малодостижимую для них сейчас (а возможно и в будущем) ценность, проассоциировав ее с серым цветом, олицетворяющим безразличие и отказ. В целом же, понятия, характеризующие данную группу ценностей, находятся в первой половине перечня («предпочитаемые»).

Таблица 4

Личностные качества

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Самостоятельность	1	1	1	3	-2
Порядочность	1	2	1	5	-3
Ответственность	1	4	1	1	3
Независимость	1	5	2	9	-4
Практичность	2	9	3	15	-6
Решительность	3	15	2	14	1
Предприимчивость	3	17	3	18	-1
Прагматизм	3	20	3	21	-1
Хитрость	4	26	4	25	1
Изворотливость	4	27	4	28	-1

Сопоставление ранговых рядов оценок, данных преступниками и контрольной группой по личностным качествам, показало, что по большинству из них позиции представителей обеих групп были достаточно сходными. При этом качества, которые по литературным источникам приписываются коррупционерам (хитрость, изворотливость, предприимчивость), одинаково негативно расценивались в обеих группах и занимали

последние позиции в ранговых рядах. Там же оказался и прагматизм, хотя по данным опросных методик преступники показали высокую прагматичность. Вероятно, какие-то негативные ассоциации здесь вызвало само слово, имеющее в обыденном сознании отрицательные смысловые оттенки, поскольку очень близкое по значению понятие «практичность» коррупционеры оценили значительно выше (9 ранг). Разница с представителями законопослушной группы тут составила 6 рангов.

Наиболее высокие места в ряду получили качества, связанные с внутренним локусом контроля, выявленным у обследованных – самостоятельность, ответственность. В обеих группах эти понятия ассоциировались с синим и зеленым цветами (принятие, справедливость, настойчивость, упорство, целеустремленность). Эти данные согласуются с результатами, полученными по опросным методикам (первое место качества «ответственность» по шкале инструментальных ценностей М. Рокича в обеих группах, внутренняя направленность локуса контроля по тесту УСК).

Очень высоким в обеих группах был ранг такого интегрального морального качества, как порядочность. При этом коррупционеры оценили его даже выше, нежели законопослушные испытуемые (соответственно 2-е и 5-е места в ранговых рядах). Другое дело, какой смысл они вкладывают в это слово. Можно полагать, что объем понятия «порядочность» у данной категории обследованных уже, чем у представителей контрольной группы и не относится к характеру их взаимодействия с законом и властью (отношение к которым, как показано выше, у них негативное), а распространяется на достаточно узкий круг людей, входящих в значимое окружение, референтную группу (аналогично тому, как высокое место качества «честность» по тесту М. Рокича не относится к их отношениям с государством).

Таблица 5

Отношение к риску

Понятие	Коррупционные преступники		Контрольная группа		Разница рангов
	Четверть	Ранг	Четверть	Ранг	
Риск	4	24	4	23	1
Осторожность	4	22	4	24	-2
Опасность	4	28	4	26	2

Данные понятия оцениваются представителями обеих групп сходным образом. Все они занимают последние позиции в перечне. Какие-либо межгрупповые различия здесь отсутствуют. Полученные результаты свидетельствуют о низкой значимости для всей выборки обследованных как ценности риска, так и его противоположности – осторожности, осмотрительности.

Завершая обсуждение полученных по тесту ЦТО данных, следует остановиться еще на одном интересном результате. Известно, что эта методика была создана на основе цветового теста Люшера, направленного в первую очередь на диагностику актуального

состояния обследованного. Процедура исследования в части ранжирования цветов позволяет оценить, насколько комфортно человек чувствует себя, выявить эмоциональные установки к окружающей действительности. В ходе разработки теста определенный порядок выбора цветов (3 4 2 5 1 6 0 7) был принят за *аутогенную норму* (так называемая норма Вальнефера–Люшера, подтвержденная Ю.М. Филимоненко и др. [9]⁴), являющуюся индикатором психологического благополучия субъекта. Чем выше индивидуальный показатель суммарного отклонения от аутогенной нормы, тем хуже психоэмоциональное состояние обследованного.

Для группы преступников усредненный ранговый рейтинг предпочтительности цветов, подсчитанный по методу Г. Клара⁵, был следующим: 2 4 3 5 1 0 6 7. Суммарное среднегрупповое отклонение от аутогенной нормы было равно 6 баллам, что соответствует низкому уровню значения. Для контрольной группы рейтинг цветов был достаточно сходным: 2 4 3 1 5 6 0 7. В этом случае суммарное отклонение также равнялось 6.

Это означает, что в обеих группах большинство состояло из лиц, характеризующихся высокой нервно-психической устойчивостью, продуктивностью и целенаправленностью поведения, оптимистичностью, готовностью к преодолению трудностей, верой в собственные силы. Им присущи высокий уровень волевого самоконтроля, способность к длительной интенсивной работе, умение мобилизовать имеющиеся психологические ресурсы в стрессовых ситуациях.

Высокую оптимистичность (даже выше, чем у представителей контрольной группы) продемонстрировали коррупционные преступники и по тесту «Смысл жизни», однако в нем она рассматривается не как характеристика состояния субъекта, а как устойчивое свойство, мера удовлетворенности своей жизнью.

Полученные результаты вполне понятны для находящихся в привычных условиях государственных служащих, имеющих достаточно престижную и относительно неплохо оплачиваемую работу, перспективы дальнейшего карьерного роста. Однако подобный оптимизм, выявленный у заключенных, вызывает вопросы. Как, за счет чего люди, приговоренные судом к отбыванию длительных сроков наказания, пережившие крах успешной служебной карьеры, утрату высокого социального статуса, обремененные порой миллионными штрафами, разлученные с семьей, находящиеся далеко не в самых комфортных условиях в местах заключения, лишены привычных удобств, выполняющие тяжелую, малоквалифицированную работу, демонстрируют позитивное психоэмоциональное состояние и оптимизм на том же уровне, как и успешно социализированные государственные служащие, обладающие всеми теми социальными благами, которых лишены (а некоторыми не смогут обладать и в будущем) осужденные. Можно полагать, что здесь мы сталкиваемся с мощным действием механизмов психологической защиты, направленных на устранение из сознания негативной, травмирующей информации для сохранения душевного комфорта, самоуважения.

⁴ См.: [11, с. 121].

⁵ См., например: URL: http://psychologist.n1-v-spb.ru/portals/9/pokazately_po_luscheru.pdf

Выводы

1. Результаты исследования по опросным и проективной методикам (в части, где они пересекались) продемонстрировали высокую согласованность, что свидетельствует об их достоверности. Так, по результатам анализа данных, полученных по ЦТО, выявляется высокая значимость для лиц, вошедших в обе группы обследованных, таких ценностей, как самостоятельность, ответственность. Это согласуется с результатами, полученными по тестам М. Рокича (инструментальные ценности) и УСК, и также свидетельствует о склонности обследованных брать на себя ответственность за происходящие в жизни события, а не приписывать их внешним влияниям.

2. Наиболее существенный и неожиданный результат, противоречащий как распространенным представлениям о психологических особенностях коррупционеров, так и данным некоторых исследований, заключается в том, что ценность материальных благ (в разных формулировках) для коррупционных преступников и по опросным методикам, и по проективному Цветовому тесту отношений не является ведущей. В ранжированном перечне понятий ЦТО соответствующие показатели находятся во второй его половине и мало отличаются от оценок, данных представителями контрольной группы. Единственным исключением здесь является оценка противоположного меркантильности качества – альтруизма. Отношение к нему у осужденных существенно хуже, чем у законопослушной нормы. Аналогичные либо еще более низкие оценки значимости материальных благ были получены по трем опросным методикам (субтест «Терминальные ценности» М. Рокича, тесты О.Ф. Потемкиной и «Смысл жизни»). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что материальные ценности занимают невысокое место в общей иерархии ценностей коррупционных преступников.

3. Выявлены высокая значимости для обследованных, вошедших в обе группы, таких нравственных ценностей, как *совесть, мораль, порядочность*, и одновременно малая ценность *закона* (особенно для преступников) и *власти* (для обеих групп). Если негативное отношение к закону у осужденных коррупционеров является свидетельством имеющих у них дефектов правосознания, то невысокое место, которое ценность закона занимает в иерархии законопослушных обследованных, часть из которых составляют профессиональные юристы, является весьма неблагоприятным фактом. Подобный результат, на наш взгляд, является проявлением социальной аномии, правового нигилизма, отчуждения людей от государства, свидетельствует о существенном рассогласовании представлений людей о законе, праве, с одной стороны, и справедливости, порядочности – с другой.

4. Обнаружено существенное различие между группами по характеру соотношения рангов понятия «закон» с одной стороны и ценностями «*благополучия*» и «*престижа*» – с другой. Для законопослушных государственных служащих наличие некоторого среднего уровня жизненного комфорта ценнее, нежели выполнение требований закона. Но достижение высокого материального положения, богатства, в свою очередь менее значимы, чем требования закона.

Иным образом выглядит иерархия неосознаваемых ценностей у коррупционных преступников. Ценность закона для них находится ниже всех ценностей «*благополучия*» и «*престижа*». Как было показано в проведенном исследовании, сами по себе материальные блага не являются высоко значимыми для коррупционеров. Однако ценность закона еще

менее важна для них. Как следствие требования закона не выполняют у коррупционных преступников роли регуляторов социального поведения. Они не являются сдерживающим фактором при реализации возникающих потребностей, в том числе материальных, и в ситуации выбора способов достижения поставленной цели (причем не обязательно корыстной) ими пренебрегают.

5. Один из парадоксальных результатов исследования заключается в том, что представители обеих групп показали *высокий уровень психоэмоциональной устойчивости, волевого самоконтроля, оптимизма* (причем в последнем случае и как общей тенденции, и как характеристики актуального состояния обследуемых). Если для государственных служащих подобные данные были ожидаемы, то в отношении лиц, отбывающих наказание в форме длительного срока лишения свободы, они необычны (хотя и подтверждались аналогичными результатами по нескольким тестам). Повышенная оптимистичность может быть как проявлением жизнестойкости обследованных, так и следствием действия механизмов психологической защиты, актуализирующихся в эмоционально стрессовых ситуациях уголовного преследования, отбывания наказания.

В целом, результаты настоящего исследования (как и ряда других работ), на наш взгляд, отражают, в первую очередь, сложность самой проблемы детерминации коррупционного поведения, показывают, что здесь не может быть простых ответов и легких решений.

Литература

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. Т 5. 1984. № 3. С. 152–162.
2. Бажин Е.Ф., Эткин А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО). Методические рекомендации. Л., 1985. 18 с.
3. Ванновская О.В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2011. № 3. С. 130–135.
4. Кашкаров А.А. Социально-психологическое исследование состояния должностной преступности в органах публичной власти в Республике Крым и городе Севастополе. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 154 с.
5. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Исследование психологических особенностей коррупционных преступников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
6. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: «Смысл», 1992. 17 с.
7. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования: сб. науч. трудов / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 3–33.
8. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного

- права и криминологии: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин
и разработке мер предупреждения преступности, 1981. С. 67 – 86.
9. *Филимоненко Ю.И., Юрьев А.И., Нестеров В.М.* Экспресс-методика для оценки эффективности аутотренинга и прогноза успешности деятельности человека // *Личность и деятельность*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 52 – 57.
 10. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений // *Общая психодиагностика* / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 221–227.
 11. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений: практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. С. 119 – 122.

Research of psychological features of corruption criminals with the help of projective technique

Kroz M.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation (*m.kroz@mail.ru*)

Ratinova N.A., PhD (Psychology), Leading Researcher of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation (*ratinova.n@yandex.ru*)

The article presents the second part of the psychological study of the identity of corruption criminals. The results obtained by the projective method "color test of relations" in comparison with the data of survey methods presented earlier are presented. The theoretical basis of the study was the value-normative theory of the offender A. R. Ratinov, so the main attention was paid to the analysis of the value system of corrupt officials. Features of realized and unconscious valuable preferences of corruption criminals and law-abiding citizens were revealed, their comparison is carried out. The most and least significant values, defects of legal consciousness are defined.

Key words: corruption criminals, personality, value orientations, sense of justice, color test of relations.

References

1. Bazhin E.F., Golyunkina E.A., Etkind A.M. Metod issledovaniya urovnya subektivnogo kontrolya [The method of research of the level of subjective control]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 1984, Vol. 5, no. 3, pp. 152 — 162.
2. Bazhin E.F., Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii (TsTO). Metodicheskie rekomendatsii [the Color test of relations (TSC) method. recommendations]. Leningrad, 1985. 18 p.
3. Vannovskaya O.V. Obosnovanie kontseptsii korruptsiionnogo povedeniya gossluzhashchikh [Substantiation of the concept of corrupt behaviour of civil servants]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Psikhologicheskie nauki» [Bulletin of Moscow state regional University. Ser. «Psychological science»]*, 2011, no. 3, pp. 133 — 134.
4. Kashkarov A.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie sostoyaniya dolzhnostnoi prestupnosti v organakh publichnoi vlasti v Respublike Krym i gorode Sevastopole [Socio-psychological study of the state of official crime in public authorities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol]. Krasnodar: Publ. Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2015. 154 p.

5. Kroz M.V., Ratinova N.A. Issledovanie psikhologicheskikh osobennostei korrupsionnykh prestupnikov. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*. [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202.
6. Leont'ev D.A. Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsii [Method of studying value orientations]. Moscow: Publ. «Smysl», 1992. 17 p.
7. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyi podkhod. Lichnost' prestupnika kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov [Psychology of the criminal's personality. The value-normative approach, the identity of the offender as an object of psychological studies: collection of scientific works]. Moscow, 1979, pp. 3 — 33.
8. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika. Aktual'nye problemy ugovornogo prava i kriminologii. Sbornik nauchnykh trudov [To the core of the identity of the offender // Actual problems of criminal law and criminology: collection of scientific works. labours']. Moscow, 1981, pp. 67 — 86.
9. Filimonenko Yu.I., Yur'ev A.I., Nesterov V.M. Ekspress-metodika dlya otsenki effektivnosti autotreninga i prognoza uspeshnosti deyatel'nosti cheloveka [Rapid method for assessing the effectiveness of anger management and prognosis of the success of the activities of the person]. *Lichnost' i deyatel'nost'* [Personality and activities]. Leningrad, 1982, pp. 52 – 57
10. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. Obshchaya psikhodiagnostika [Color test relations. General diagnostics] In Bodalev A.A. (eds.). Moscow: Publ. Mosk. un-t, 1987, pp. 221 — 227.
11. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy [Color test of attitudes: a workshop on psychological diagnostics. Psychodiagnostic materials]. Moscow, 1988, pp. 119 – 122.

Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (safuanovf@rambler.ru)

Телешева К.Ю., младший научный сотрудник лаборатории клинической нейрофизиологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (tel86@inbox.ru)

Мямлин В.В., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории клинической нейрофизиологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (vad.myamlin@yandex.ru)

Киренская А.В., доктор биологических наук, руководитель лаборатории клинической нейрофизиологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (neuro11@yandex.ru)

Проведено экспериментально-психологическое обследование психически здоровых лиц, обвиняемых в преступлениях, совершенных по механизму импульсивной агрессии. Контрольную группу составили психически здоровые лица, не привлекавшихся к уголовной ответственности. Использована батарея методик, включавшая тест Спилбергера, опросник структуры темперамента Русалова, тест-опросник уровня субъективного контроля Роттера, тест Цукермана, опросник Басса–Дарки. Показано, что основу патохарактерологического комплекса психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии, составляют особенности темперамента, связанные с изменениями таких компонентов функциональных систем, как формирование акцептора действия и обратная афферентация. Сравнительное исследование результатов психически здоровых лиц и лиц с пограничными психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, подтвердило гипотезу о том, что в целом механизм импульсивной агрессии не определяется фактором психического расстройства.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза;

импульсивная агрессия; патохарактерологические особенности; темперамент; враждебность; психические расстройства, не исключающие вменяемость.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Телешева К.Ю., Мямлин В.В. и др. Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 150-166. doi: 10.17759/psylaw.2018080311

For citation:

Safuanov F.S., Telesheva K.Yu., Myamlin V.V. et al. Pathocharacterological signs of mentally healthy individuals, prone to impulsive aggression. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 150-166. doi: 10.17759/psylaw.2018080311

Введение

Значительная часть преступлений, совершаемых против жизни и здоровья граждан, совершается под влиянием импульсивной агрессии. В основе этого вида криминальной агрессии лежит склонность к реализации собственных агрессивных намерений или побуждений, которая приобретает самодовлеющее мотивирующее значение вне зависимости от внешних стимулов [13]. Преступные действия при импульсивной агрессии обусловлены не ситуативными факторами, а индивидуально-психологическими особенностями: это агрессия, идущая не «от ситуации», а «от субъекта», она возникает инициативно либо в ответ на самые слабые провоцирующие стимулы.

По мнению Л. Берковица [3], целью импульсивной агрессии является причинение вреда жертве при отсутствии корыстных мотивов; эти агрессивные действия совершаются без планирования в состоянии эмоционального возбуждения, возникающего вследствие генерируемой негативными эмоциональными переживаниями внутренней стимуляции. Такое понимание дает основания полагать, что этот вид криминальной агрессии связан с патохарактерологическими особенностями преступников, которые выступают и как источник агрессии, и как инстанция ее контроля [11]. У лиц с психическими расстройствами импульсивная агрессия сопровождается ослаблением или утратой волевого контроля [14]. Данное обстоятельство чрезвычайно важно для практики комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) обвиняемых для решения разнообразных судебно-экспертных вопросов: от выявления существенного влияния их индивидуально-психологических особенностей на криминальные действия до дифференцированного определения способности к осознанно-волевому поведению во время совершения инкриминируемых им деяний (ограниченной вменяемости и невменяемости).

Вместе с тем, в отечественной психологии крайне мало работ, посвященных эмпирическим исследованиям импульсивной агрессии. У вменяемых лиц с органическим психическим расстройством (ОПР), совершивших убийства, по данным опросника структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова [9], было выявлено снижение показателей «социальной эргичности» и повышение показателей «социальной эмоциональности» [7], что указывает на изменения таких компонентов функциональных систем (в контексте

теории П.К. Анохина), как афферентный синтез и обратная афферентация. Было показано, что, согласно данным опросника Басса–Дарки, показатели агрессивности у обвиняемых с ОПР не отличаются от правопослушных граждан без психической патологии, но показатели враждебности («обида», «подозрительность») у больных значимо выше. Аналогичные данные были получены и при исследовании обвиняемых с расстройствами личности (РЛ), не исключаяющими вменяемости, совершивших убийства под влиянием импульсивной агрессии [13; 15]. Кроме нарушений афферентного синтеза и обратной афферентации у психопатических личностей выявились и изменения формирования акцептора результатов действия, а также обнаружилось, что показатели, дифференцирующие параметры темперамента у лиц с РЛ, относились к параметрам, связанным не с коммуникативными (как у лиц с ОПР), а с предметными действиями. Агрессивность у них была не выше нормативной, но показатели враждебности превышали аналогичные показатели в норме.

В этих работах данные опросников у вменяемых лиц с психическими расстройствами, обвиняемых в убийстве, сравнивались не с такими же данными, полученными при обследовании лиц с психической патологией, не совершавших правонарушений, а с группой нормы вне следственной или судебной ситуации. Поэтому остается открытым вопрос: насколько полученные результаты обусловлены фактором предрасположенности к импульсивной агрессии и насколько – фактором наличия пограничного психического расстройства? Одним из способов решения данной проблемы является сравнительное исследование психически здоровых лиц, не склонных к девиантному поведению, с психически здоровыми, совершившими преступления против личности и здоровья граждан по механизму импульсивной агрессии.

Таким образом, **целью** настоящего исследования является выявление патохарактерологических особенностей психически здоровых лиц, совершивших убийства под влиянием импульсивной агрессии.

Можно сформулировать *две альтернативные гипотезы*.

1. Если различия результатов у лиц с ОПР и РЛ, совершивших убийства под влиянием импульсивной агрессии, и у психически здоровых, не совершавших правонарушений, определяются фактором психического расстройства, то результаты психически здоровых лиц, совершивших и не совершавших правонарушений, не будут существенно отличаться.

2. Если различия результатов у лиц с ОПР и РЛ, совершивших правонарушения под влиянием импульсивной агрессии, и у психически здоровых, не совершавших правонарушений, определяются фактором предрасположенности к импульсивной агрессии, то результаты психически здоровых обвиняемых будут схожими с данными лиц с психическими расстройствами и при этом отличаться от результатов психически здоровых обвиняемых, не совершавших правонарушений.

Программа исследования

Основную группу (0) обследованных составили 18 человек мужского пола, проходящих стационарную КСППЭ, обвиняемых в убийстве (ст. 105 УК РФ) или умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), в возрасте от 22 до 49 лет (средний возраст 33,8 лет ± 2,2). Все подэкспертные были признаны психически здоровыми и

способными во время совершения преступления осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Контрольную группу (К) составили 34 психически здоровых добровольца (мужчин) в возрасте от 21 до 41 года (средний возраст $26,1 \pm 0,7$ лет), не привлекавшихся к уголовной ответственности.

В компьютерном варианте при индивидуальном тестировании всем обследованным предъявлялось 5 методик: Опросник структуры темперамента (ОСТ) [9], методика диагностики потребности в поисках ощущений М.Цукермана [6], опросник «Уровень субъективного контроля (УСК)» [8], опросник Басса–Дарки¹ [4], методика субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Спилбергера [16].

Результаты и обсуждение

Результаты методики ОСТ

Значимые межгрупповые различия получены только по шкалам «социальной пластичности» и «эмоциональности» (табл. 1). При этом в основной группе шкала «эмоциональность» была заметно выше, а шкала «социальная пластичность», напротив, ниже по сравнению с контрольной группой.

В.М. Русалов [9], рассматривая показатели методики в рамках теории функциональных систем [2], увязывает «пластичность» темперамента со степенью трудности переключения с одних программ поведения на другие. Низкий уровень «социальной пластичности» у обвиняемых указывает на трудности в программировании форм социального взаимодействия, низкий уровень готовности к вступлению в новые и широкие социальные контакты, ригидность в сфере общения. Показатель «эмоциональность» отражает блок обратной связи – эмоциональной чувствительности к несовпадению ожидаемого и полученного результатов. В группе правонарушителей чувствительность к неудачам выражена сильнее, чем у правопослушных граждан. Они ярче переживают негативный результат своих действий, более склонны испытывать негативные эмоции (ощущения неуверенности, тревоги, неполноценности, высокое беспокойство) в связи с неудачами.

Таблица 1

Средние значения шкал теста ОСТ

№/п	Название шкалы	Группа		Уровень значимости
		О n = 18	К n = 34	
1	Эргичность (ЭР)	8,5±0,6	8,2±0,5	p=0,74
2.	Социальная эргичность (СЭР)	7,6±0,6	6,2±0,5	p=0,102

¹ В современных отечественных исследованиях агрессии используется более усовершенствованный вариант методики – опросник Басса–Перри, но мы использовали опросник Басса–Дарки для того, чтобы иметь возможность корректно сравнивать результаты психически здоровых с данными лиц с психическими расстройствами [7; 13].

3	Пластичность (П)	6,7±0,8	6,9±0,5	p=0,818
4	Социальная пластичность (СП)	3,6±0,4	5,0±0,5	p=0,034*
5	Темп (Т)	8,6±0,8	8,4±0,5	p=0,831
6	Социальный темп (СТ)	6,0±0,8	7,0±0,4	p=0,274
7	Эмоциональность (ЭМ)	6,3±0,8	4,2±0,6	p=0,045*
8	Социальная эмоциональность (СЭМ)	5,2±0,8	5,3±0,5	p=0,936

При сравнении результатов психически здоровых лиц, совершивших правонарушения по механизму импульсивной агрессии, с теми же показателями методики у обвиняемых с РЛ и ОПР выявляются следующие различия. Во-первых, у лиц с пограничной психической патологией, в отличие от психически здоровых, страдает звено афферентного синтеза – «эргичность» и «социальная эргичность» (ЭР и СЭР). Показатели ЭР и СЭР и у лиц с РЛ (5,9±0,9 и 3,8±0,9) [13], и у лиц с ОПР (5,2±1,4 и 3.6±1.1) [7] ниже, чем в контрольной группе и в группе психически здоровых обвиняемых. Во-вторых, если у обвиняемых с РЛ обнаруживаются трудности переключения с одного предмета деятельности на другой при изменении способов мышления в процессе взаимодействия с предметной средой («пластичность»), то у психически здоровых правонарушителей ригидность программирования проявляется в коммуникативной сфере («социальная пластичность»). В то же время объединяют все три группы лиц с импульсивной агрессией высокие и значимо отличающиеся от результатов контрольной группы показатели «эмоциональности».

Результаты теста Цукермана

Значимые межгрупповые различия, обусловленные более высокими значениями шкал в контрольной группе, выявлены для всех шкал теста (табл. 2). Эти данные подтверждают результаты опросника ОСТ о трудностях (в силу сниженной «социальной пластичности») к смене социальной обстановки, переключению видов деятельности: практически все показатели активности, связанные с риском, расширением сфер деятельности (ES), стремлением к преодолению социальных ограничений (Dys) у обвиняемых в агрессивных преступлениях достоверно ниже, чем в норме.

Таблица 2

Средние значения шкал теста Цукермана

№/ п	Название шкалы	Группа		Уровень значимости
		О n=16	К N=23	
1	Поиск риска и приключений (TAS)	40,8±3,2	47,1±2,7	p=0,146

2	Поиск опыта (ES)	46,0±2,1	58,0±2,5	p=0,0007***
3	Расторможенность (Dys)	39,1±2,1	45,7±2,3	p=0,042*
4	Чувствительность к скуке (BS)	42,6±1,9	52,1±2,1	p=0,002**
5	Общая шкала (Tot)	37,3±2,1	50,6±2,9	p=0,0007***

Результаты теста Спилбергера

Тревожность в группе психически здоровых лиц, совершивших агрессивные правонарушения, выше по обеим шкалам теста (табл. 3). Достаточно высокой уровень значимости различий обнаружен по шкале ситуативная тревожность. На наш взгляд, это ожидаемый результат: низкие показатели «социальной пластичности» и шкал методики «Поиск ощущений» определяют доминирование мотивации избегания неуспеха и консерватизм в выборе круга и способов общения, а высокие показатели «эмоциональности» – неуверенность в себе, чувство неполноценности, тревогу при столкновении с неудачами.

Таблица 3

Средние значения шкал теста Спилбергера

Шкала	Группа		Уровень значимости
	О n=18	К n=30	
Ситуативная тревожность	43,2±2,4	40,4±1,5	p=0,337
Личностная тревожность	53,3±3,5	35,2±1,1	p=0,000

Похожие данные были получены у лиц с РЛ [13], но у них, в отличие от психически здоровых обвиняемых, были выявлены и высокие, значимо отличающиеся от данных контрольной группы, показатели ситуативной тревожности.

Результаты опросника уровня субъективного контроля

Таблица 4

Средние значения шкал опросника УСК

№/п	Название шкалы	Группа		Уровень значимости
		О n =16	К n =32	
1	Общая	47,2±2,6	53,4 ± 2,2	p=0,079
2	В области достижений	55,3 ± 2,7	55,3 ± 2,5	p=0,999
3	В области неудач	44,0 ± 2,8	51,8 ± 2,0	p=0,032*
4	В семье	54,1 ±2,2	50,5 ± 2,4	p=0,273
5	В производственных отношениях	45,7 ± 2,1	49,8 ±1,4	p=0,106
6	В межличностных отношениях	51,1 ± 2,2	55,7 ± 1,7	p=0,104
7	В области здоровья	44,9 ± 3,1	47,1 ±1,8	p=0,557

Сравнительный анализ шкал УСК показал межгрупповые различия по шкале локуса контроля в сфере неудач – уровень интернальности в основной группе существенно ниже (табл. 4). Лица из контрольной группы, не совершавшие правонарушений, в большей степени склонны брать на себя ответственность за неудачи. В то же время, по результатам ОСТ, они менее эмоционально переживают свои неудачи и, при их возникновении, берут ответственность на себя и могут осознанно и произвольно осуществлять коррекцию своего поведения. Психически здоровые лица, склонные к импульсивной агрессии, напротив, возлагают ответственность за причины своих неудач на внешние факторы (поведение других людей, судьба, случай и т. п.), что затрудняет способность контроля и коррекции своих поступков.

Интересно, что в группе обвиняемых с РЛ [13] экстернальность достоверно выше, чем у контрольной группы, практически по всем показателям УСК, тогда как у психически здоровых правонарушителей значимые различия выявились по уровню субъективного контроля только в области неудач.

Результаты теста Басса-Дарки

По большинству шкал, отражающих уровень агрессивных влечений, показатели в основной группе ниже по сравнению с контрольной (табл. 5), при отсутствии, однако, значимых различий. Исключение составляет шкала «подозрительность», значение которого выше в группе подэкспертных лиц. Соответственно, в основной группе заметно выше и «индекс враждебности».

Таблица 5

Средние значения шкал теста Басса-Дарки

№/п	Шкала	Группа		Уровень значимости
		О n=17	К n= 32	
1	Физическая агрессия (ФА)	52,4±5,9	56,7±3,9	p=0,539
2	Косвенная агрессия (КА)	47,1±5,4	54,5±3,4	p=0,266
3	Раздражение (Р)	31,4±6,3	41,2 ± 4,4	p=0,210
4	Негативизм (Н)	40,0±6,1	47,3±5,2	p=0,468
5	Обида (О)	49,6±6,1	49,6 ± 4,2	p=0,996
6	Подозрительность (П)	45,9±6,3	30,0±3,6	p=0,036*
7	Вербальная агрессия (ВА)	44,3±4,1	48,5±3,8	p=0,453
8	Чувство вины (ЧВ)	69,9±5,8	57,7±4,2	p=0,096
9	Общий индекс агрессивности (ОИА=ФА+КА+ВА)	47,5±4,3	52,8±3,0	p=0,321
10	Индекс враждебности (ИВ=О+П)	48,7±4,8	39,0±3,4	p=0,113

Показатели опросника, связанные с разными видами агрессивности, в основной группе значимо не отличаются от данных контрольной группы. Более того, если сравнивать абсолютные цифры, то видно, что они у лиц, совершивших агрессивные преступления, даже ниже, включая общий уровень агрессивности (табл. 5). Согласно типологии криминальной агрессии Ф.С. Сафуанова [10; 12], в генезе противоправного агрессивного поведения большее значение имеет не высокий уровень агрессивности, а уровень сформированности личностных структур (ценностных, коммуникативных, эмоциональных, диспозиционных, интеллектуальных), оказывающих тормозящее влияние на агрессивные побуждения и намерения. Такая закономерность, к примеру, была выявлена у страдающих алкоголизмом: уровень агрессивности у тех больных, кто совершил агрессивные преступления, оказался достоверно ниже, чем у тех, кто не совершал правонарушений, однако последние отличались относительной сохранностью личностных ингибиторов агрессии [11].

Различия между группами касаются не уровня агрессивности, а показателей опросника, связанных с враждебностью. Враждебность, в отличие от агрессивности, отражает не готовность к инициативному агрессивному поведению или агрессивному реагированию на психотравмирующие воздействия, а общее эмоциональное и рационализируемое отношение к объектам, явлениям, другим людям, которые в специфичной картине мира субъекта наделяются негативными характеристиками [5]. Враждебность связана не столько с мотивацией поступков, как агрессивность, сколько с системой отношений человека, с его социальными установками, в структуре которых, как показано еще Р. Ла-Пьером [1], эмоционально-когнитивные аспекты могут противоречить поведенческим. В то же время, как было показано в предыдущих исследованиях, высокая враждебность тесно связана именно с импульсивной агрессией, и у лиц с РЛ [13], и у больных ОПР [7].

Корреляционный анализ взаимосвязей показателей методик

Интересными представляются данные о своеобразии корреляций между различными психометрическими шкалами в исследуемых группах. В корреляционных плеядах (рис.1, 2) представлены только корреляции с высоким уровнем значимости ($p < 0,001$).

В контрольной группе (рис. 1) показатели практически всех использованных методик оказались достаточно взаимосвязанными. Выделяется блок шкал, отражающих особенности темперамента («эмоциональность» и «социальная эмоциональность»), склонность к агрессии («косвенная агрессия», «раздражение», «подозрительность», «обида») и тревожность. Наличие отрицательных корреляций большинства параметров уровня субъективного контроля с этим блоком (через шкалу «обида», как компонента враждебности) показывает, что склонность к внешнеобвиняющим реакциям вследствие несовпадения ожидаемого результата действия с реальным у психически здоровых правопослушных граждан блокируется высоким уровнем их интернальности в разнообразных сферах. «Интернальность в области здоровья», в свою очередь, является ингибитором поиска ощущений и склонности к риску, связанных с «пластичностью», т. е. гибкостью программирования, готовностью к переключению с одних программ поведения на другие.

Как видно из рис. 2, основной корреляционный блок в группе психически здоровых правонарушителей представлен шкалами «эмоциональность», «социальная эмоциональность», «раздражение», «чувство вины», «личностная тревожность» и «косвенная агрессия», т. е. показателями тестов, связанных с предвосхищением результата и соотношением ожидаемого результата с полученным, а также последующей преимущественно агрессивной реакцией при их несоответствии. Положительная корреляционная связь шкалы «чувство вины» с этими показателями показывает, что в основной группе чувство вины не является фактором, тормозящим агрессивные побуждения.

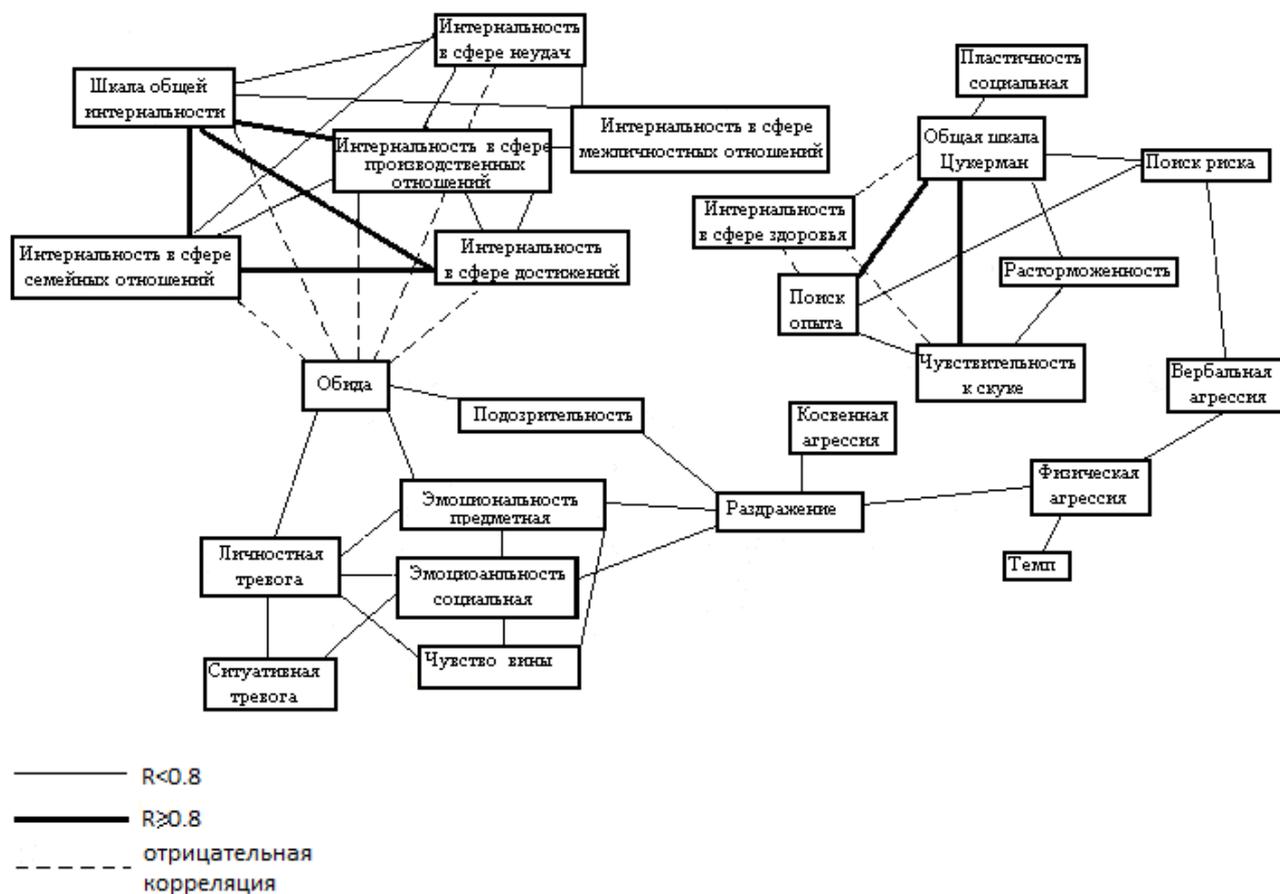

Рис. 1. Корреляционные связи ($p < 0,001$) между психометрическими шкалами в контрольной группе. R – коэффициент корреляции

В отличие от контрольной группы, шкалы теста Цукермана и опросника УСК располагаются отдельно, не связаны с основным фрагментом корреляционной плеяды ни положительными, ни отрицательными связями. Отсутствие отрицательных корреляционных связей свидетельствует о том, что интернальный локус контроля в основной группе не выполняет роль личностных структур, оказывающих тормозящее влияние на агрессивные побуждения или намерения.

Анализ корреляционных связей, уникальных для основной и контрольной групп, указывает на еще одно важное отличие: следствием эмоциональной чувствительности к несопадению ожидаемого и полученного результатов у психически здоровых лиц, не совершавших правонарушений, является усиление враждебности («эмоциональность–обида»), а у правонарушителей – агрессивные реакции («эмоциональность–раздражение», «эмоциональность– вербальная агрессия», «эмоциональность– косвенная агрессия»). При этом в контрольной группе враждебность блокируется интернальным локусом контроля, а агрессивные реакции в основной группе – нет.

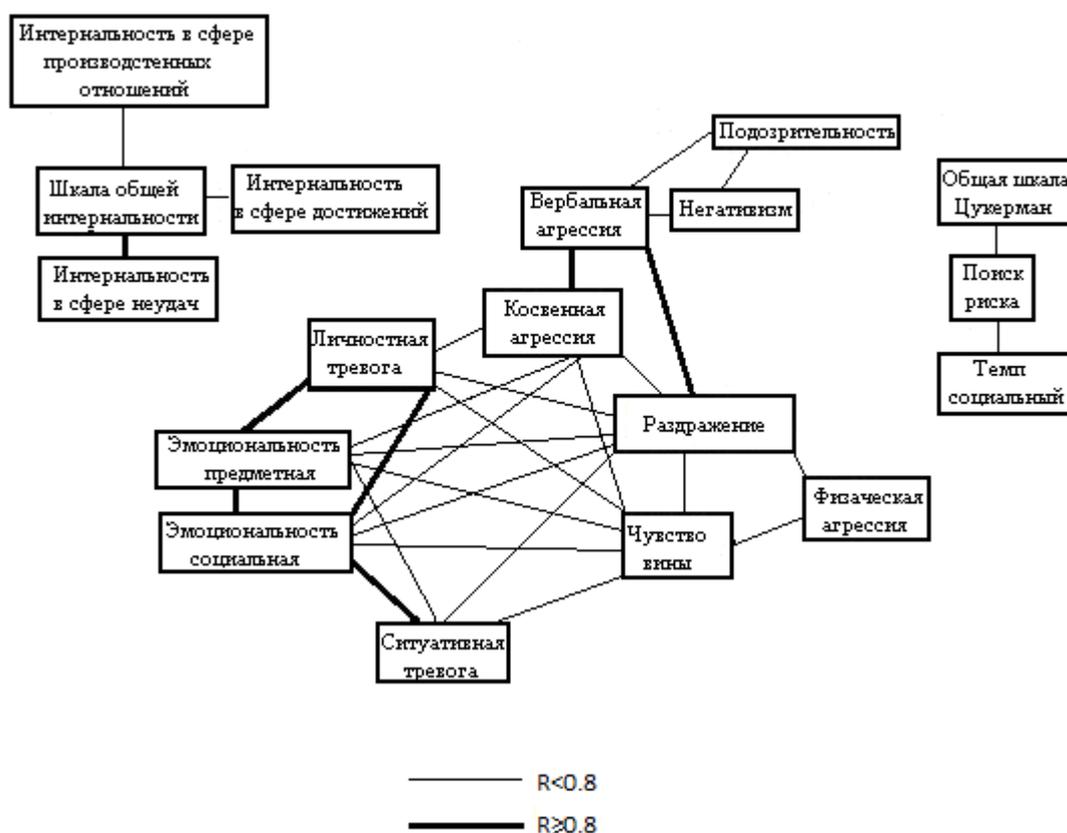

Рис. 2. Корреляционные связи ($p < 0,001$) между психометрическими шкалами в основной группе. R – коэффициент корреляции

Заключение

Исследование показало, что врожденные особенности протекания нервных процессов и патохарактерологические свойства человека личности могут относиться к предикторам импульсивной агрессии у психически здоровых людей. В частности, можно утверждать, что психически здоровые лица, склонные к импульсивной агрессии, испытывают затруднения в регуляции своих действий в звене программирования социального взаимодействия, у них обнаруживается низкий уровень готовности вступать в социальные контакты, они ригидны в общении («социальная пластичность»). Трудности смены социальной обстановки, переключения видов деятельности обуславливают у них снижение видов активности, связанных с риском, расширением сфер деятельности, стремлением к преодолению социальных ограничений (низкие показатели шкал поиска ощущений).

У обвиняемых в агрессивных преступлениях выявляются и особенности блока обратной связи: у них выше, чем в контрольной группе, чувствительность к несовпадению ожидаемого и полученного результатов («эмоциональность»). Вследствие этого они склонны испытывать, особенно в связи с неудачами, отрицательные переживания, связанные с перекладыванием ответственности на других («низкий уровень интернальности локуса контроля в области неудач»), усилением враждебности и возникновением агрессивных реакций (по результатам корреляционного анализа – высокая положительная связь шкалы «эмоциональность» с показателями «раздражение»,

«косвенная агрессия», «вербальная агрессия»), которые, в отличие от результатов в контрольной группе, не оттормаживаются личностными структурами, преградными по отношению к агрессивным импульсам или враждебности (в частности, интернальным локусом контроля).

Таблица 6

Наличие нарушений в регуляции поведенческого акта

Группы	Стадии действия			Враждебность	Реакция на обратную афферентацию
	Афферентный синтез	Программирование	Обратная афферентация		
Контрольная группа	-	-	-	-	Нет агрессии
Психически здоровые обвиняемые	-	+	+	+	Импульсивная агрессия
		Социальная пластичность	Эмоциональность	Подозрительность	
Обвиняемые с органическим психическим расстройством	+	-	+	+	
	Эргичность Социальная эргичность		Социальная эмоциональность	Подозрительность Обида	
Обвиняемые с расстройством личности	+	+	+	+	
	Эргичность	Пластичность	Эмоциональность Социальная эмоциональность	Подозрительность Обида	

Сравнение результатов психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии, с аналогичными данными лиц с пограничными психическими расстройствами, не исключая вменяемости [7; 13], показывает (табл. 6), что наиболее общее нарушение регуляции действия при импульсивной агрессии проявляется на стадии обратной афферентации, при сравнении ожидаемого результата действия с реальным. Кроме того, у психически здоровых и у лиц с РЛ страдает звено программирования, формирования акцептора результата действия (у здоровых – в сфере социальных действий, у психопатических личностей – предметных). И у лиц с ОПР, и у лиц с РЛ дефектность регуляции проявляется уже на начальной стадии поведенческого акта, на стадии афферентного синтеза. У всех групп подэкспертных выявляется враждебность (у

психически здоровых более редуцированная, проявляющаяся в показателе «подозрительность») как важное условие формирования импульсивной агрессии.

Результаты исследования в большей мере подтверждают вторую из сформулированных нами гипотез: и у психически здоровых, и у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в основе импульсивной агрессии лежат нарушения различных звеньев функциональной системы, особенно на стадии обратной афферентации. В генезе импульсивной агрессии более значимую роль играет высокий уровень враждебности, а не агрессивности. В то же время, как видно из полученных данных, фактор психического расстройства все же вносит свой вклад в механизм импульсивной агрессии, определяя увеличение нарушенных звеньев саморегуляции и их нозологическое своеобразие.

Литература

1. Андреева, Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс, 2015. 368 с.
2. Анохин П.К. Избранные труды: Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979. 453 с.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 516 с.
4. Ениколопов С.Н. Опросник Басса–Дарки // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Моск. гос. университет, 1990. С. 6.
5. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
6. Иващенко О.И., Берус А.В., Журавлев А.Б., Мямлин В.В. Индивидуально-типологические особенности базовых свойств личности (темперамента) в норме и их ЭЭГ-корреляты // Физиология человека. 1999. № 2. С. 46–55.
7. Киренская-Берус А.В., Журавлев А.Б., Мямлин В.В. Взаимосвязь спектральных характеристик ЭЭГ и психологических аспектов predisпозиции к гомицидному поведению у лиц с органическим поражением мозга // Российский психиатрический журнал. 2001. №. 6. С. 32–38.
8. Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Моск. гос. университет, 1988. С. 135–140.
9. Русалов В.М. Опросник структуры темперамента: метод. пособие. М.: Смысл, 1992. 36 с.
10. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
11. Сафуанов Ф.С., Иконникова Е.Ю., Филимонова Т.Н., Игонин А.Л. Психологические механизмы агрессивных действий, совершенных в состоянии алкогольного опьянения больными алкоголизмом // Российский психиатрический журнал.

1997. № 3. С.34–37.

12. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 4. С. 44–58. doi:10.17759/psylaw.2017070405
13. Сафуанов Ф.С., Киренская А.В., Ткаченко А.А., Телешева К.Ю., Корнилова С.В., Мямлин В.В. Патохарактерологические особенности лиц с психическими расстройствами, склонных к импульсивной агрессии [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 29. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.05.2018).
14. Снедков Е.В. Импульсивная агрессия: распознавание и выбор фармакотерапии // *Неврологический вестник. Журнал имени В.М. Бехтерева*. 2018. Т. L. № 1. С. 77–91.
15. Сторожева З.И., Киренская А.В., Телешева К.Ю., Ткаченко А.А., Усюкина М.В. Особенности фильтрации сенсорной и сенсомоторной информации у лиц с импульсивным агрессивным поведением // *Психическое здоровье – фактор социальной стабильности и гармоничного развития общества: Материалы Пятого национального конгресса по социальной и клинической психиатрии: тезисы участников*. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2013. С. 60.
16. Ханин Ю.Л. Стандартный алгоритм адаптации зарубежных опросных методов // *Психологические проблемы предсоревновательной подготовки квалифицированных спортсменов*. Л.: ЛНИИФК, 1977. С.129–135.

Pathocharacterological signs of mentally healthy individuals, prone to impulsive aggression

Safuanov F.S., *Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Telesheva K.Yu., *Junior Researcher of Laboratory of Clinical Neurophysiology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (tel86@inbox.ru)*

Myamlin V.V., *Ph.D. (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Clinical Neurophysiology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (vad.myamlin@yandex.ru)*

Kirenskaya A.V., *Dr.Sci. (Biology), Head of the Laboratory of Clinical Neurophysiology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (neuro11@yandex.ru)*

The experimental psychological study of mentally healthy offenders accused of crimes committed by the mechanism of impulsive aggression was provided. The control group consisted of healthy male volunteers who did not commit offenses. The battery of psychometric techniques was applied, notably questionnaires of Spielberger, Rusalov's structure of temperament questionnaire, Rotter's modified version of the subjective control level assessment, Zuckerman and Buss-Durkee questionnaires. It was shown that the core of pathocharacterological complex of healthy individuals prone to impulsive aggression is temperamental features associated with changes in such components of functional system as afferent synthesis, acceptor of action results, and feedback afferentation. A comparative analysis of the results of mentally healthy persons and persons with borderline psychiatric disorders (that do not exclude responsibility) confirmed the hypothesis that, on the whole, the mechanism of impulsive aggression is not determined by the factor of mental disorder.

Key words: a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, impulsive aggression, pathocharacterological signs, temperament, hostility, psychiatric disorders not excluding responsibility.

References

1. Andreeva, G. M. Social'naya psihologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt press, 2015. 368 P.
2. Anohin P.K. Izbrannye trudy: Sistemnye mekhanizmy vysshej nervnoj deyatel'nosti [Selected works: System mechanisms of higher nervous activity]. Moscow: Nauka, 1979, 453 p.
3. Berkovic L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol' [Aggression: causes, consequences and control]. Saint-Petersburg: Prajm-Evroznak, 2001, 516 p.
4. Enikolopov S.N. Oprosnik Bassa-Durkee [Bass-Durkee questionnaire]. Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnostika motivacii i samoregulyacii [Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation]. Moscow: Mosk. gos. universitet, 1990, p. 6.
5. Enikolopov S.N. Ponyatie agressii v sovremennoj psihologii [The concept of aggression in modern psychology]. *Prikladnaya psihologiya [Applied psychology]*. 2001, no. 1, pp. 60–72.
6. Ivashchenko O.I., Berus A.V., Zhuravlev A.B., Myamlin V.V. Individual'no-tipologicheskie osobennosti bazovyh svojstv lichnosti (temperamenta) v norme i ih EEG-korrelyaty [Individual-typological features of the basic properties of personality (temperament) in the norm and their EEG-correlates]. *Fiziologiya cheloveka [Human physiology]*. 1999, no. 2, pp. 46–55.
7. Kirenskaya-Berus A.V., Zhuravlev A.B., Myamlin V.V. Vzaimosvyaz' spektral'nyh karakteristik EEG i psihologicheskikh aspektov predispozicii k gomicidnomu povedeniyu u lic s organicheskim porazheniem mozga [Interrelation of spectral characteristics of EEG and psychological aspects of predisposition to suicidal behavior in persons with organic brain damage]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 2001, no. 6, pp. 32–38.
8. Praktikum po psihodiagnostike: Psihodiagnosticheskie materialy [Workshop on psychological diagnostics: Psychodiagnostic materials]. Moscow: Mosk. gos. universitet, 1988, pp. 135–140.
9. Rusalov V.M. Oprosnik struktury temperamenta: metodicheskoe posobie [The questionnaire structure of temperament: a methodological guide]. Moscow: Smysl, 1992, 36 p.
10. Safuanov F.S. Psihologiya kriminal'noj agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003, 300 p.
11. Safuanov F.S., Ikonnikova E.YU., Filimonova T.N., Igonin A.L. Psihologicheskie mekhanizmy agressivnyh dejstvij, sovershennyh v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya bol'nymi alkogolizmom [Psychological mechanisms of aggressive actions committed in the state of alcoholic intoxication by patients with alcoholism]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 1997, no. 3, pp.34-37.

12. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Car'kov A.E. Kliniko-psihologicheskie faktory kriminal'noj agressii [Elektronnyj resurs] [Clinical and psychological factors of criminal aggression]. *Psihologiya i pravo [Psychology and law]*. 2017, no. 4, pp. 44–58. doi:10.17759/psylaw.2017070405.
13. Safuanov F.S., Kirenskaya A.V., Tkachenko A.A., Telesheva K.YU., Kornilova S.V., Myamlin V.V. Patoharakterologicheskie osobennosti lic s psihicheskimi rasstrojstvami, sklonnyh k impul'sivnoj agressii [Patoharakterologicheskie characteristics of persons with mental disorders are prone to impulsive aggression]. *Psihologicheskie issledovaniya [Psychological research]*. 2013, no. 29, pp. 6. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 21.05.2018).
14. Snedkov E.V. Impul'sivnaya agressiya: raspoznavanie i vybor farmakoterapii [Impulsive aggression: recognition and choice of pharmacotherapy]. *Nevrologicheskij vestnik. Zhurnal im. V.M. Bekhtereva [Neurological Bulletin. Magazine named after V. M. Bekhterev]*. 2018, no. 1, pp. 77-91.
15. Storozheva Z.I., Kirenskaya A.V., Telesheva K.YU., Tkachenko A.A., Usyukina M.V. Osobennosti fil'tracii sensornoj i sensomotornoj informacii u lic s impul'sivnym agressivnym povedeniem [Features of filtering sensory and sensorimotor information in persons with impulsive aggressive behavior]. *Psihicheskoe zdorov'e – faktor social'noj stabil'nosti i garmonichnogo razvitiya obshchestva. Materialy Pyatogo nacional'nogo kongressa po social'noj i klinicheskoy psihiatrii: tezisy uchastnikov [Mental health is a factor of social stability and harmonious development of society. Proceedings of the Fifth national Congress of social and clinical psychiatry]*. 2013, pp. 60.
16. Hanin YU.L. Standartnyj algoritm adaptacii zarubezhnyh oprosnyh metodov [Standard algorithm of adaptation of foreign survey methods]. *Psihologicheskie problemy pedsorevnovatel'noj podgotovki kvalificirovannyh sportsmenov [Psychological problems of pre-competition training of qualified athletes]*. Leningrad: LNIIFK, 1977, pp.129-135.

Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде

Сердюк Н.В., доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО Академия управления МВД России (natalyaserduk@inbox.ru)

Грищенко Л.Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях ФГКОУ ВО Академия управления МВД России (uvd-osob@mail.ru)

Столяренко А.М., Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО Академия управления МВД России (amstol@mail.ru)

В статье раскрываются значимые характеристики феномена экстремизма, показаны особенности его проявления в молодежной среде. Специфика проблемы профилактики экстремизма в молодежной среде связана с тем обстоятельством, что только лишь мерами правового регулирования данная проблема решена быть не может. Поэтому среди путей решения можно выделить психолого-педагогические меры по правовому воспитанию молодежи и подростков, их виктимологической профилактике, пропаганде правовых знаний, развитию правового мышления, ответственности за свои поступки, гражданственности и патриотизма. В статье приводятся такие психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде, которые связаны с психолого-педагогической компетентностью сотрудников органов внутренних дел в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде, выявленной на основе исследования профессионально-личностной готовности сотрудников органов внутренних дел к противодействию информационным угрозам в сети Интернет. Исследование проводилось с 2016 по 2018 гг. на базе Академии управления МВД России. В опросе приняли участие сотрудники и руководители органов внутренних дел (N – 236).

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, профилактика, психолого-педагогические аспекты, правовое воспитание, правовая пропаганда, патриотизм.

Для цитаты:

Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 167-178.

doi: 10.17759/psylaw.2018080312

For citation:

Serdyuk N.V., Grishenko L.L., Stolyarenko A.M. Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in youth. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 167-178. doi: 10.17759/psylaw.2018080312

Среди основных источников угроз современной России – экстремизм в молодежной среде: «лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности» [9]. Молодежь выступает важнейшей адресной группой устремлений идеологов, пропагандистов и вербовщиков экстремистских и террористических объединений. Вместе с тем меры противодействия экстремизму и его проявлениям, в том числе в молодежной среде, определены в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации до 2020 года [7] и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [9].

Актуальность обозначенной темы подтверждают статистические данные. Так, в 2017 году количество регистрируемых уголовно наказуемых деяний экстремистской направленности составило 1521 преступление (+4,9 %)¹, из них 909 (+1,1 %) – зафиксированы документально сотрудниками органов внутренних дел. Значительная часть, свыше 85 % фактов (1295; +2,9 %), приходится на преступления, квалифицируемые по ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды по экстремистским мотивам) и ст. 280 УК РФ (призывы к осуществлению экстремистской деятельности) [6]. Также неуклонно растет и число лиц, вовлеченных в экстремистскую и террористическую деятельность.

Одной из наиболее уязвимых социальных групп, в среду которых достаточно часто проникает «вирус экстремизма», является молодежь. Это становится возможным в силу недостаточной социальной адаптации молодых людей и, как следствие, возникновение в их сознании асоциальных установок, вызывающих противоправные способы самореализации. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, наиболее подверженной деструктивному влиянию, легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Молодые граждане зачастую пополняют ряды экстремистских организаций, которые в свою очередь активно используют российскую молодежь в своих политических интересах.

В молодежной среде экстремизм проявляется, прежде всего, в деформации сознания, которое приводит к увлечению идеями национализма, шовинизма, сепаратизма, расизма и неофашизма, нетрадиционными религиозными верованиями, в вовлеченности в деятельность радикальных движений, сообществ, групп путем совершения определенных противоправных действий. В течение последних лет в ряде регионов России активизировались неформальные молодежные группировки право- и леворадикальной направленности, участились случаи нападения на иностранных граждан со стороны

¹ Здесь и далее – по сравнению с 2016 г.

активистов молодежных группировок, скинхедов. По данным МВД России, в настоящее время изменилась не только динамика нападений экстремистски настроенных молодых людей, но претерпела изменение и тактика подобных акций. Отмечается тревожная тенденция увеличения смертельных исходов в результате националистически мотивированного насилия [6]. Данные тенденции стремятся использовать в своих интересах представители партий и движений, активно разыгрывающих «национальную карту» и пытающихся привлечь на свою сторону скинхедов и членов группировок футбольных фанатов.

Для идеологии и психологии экстремизма свойственны: положения о расовом, национальном или религиозном превосходстве; нетерпимость к инакомыслию; воспрепятствование поиску плюрализма и достижению консенсуса [8]. Такие идеи, при затруднении социальной адаптации молодых людей в обществе, приводят к асоциальной ориентации, а их сознание становится подверженным проникновению экстремистских установок.

Впоследствии идеи экстремизма могут провоцировать совершение преступных действий, таких как: терроризм, причинение тяжких телесных повреждений и убийство людей, массовые выступления и беспорядки и т. д. [1]. Основной движущей силой различных акций протеста, шествий, собраний и демонстраций, в том числе проводимых незаконно, в последнее время все больше становятся представители молодежи.

На территории Российской Федерации участились случаи распространения в молодежной среде экстремистских печатных изданий, в том числе подготовленных за рубежом, в которых содержатся призывы к национализму, ксенофобии, нетерпимости к лицам иной национальности или вероисповедания, расовой дискриминации, сепаратизму [1].

Кроме того, в последнее время экстремистами все более активно используются возможности телекоммуникационной сети, включая Интернет, как для распространения подобных материалов в молодежной среде, так и для координации действий экстремистских группировок при проведении массовых акций [11].

Важно отметить, что экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности части молодежи как особой социальной группы и специфической возрастной категории населения. Молодежь в целом субъектом экстремизма быть не может. Она может быть лишь социальной средой экстремистских проявлений [2, 22].

Анализ способов решения выявленной проблемы

Очевидно, что для противодействия экстремизму в молодежной среде необходима кропотливая, обоснованная и заранее спланированная профилактическая работа. Стратегия противодействия экстремизму содержит целый комплекс задач, направленных на организацию досуга молодежи, воспитание чувства патриотизма, умения противостоять социально опасному поведению. Профилактическая работа в молодежной среде становится основным методом борьбы с экстремистской идеологией, т.к. только организационные,

воспитательные и психолого-пропагандистские меры в комплексе способны дать наилучший результат.

При организации работы по профилактике экстремизма необходимо учитывать, что она представляет собой систему, включающую несколько уровней:

1. Вся молодежь, проживающая на территории Российской Федерации. На этом уровне необходимо осуществление общих профилактических мероприятий, ориентированных на повышение жизненных возможностей молодых людей, снижение чувства незащищенности, невостребованности, создание условий для их полноценной самореализации и жизнедеятельности.

2. Молодежь, находящаяся в ситуации возможного «попадания» в поле экстремистской активности (молодежь в «зоне риска»). В данном контексте деятельность по профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде должна быть направлена на молодых людей, чья жизненная ситуация позволяет предположить возможность их включения в поле экстремистской активности. К таким категориям могут быть отнесены: выходцы из неблагополучных, социально-дезорientированных семей, с низким социально-экономическим статусом, недостаточным образовательным уровнем, имеющим склонность к трансляции девиаций (алкоголизм, наркомания, физическое и психологическое насилие); «золотая молодежь», склонная к безнаказанности и вседозволенности, экстремальному досугу и рассматривающая участие в экстремистской субкультуре как естественное времяпровождение; дети, подростки, молодежь, имеющие склонность к агрессии, силовому методу решения проблем и споров, с неразвитыми навыками рефлексии и саморегуляции; носители молодежных субкультур, участники неформальных объединений и склонные к девиации уличных компаний; собственно члены экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект [5].

При организации профилактической работы учителям образовательных организаций среднего образования, педагогическим работникам образовательных организаций высшего образования, социальным педагогам, сотрудникам правоохранительных органов, всем заинтересованным ведомствам и лицам важно учитывать социально-экономические и психолого-педагогические особенности разных периодов, в которых пребывают подростки и молодежь. Наиболее опасным, с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности, является возраст от 14 до 22 лет [10]. На это время приходится наложение двух важнейших социально-психологических факторов. В психологическом плане подростковый возраст и юность характеризуются развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. Именно в это время подросток озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая формируется зачастую по самой примитивной схеме «мы-они». Подростковому возрасту характерна неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию. В социальном плане большое количество молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет оказываются в ситуации разорванных привычных коммуникативных связей (семья, близкие) и вынужденной маргинализации, когда их поведение не определено никакими социально-экономическими факторами (перспективная постоянная работа, наличие собственности и пр.). Немалое количество молодых людей, продолжая образование, зачастую покидают привычные регион, родной город, оказываясь в ситуации ложно понятой свободы, а по факту – полной социальной незащищенности. В итоге молодой человек мобилен, готов к различного рода, порой жестоким, экспериментам, в том числе с

собственной жизнью, участием в акциях, митингах и даже погромах. При этом психологическая готовность к подобным действиям усиливается низкой материальной обеспеченностью, в связи с чем участие в организованных кем-либо акциях протеста может рассматриваться как допустимая возможность дополнительного заработка. Поиск молодыми людьми идентичности, попытки закрепиться в жизни ведут к неуверенности, желанию сформировать круг близких по духу людей, найти ответственного за все беды и неудачи. Таким кругом вполне может стать экстремистская среда, неформальное объединение, политическая радикальная организация или тоталитарная секта.

В этой связи основными направлениями профилактики экстремизма в молодежной среде могут стать: оптимизация социальной среды, в которой находятся молодые россияне, ее улучшение, создание в ней социально-психологических и социально-педагогических пространств для конструктивного взаимодействия, стимулирования у молодежи положительных эмоций от участия в реализации социальных проектов, от анализа достижимых перспектив, а также от реального опыта решения проблем молодого поколения; формирование социально-психологических механизмов воздействия на молодежное экстремистское поле, разработка методов его дезавуирования, организация на его месте конструктивных социальных зон; создание механизмов эффективного влияния на процесс социализации личности, включения молодых людей в социокультурное пространство ближайшего сообщества и социума в целом для формирования толерантных, ответственных личностей, ориентированных на ценности гражданственности и патриотизма; разработка системы психокоррекционной работы, нацеленной на профилактику агрессии, развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции, формирование навыков толерантного поведения, выхода из деструктивных культов, организаций, субкультур.

При организации системной работы по профилактике экстремизма в молодежной среде необходимо учитывать психолого-педагогические особенности как социальной группы (молодежь), так и самого вида данной деятельности.

Во-первых, необходимо учитывать тот факт, что непосредственная, прямая профилактика не дает практически никакого эффекта в силу социально-психологических и возрастных особенностей объектов профилактики (молодежь, подростки), зачастую желающих противопоставить себя окружающим, самоутвердиться посредством крайних, чрезмерных, откровенно экстремистских форм поведения.

Во-вторых, главное внимание социальных педагогов, преподавателей, родителей, правоохранителей, т. е. субъектов профилактики, должно быть сосредоточено на особой социально-психологической ситуации в жизни молодого человека, которая приходится на возрастной период от 14 до 22 лет [10, 54].

В-третьих, в основу организации профилактической работы в молодежной среде должна лечь психолого-педагогическая компетентность самих субъектов профилактической деятельности, которые зачастую ею не обладают (например, среди сотрудников органов внутренних дел специальную психолого-педагогическую подготовку проходят только инспекторы по делам несовершеннолетних и участковые уполномоченные). В то же время, сотрудниками органов внутренних дел в реализации социально-педагогических функций правоохранительной деятельности решаются задачи по правовому воспитанию молодежи и подростков, их виктимологической профилактике,

пропаганде правовых знаний, развитию правового мышления, ответственности за свои поступки, гражданственности и патриотизма.

Обоснование необходимости исследований в области профилактики экстремизма в молодежной среде

Основными факторами, оказывающими влияние на возникновение экстремистских проявлений в молодежной среде, являются: обострение социальной напряженности среди молодежи; криминализация ряда сфер общественной жизни; изменение ценностных ориентаций; проявление так называемого «исламского фактора»; рост национализма и сепаратизма; наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций; использование в деструктивных целях психологического фактора; использование сети Интернет в противоправных целях.

В целях вовлечения в ряды экстремистских организаций новых адептов их руководители учитывают различные психологические аспекты. В частности, молодежный возраст, который с психологической точки зрения характеризуется незавершенностью процессов социализации и недостаточной социально-психологической зрелостью молодых людей, вследствие чего возникает их идеологическая неопределенность, неустойчивость, а также стремление к радикальному обновлению форм и способов жизнедеятельности [11]. Кроме того, они поверхностно воспринимают противоречия, возникающие в состоянии и устройстве общества, и склонны к максимализму и проявлению различных форм социального протеста.

Основной проблемой для лиц этого возраста становится, прежде всего, неадекватность в выборе средств и способов достижения жизненных целей, которая может быть связана с влиянием отрицательных факторов социальной среды, таких как: экономическое неравенство; принципы распределения собственности; высокая социальная напряженность и конфликтность в обществе; отсутствие целенаправленного процесса социализации; утрата системы духовных ценностей; ослабление, а в отдельных случаях – отсутствие регулирующей роли государства и обострение криминогенной обстановки. Все это приводит молодых людей к поиску структуры, в рядах которой, на их взгляд, возможно разрешение существующих проблем и достижение благоприятного будущего.

Но не только эти обстоятельства способствуют вовлечению молодежи в экстремистские организации и противоправную экстремистскую деятельность. Иногда это связано непосредственно с процессом социализации в обществе.

Поскольку многие молодежные организации экстремистского толка носят неформальный характер, то участие в них воспринимается как приятное времяпрепровождение в кругу сверстников, единомышленников, а также вожаков, которые их понимают, поддерживают, умеют и могут отстаивать собственное мнение, выступают лидерами организаций. При этом в большинстве случаев их члены имеют крайне незначительное представление об идеологии, лежащей в основе организации и деятельности экстремистской группировки. Молодых людей, прежде всего, привлекают символика, атрибутика и прочие внешние характеристики этих организаций. Непосредственное влияние на молодое поколение могут также оказывать агрессивные лозунги и экстремистские призывы. При этом большинство из числа молодежи не считает нарушением закона членство в экстремистских движениях [12].

Следует также отметить, что экстремистское поведение членов молодежных организаций не возникает внезапно. Его формирование осуществляется поэтапно. Некоторые исследователи выделяют три этапа формирования экстремистского поведения: причинный, организационный и поведенческий [1].

Первый этап – причинный, этап формирования среды. Очевидно, антиобщественное, агрессивное, разрушительное поведение молодежи имеет свои причины. Оно вызывается, как правило, ощущением собственной ущербности, лишений в чем-либо, имеющей социальные основания. Причины возникновения ощущения социальной обделенности могут иметь экономическую природу (резкое расслоение общества на бедных и богатых), идеологическую (разрушение идей патриотизма, девальвация духовных ценностей), психолого-педагогическую (нереализованность, невозможность достигнуть своей цели – например, получить образование).

Второй этап – организационный, предполагает формальное и неформальное членство в организациях и движениях экстремистского толка. Все вышеназванные причины являются потенциальной возможностью формирования экстремистских настроений. Для того, чтобы данная потенциальная возможность проявилась в действительности, молодым людям со сходным ощущением социально-психологической ущербности необходимо объединиться. Возникают группы, объединенные общей идеей. Происходит формирование образа «врага».

Третий этап – поведенческий, на котором проявляются конкретные действия и поступки экстремистского толка. Молодые люди, объединенные общей экстремистской идеей, в основе которой лежит чувство социальной обделенности, вступают в открытый бой с «врагом», которого надо победить.

В современной социокультурной ситуации назрела насущная необходимость оказывать активное противодействие этой идеологии на всех трех этапах формирования экстремистского поведения, не только предотвращая распространение экстремистских идей, но и пресекая их переход в активную форму – действия и формирования мировоззрения личности. Причем данная профилактическая деятельность тесно связана с потребностью проведения специальных теоретико-прикладных исследований как в области социально-психологических особенностей современной молодежной аудитории, так и продолжение исследований в области массовидных социально-психологических явлений. В частности, заслуживают внимания и отдельного изучения Интернет-технологии деструктивного либо откровенно экстремистского типа [4].

В последнее время в сети Интернет представителями националистических организаций создан ряд ресурсов, на которых пропагандируется разжигание межнациональной, расовой и религиозной вражды путем проведения Интернет-игр под общим названием «Большая игра. Сломай систему!». Целью указанной игры является пропаганда идей национал-социализма и совершение в рамках ее правил одновременных согласованных действий, в том числе по флэшмоб-технологии, выражающихся в провокационных и противоправных групповых проявлениях (от нанесения националистических символов и нацистской символики на стены жилых домов, государственных учреждений до проведения силовых акций в отношении лиц «неславянской внешности» и представителей правоохранительных органов).

Необходимо проведение специальных исследований в области профилактики экстремизма в молодежной среде вообще и выявления причин привлекательности флэшмоб-технологии для экстремистских организаций и движений в частности, поскольку участие в данных технологиях являются предтечей серьезных экстремистских и даже террористических акций, т. к. формируют менталитет управляемости среди молодежи. Исследование причин информационных угроз в сети Интернет и привлекательности флэшмоб-технологии в молодежной среде, проведенное сотрудниками и адъюнктами Академии управления МВД России среди сотрудников и руководителей подразделений Центров по противодействию экстремизму (ЦПЭ) МВД России по субъектам Российской Федерации, сотрудников подразделений уголовного розыска, отделов информации и общественных связей, управлений по работе с личным составом и подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России различного уровня в период с 2016 по 2018 гг. (N – 236), позволяют определить некоторые из них [4, 144]. В частности: 1) организация и проведение акций по флэшмоб-технологии практически не подпадают по действие законодательства Российской Федерации. Их участникам можно предъявить лишь косвенные обвинения, связанные, в основном, с нарушением общественного порядка, а организаторы остаются вне поля административно-уголовной ответственности; 2) подготовка к проведению акций по флэшмоб-технологии характеризуется высоким уровнем конспирации, что осложняет их своевременное выявление и предупреждение. Также затруднительно установить заказчиков и организаторов акций; 3) возможность перерастания рядовой акции по флэшмоб-технологии в экстремистскую путем осуществления заранее спланированных организационных мер и психологического воздействия на большие массы людей; 4) целевая аудитория по флэшмоб-технологии – это наиболее активная часть населения – молодежь, у которой система жизненных ценностей еще полностью не сформирована, ей традиционно присущи нигилизм, переоценка собственных возможностей и желание самовыражения. Этими особенностями при умелом манипулировании могут эффективно воспользоваться экстремисты в противоправных целях; 5) акции по флэшмоб-технологии зачастую могут выполнять «детонирующую» функцию: немногочисленные поначалу, они в короткий промежуток времени вовлекают в процесс посторонних людей – наблюдателей и прохожих, которые становятся сочувствующими; 6) богатый опыт наблюдения за проведением акций по флэшмоб-технологии в России и за рубежом свидетельствует о том, что эта технология уже хорошо отработана и ее следует считать одним из средств, которое может применяться при проведении акций экстремистского характера.

Анализ имеющихся теоретических трудностей

Экстремизм в молодежной среде выступает как следствие деформации процесса формирования и развития личности. Среди основных форм деформации можно выделить: снижение образовательного и культурного потенциала, разрыв преемственности ценностных и нравственных установок различных поколений, снижение показателей гражданственности и патриотизма, криминализация сознания в условиях социально-экономического кризиса и политической неопределенности. Динамика экстремизма в молодежной среде, по мнению специалистов, коррелирует с процессами социальной маргинализации, нравственным релятивизмом, сегментацией политической культуры, неопределенностью векторных тенденций развития общества [5].

Проблема распространения экстремизма в молодежной среде имеет ряд теоретических трудностей, поэтому для ее решения необходимо использовать ряд общих и специальных исследований, нацеленных, прежде всего, на профилактику этого явления.

Профилактикой экстремизма в молодежной среде может выступать система мер, направленных на выявление, устранение либо ослабление и нейтрализацию причин экстремизма, отдельных его видов, а также способствующих им условий; устранение на территории определенных регионов Российской Федерации и в социальной среде в целом ситуаций, непосредственно мотивирующих или провоцирующих на совершение экстремистских действий группами повышенного риска; выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения экстремистских действий, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия.

Для предупреждения проявлений экстремизма в молодежной среде можно выделить пять основных направлений: 1) правовое информирование об экстремизме и организациях экстремистского толка; в целом, правовое обучение и правовую пропаганду; 2) вовлечение в деятельность, альтернативную экстремистской, с яркими, увлекательными, жизнеутверждающими целями (например, общественные патриотические союзы и общественные организации); 3) повышение общего образовательного и культурного уровня молодой части населения; 4) формирование жизненных и трудовых навыков (социализация); 5) работа с молодежными лидерами (рекрутинг для реализации общественно-полезных программ).

К мерам государственной поддержки профилактики экстремизма в молодежной среде следует отнести проведение органами внутренних дел и органами государственной власти согласованной политики в отношении молодежи, а именно: разработку и реализацию специальных программ поддержки молодежи, повышающих ее гражданскую активность, в том числе способствующих расширению возможностей выбора путей самореализации в сфере трудоустройства и занятости [3].

Стратегия и тактика предупреждения социальных рисков, связанных с проявлением экстремизма в молодежной среде, должна опираться на координацию действий и повышение качества воспитательной работы, психолого-педагогического воздействия на подрастающее поколение со стороны органов власти на всех уровнях, институтов гражданского общества Российской Федерации, семьи, образовательных организаций, правоохранительных органов, общественных объединений, средств массовой информации, учреждений культуры.

Вслед за героем романа Сомерсета Моэма «Бремя страстей человеческих», жестоко экспериментирующим с собственной жизнью, можно пожелать поколению современных молодых людей: «Следуй своим желанием, но с оглядкой на полицейского за углом!».

Литература

1. *Авдеев Ю.И.* Политический экстремизм в современной России. Реформирование России: от мифов к реальности: монография / под редакцией Г.В. Осипова, В.К. Левашова. М.: ИСПИ РАН, 2001. Том 1.
2. *Афанасьева Р.М.* Социокультурные условия противодействия экстремизму в

молодежной среде (социально-философский анализ): автореф. дисс. ... канд. филос. Наук. Москва, 2007.

3. Беляева Т.Н. Противодействие экстремизму органами внутренних дел в свете реализации государственной Стратегии // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
4. Байков Д.М. Развитие у сотрудников органов внутренних дел готовности к выявлению, анализу и нейтрализации информационных угроз в сети Интернет средствами обучения и воспитания // Образование. Наука. Научные кадры: научно-практический журнал. 2018. № 1.
5. Добреньков В. Причина молодежного экстремизма в России – вакуум духовного воспитания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/13779> (дата обращения: 06.08.2018).
6. Информационные материалы к итоговой коллегии Министерства внутренних дел российской Федерации за 2017 г. М.: МВД России, 2018.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справочно-правовая система.
8. Смирнов В.Н. Психологические особенности проявления экстремизма в России // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1 (21).
9. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утверждена Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753.
10. Халифаева О.А. Особенности проявления креативности в ситуации ролевого конфликта в юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 2.
11. Филимонов О.В. Экстремистский дискурс в современной информационной среде // Полицейская деятельность. 2016. № 4.
12. Юдина А.И., Кудрин В.С. Экстремизм в молодежной среде: анализ состояния современной социально-культурной ситуации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38).

Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in youth

Serdyuk N.V., FGKOU V «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia»
(natalyaserduk@inbox.ru)

Grishchenko L.L., FGKOU V «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia»
(uvd-osob@mail.ru)

Stolyarenko A.M., FGKOU V «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia»
(amstol@mail.ru)

The issues of projecting personality developing pedagogical systems, such as underestimating the role of students' educational needs in educational projects and also underestimating impetuses and opportunities of social and cultural macro-environment are considered in the article. Subjective (needs and motives, aims, individual experience) and objective (demands, contradictions and risks, communicative and pragmatist opportunities of the environment) factors which influence personality development are named. The model of personality development in its interaction with educational environment – sequential changing student's role positions, his educational needs and necessary environmental conditions – is given. On the basis of this model the variant of a questionnaire which investigates students' educational needs, is suggested. The process of testing the questionnaire is described briefly. The results of questioning students of higher educational and further vocational educational institutions are given and analyzed. Practically significant conclusions for pedagogical projecting personality developing educational systems are made.

Key words: extremism, youth, prevention, psychological and pedagogical aspects, legal education, legal propaganda, patriotism.

References

1. Avdeev Yu.I. Politicheskii ekstremizm v sovremennoi Rossii. Reformirovanie Rossii: ot mifov k real'nosti [Political extremism in modern Russia. Reforming Russia: from myths to reality]: monografiya / Pod redaktsiei G.V. Osipova, V.K. Levashova. Moscow: ISPI RAN, 2001. Vol. 1.
2. Afanas'eva R.M. Sotsiokul'turnye usloviya protivodeistviya ekstremizmu v molodezhnoi srede (sotsial'no-filosofskii analiz) [Socio-cultural conditions of countering extremism among young people (socio-philosophical analysis)]: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Moscow, 2007.
3. Belyaeva T.N. Protivodeistvie ekstremizmu organami vnutrennikh del v svete realizatsii gosudarstvennoi Strategii [Countering extremism by the internal Affairs bodies in the

-
- light of the implementation of the state Strategy]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings Of the Academy of interior Ministry]*. 2017. № 2 (42).
4. Baikov D.M. Razvitie u sotrudnikov organov vnutrennikh del gotovnosti k vyyavleniyu, analizu i neutralizatsii informatsionnykh ugroz v seti Internet sredstvami obucheniya i vospitaniya [Development of readiness of employees of the internal Affairs bodies to identify, analyze and neutralize information threats on the Internet by means of training and education]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry: nauchno-prakticheskii zhurnal [Education. Science. Scientific personnel: scientific and practical journal]*. 2018. № 1.
 5. Dobren'kov V. Prichina molodezhnogo ekstremizma v Rossii – vakuum dukhovnogo vospitaniya [Elektronnyi resurs] [The cause of youth extremism in Russia is the vacuum of spiritual education]. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/13779> (Accessed 06.08.2018).
 6. Informatsionnye materialy k itogovoi kollegii Ministerstva vnutrennikh del rossiiskoi Federatsii za 2017 g [Information materials to the final Board of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation for 2017]. Moscow, MVD Rossii, 2018.
 7. Kontseptsiya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12.05.2009 № 537 [Elektronnyi resurs] [The concept of public security in the Russian Federation until 2020: Decree of the President of the Russian Federation of 12.05.2009 № 537]. Konsul'tant Plyus: spravочно-pravovaya sistema.
 8. Smirnov V.N. Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya ekstremizma v Rossii [Psychological peculiarities of manifestations of extremism in Russia]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings Of the Academy of interior Ministry]*. 2012. № 1 (21).
 9. Strategiya protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda: utverzhdena PrezidenVol. RF 28.11.2014 № Pr-2753 [Strategy of counteraction to extremism in the Russian Federation till 2025: approved by the President of the Russian Federation 28.11.2014 № PR-2753].
 10. Khalifaeva O.A. Osobennosti proyavleniya kreativnosti v situatsii rolevogo konflikta v yunosheskom vozraste [Features of manifestation of creativity in the situation of role conflict in adolescence]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*. 2017. Vol. 22. № 2.
 11. Filimonov O.V. Ekstremistskii diskurs v sovremennoi informatsionnoi srede [Extremist discourse in the modern information environment]. *Politseiskaya deyatel'nost' [Police activity]*. 2016. № 4.
 12. Yudina A.I., Kudrin V.S. Ekstremizm v molodezhnoi srede: analiz sostoyaniya sovremennoi sotsial'no-kul'turnoi situatsii [Extremism in the youth environment: analysis of the state of contemporary socio-cultural situation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings Of the Academy of interior Ministry]*. 2016. № 2 (38).

Особенности гендерной идентичности при педофилии и их роль в реализации аномального сексуального влечения

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (dvorian@gmail.com)

Юшина Н.Н., выпускник кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (natalia-dan@mail.ru)

Макарова Т.Е., младший научный сотрудник лаборатории судебной сексологии, федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения РФ (makarovatoma@mail.ru)

В статье наибольшее внимание уделено лицам с аномальным сексуальным влечением, реализующимся в форме педофилии. Особая роль отводится различным видам отношения к сексуальному влечению (эго-синтонному и эго-дистонному). Особенности гендерной идентичности рассматриваются через призму Я-концепции личности, что позволяет приблизиться к пониманию их роли в реализации сексуального влечения. Материалы исследования были предоставлены лабораторией судебной сексологии ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Выборку составили 53 подэкспертных, в том числе 27 – с расстройством сексуального влечения в форме педофилии и 26 – не имеющих диагностированной патологии в данной сфере, однако совершивших сексуальные действия в отношении детей. Группой сравнения выступили представители статистической нормы в количестве 27 человек. Полученные в рамках исследования результаты позволяют говорить о таких особенностях гендерной идентичности у лиц с педофилией, как выраженная фемининность образа Я и моделей поведения при взаимодействии с людьми, а также андрогинный тип образа «Я-идеального». У лиц с агрессивными тенденциями наблюдается при этом деперсонификация объекта сексуального предпочтения. Полученные данные задают ориентиры для составления проспективного портрета преступника, а также для решения ряда экспертных вопросов.

Ключевые слова: гендерная идентичность, педофилия, эго-синтонный/эго-дистонный характер отношения к сексуальному влечению, аномальное

сексуальное поведение.

Для цитаты:

Дворянчиков Н.В., Юшина Н.Н., Макарова Т.Е. Особенности гендерной идентичности при педофилии и их роль в реализации аномального сексуального влечения. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 179-189. doi: 10.17759/psylaw.2018080313

For citation:

Dvoryanchikov N.V., Yushina N.N., Makarova T.E. Gender identity of pedophiles and its role in the implementation of abnormal sexual attraction. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 179-189. doi: 10.17759/psylaw.2018080313

Сексуальное злоупотребление детьми наносит неизгладимый вред здоровью ребенка, затрагивая все сферы его жизнедеятельности. Следует отметить, что выраженность нарушений, к которым приводит сексуальное насилие, зависит, в том числе, от актуального состояния ребенка, но, даже учитывая психическое здоровье ребенка, будет наблюдаться снижение качества жизни в целом. К последствиям перенесенного в детстве сексуального насилия можно отнести нарушения сексуального поведения (например, различные девиации сексуального поведения, в том числе педофилия, промискуитет и т. д.), что сказывается на социальном функционировании, построении интимно-личностных отношений, а также создании семьи [8; 10; 14].

Важно подчеркнуть, что не все лица, совершившие сексуальные действия в отношении детей, являются педофилами. Однако в рамках данного исследования особое внимание обращено именно к медицинской патологии.

Актуальность данного исследования обусловлена возможностью более дифференцированного рассмотрения особенностей психосексуальной сферы при расстройстве сексуального влечения в форме педофилии. Результаты исследования позволяют уточнить существующие представления о гендерной идентичности лиц с педофилией в сравнении с нормативной выборкой, а также с теми, кто не имеет расстройства сексуального влечения, однако совершил сексуальные действия в отношении детей.

Понятие «идентичность» часто связывают с именем Э. Эриксона, который обозначил с помощью этого термина внутреннее постоянство и тождественность личности [16]. В рамках данной работы нас интересует понятие «гендерная идентичность», часто выступающее как синоним «половой идентичности». Мы вслед за Т.В. Бендас определяем гендерную идентичность как термин, имеющий более широкое содержание: «Гендерная идентичность – отождествление себя с определенным полом, отношение к себе как к представителю определенного пола и освоение соответствующих ему форм поведения и формирования личностных характеристик» [1, с. 200].

Гендерная идентичность является аспектом самосознания личности, который описывает переживание человеком себя как представителя определенного пола и носителя

специфических особенностей поведения, которые соотносятся с представлениями о маскулинности/фемининности [9; 12; 13]. Понятие «фемининность» отражает свойства характера и личности, связываемые с женским полом (например, пассивность, мягкость, эмоциональность и т. д.), а также ожидаемые от женщин формы поведения [2, с. 608; 5, с. 280]. Термин «маскулинность» связан с характеристиками, приписываемыми противоположному полу (например, напористость, доминантность, агрессия и т. д.), и с соответствующими формами поведения [11, с. 42].

Гендерную идентичность можно представить как часть общей Я-концепции, которая обеспечивает личности чувство адекватности вне зависимости от ситуации и изменений Я. В связи с этим данный вид идентичности изучают, используя инструментарий, первоначально разработанный для исследования Я-концепции [7, с. 19].

Структуру Я-концепции можно представить, различая следующие ее модальности:

1. Я-реальное, характеризующее представления индивида о том, какой он есть;
2. Я-идеальное, отражающее представления о том, каким индивид хотел бы быть;
3. Я-зеркальное (Я-социальное), которое связано с субъективными представлениями индивида о том, каким он предстает в глазах других людей [15, с. 136].

Мы рассматриваем особенности гендерной идентичности лиц с аномальным сексуальным влечением в форме педофилии через призму Я-концепции личности. Данная девиация считается одной из наиболее частых аномалий сексуального влечения, однако точно оценить ее распространенность затруднительно, поскольку не все люди, имеющие педофильные фантазии, склонны к их реализации [18].

Особая роль в рамках данного исследования отводилась вариантам отношения субъекта к собственному сексуальному влечению. Эго-дистонное отношение к влечению предполагает наличие критики к нему, присутствие борьбы мотивов и внутриличностного конфликта, а также характерных стратегий совладания. Аномальное влечение воспринимается как чуждое личности, и человек подсознательно стремится к замещению неприемлемого поведения. При таком отношении к сексуальному влечению нередко развиваются эмоциональные состояния, которые на самом деле ограничивают способность регуляции поведения. При эго-синтонном отношении к сексуальному влечению отсутствуют критика и внутриличностный конфликт, а значит, наблюдается спаянность личности с аномальным влечением [3; 17]. Происходит перестройка иерархии мотивов, в результате чего ведущим становится удовлетворение аномальной потребности. Соответственно, можно говорить об искажении системы личностных смыслов и включении в нее аномальной сексуальной потребности, реализация которой занимает место ведущей деятельности [3; 6].

Таким образом, аспекты гендерной идентичности рассматривались нами с учетом места аномальной сексуальной потребности в мотивационно-потребностной иерархии.

Цель исследования: определение особенностей гендерной идентичности при педофилии и их роли в реализации аномального сексуального влечения.

Предмет исследования: особенности гендерной идентичности и их роль в реализации аномального сексуального влечения у лиц с педофилией.

Объект: гендерная идентичность у лиц с педофилией.

Гипотезы:

1. Лица с расстройством сексуального влечения в форме педофилии предпочитают выраженную маскулинную модель поведения при взаимодействии с другими людьми.
2. При эго-дистонном отношении к сексуальному влечению агрессивные тенденции выражены в большей степени и существенно отличаются от таковых при эго-синтонном отношении.

Первая гипотеза связана с положением о том, что при педофилии собственная идентичность мужчины характеризуется низким уровнем маскулинности в сочетании с высоким уровнем маскулинности в представлениях о мужчинах. Наблюдается высокая фемининность образа Я, наличие инфантильных черт [4]. Таким образом, мы предполагаем, что ввиду «знаемых» представлений о мужской роли, можно наблюдать стремление компенсировать фемининные черты образа Я, избирая маскулинную модель поведения.

Вторая же гипотеза связана с наличием фрустрации у лиц с эго-дистонным отношением к влечению. Неудовлетворение своих потребностей в дальнейшем может вызывать проявления агрессии. В данном случае агрессивность выступает как специфическая черта маскулинности.

Характеристика выборки:

К первой группе относятся 27 мужчин, проходивших комплексную стационарную сексолого-психолого-психиатрическую экспертизу в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии Министерства здравоохранения Российской Федерации. У лиц данной группы диагностировано расстройство сексуального влечения в форме педофилии. Возраст подэкспертных – от 19 до 62 лет. Вторая группа представлена 26 подэкспертными, которые также проходили экспертизу в данном медицинском учреждении. Ими были совершены сексуальные действия в отношении детей, однако расстройство сексуального влечения диагностировано не было. Возраст подэкспертных – от 15 до 74 лет.

Названные группы были разделены в зависимости от характера совершенных преступлений. Мы предположили, что подэкспертные, совершившие насильственные преступления (18 представителей первой группы и 19 – второй), имеют агрессивные тенденции, тогда как у остальных такие тенденции отсутствуют или выражены в существенно меньшей степени.

Далее, группа лиц с педофилией была разделена в зависимости от отношения к сексуальному влечению следующим образом:

- 1) 19 подэкспертных – с эго-синтонным отношением к сексуальному влечению, 13 из них имеют агрессивные тенденции;

- 2) 8 подэкспертных – с эго-дистонным отношением к сексуальному влечению, 5 из них имеют агрессивные тенденции.

Третья группа испытуемых была представлена 27 мужчинами, не имеющими каких-либо психических и поведенческих отклонений, в возрасте от 25 до 45 лет.

Анализировались результаты по методикам «МиФ» (Маскулинность и Фемининность), «ЦТО» (цветовой тест отношений) и «Кодирование» (модифицированный вариант «проективного перечня» З. Старовича). Рассматривались также результаты направленного экспериментально-психологического исследования (НЭПИ) и данные комплексной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ).

Математико-статистическая обработка результатов производилась с помощью критериев U – Манна-Уитни, χ^2 – Пирсона, ϕ – Фишера, а также линейного коэффициента корреляции r Пирсона. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Выводы формулировались на основе результатов с уровнем значимости $p \leq 0,05$.

Анализ полученных данных позволяет говорить о следующих особенностях гендерной идентичности каждой из групп:

Группа лиц с педофилией

Образ «Я-реальное» характеризуется выраженным преобладанием фемининных черт над маскулинными (фемининный тип образа Я), в то время как образ «Я-идеальное» определен по андрогинному типу с незначительным преобладанием маскулинных черт над фемининными. Эмоциональное отношение подэкспертных к данным образам носит противоречивый характер. Около половины человек из данной группы оценивают оба образа положительно, остальные же – отрицательно или амбивалентно (преобладающе). «Я-социальное» характеризуется преобладанием фемининных черт. Присутствует стремление соответствовать мужскому образу. Наблюдается положительная связь образа мужчины с образами «Я-реальное», «Я-идеальное» по показателю фемининности. Для группы лиц с педофилией является значимой оценка, даваемая противоположным полом.

Группа подэкспертных без расстройства сексуального влечения

Образы «Я-реальное» и «Я-идеальное» определены по андрогинному типу. При этом образ Я подэкспертных характеризуется практически равной выраженностью маскулинных и фемининных черт, в то время как в образе «Я-идеальное» маскулинные черты преобладают незначительно. Эмоциональное отношение подэкспертных к данным образам носит противоречивый характер. Половина обследуемых оценивают образы положительно, остальные же – отрицательно или амбивалентно (преобладающе). «Я-социальное» характеризуются преобладанием маскулинных черт. Наблюдается положительная связь между образами «Я-реальное», «Я-идеальное» и моделью поведения, которую предпочитают демонстрировать подэкспертные при взаимодействии с мужчинами.

Группа лиц статистической нормы

Образы «Я-реальное» и «Я-идеальное» характеризуются преобладанием маскулинных черт (маскулинный тип образа Я). Эмоциональное отношение большинства

испытываемых к данным образам положительное, но также присутствуют и амбивалентные характеристики. «Я-социальное» характеризуются преобладанием маскулинных черт. Для данной группы лиц значима оценка как женщин, так и мужчин. При этом стоит отметить, что значимость оценивания со стороны мужчин определяется также положительными корреляционными связями по показателям маскулинности и фемининности. Обнаруживается стремление соответствовать мужскому образу.

Сравнивая группы между собой, можно говорить о значимых различиях по особенностям гендерной идентичности у лиц, входящих в их состав. Лица с педофилией имеют фемининный тип образа Я, тогда у подэкспертных без расстройства сексуального влечения преобладает андрогинный тип, а в группе нормы – маскулинный. Таким образом, в первой группе обнаружена наименее выраженная маскулинность образа Я по сравнению с другими группами. При этом образ «Я-идеального» у обеих групп подэкспертных определен по андрогинному типу, в отличие от группы нормы (маскулинный тип). Соответственно, можно говорить о более выраженной фемининности образа «Я-идеального» у подэкспертных по сравнению с нормативной частью выборки. Конфликтность между актуальным и желаемым образами Я у лиц с педофилией наблюдается только при эгодистонном отношении к собственному сексуальному влечению.

Для лиц с педофилией наиболее важна оценка, даваемая противоположным полом, тогда как для нормативной группы значима оценка как со стороны женщин, так и со стороны других мужчин. У всех обследованных присутствует стремление соответствовать мужскому образу; при этом лица с педофилией наделяют его более фемининными чертами, а представители группы нормы – маскулинными.

При сравнении образов реального и идеального сексуальных партнеров в трех группах значимых различий обнаружено не было.

Все подэкспертные более склонны к фемининным моделям поведения по сравнению с группой лиц статистической нормы, однако при педофилии это находит отражение во взаимодействии с мужчинами, а у лиц без расстройства сексуального влечения – при взаимодействии с людьми обоих полов. При этом подэкспертные без расстройства сексуального влечения демонстрируют в целом более маскулинные модели поведения, чем лица с педофилией, и выраженность маскулинных черт в образе Я у них связана с соответствующей моделью поведения, реализуемой предпочтительно при взаимодействии с мужчинами. Данный факт находит отражение при рассмотрении различий между группами подэкспертных, имеющих агрессивные тенденции. Так, склонность более выраженно демонстрировать маскулинные модели поведения при взаимодействии с людьми обоих полов наблюдается у подэкспертных без расстройства сексуального влечения при наличии агрессивных тенденций, чем у лиц с педофилией.

В группе лиц с педофилией не наблюдается значимых различий по особенностям гендерной идентичности в зависимости от наличия/отсутствия агрессивных тенденций. Однако можно говорить о том, что у обследованных с агрессивными тенденциями сексуально привлекательный образ чаще носит недифференцированный характер, а следовательно, наблюдается деперсонификация объекта сексуального предпочтения.

Таким образом, лица с педофилией в большей степени склонны к демонстрации фемининных моделей поведения при взаимодействии как с мужчинами, так и с женщинами.

При сравнении с группой подэкспертных без расстройства сексуального влечения не было обнаружено значимых различий по данному показателю. Образ «Я-идеального» у лиц с педофилией наделен скорее маскулинными чертами, чем фемининными.

Полученные результаты позволяют выдвинуть предположение о том, что «знаемые» представления о мужской роли обуславливают стремление подэкспертных соответствовать мужскому образу, однако в реальности эти испытуемые демонстрируют скорее фемининные модели поведения, являющиеся, вероятно, для них более привычными.

Нельзя однозначно говорить о выраженности агрессивных тенденций в зависимости от места аномальной потребности в мотивационной иерархии. Однако у лиц с педофилией присутствует включенность образа женщины в разряд сексуально привлекательных. Именно по показателю фемининности обнаруживаются различия между группой лиц с эго-дистонным и эго-синтонным отношением к сексуальному влечению при наличии агрессивных тенденций (он более выражен в первой группе). Таким образом, можно предположить, что фемининность образа женщины и наличие агрессивных тенденций являются неким «помощником» для подэкспертных с эго-дистонным отношением к сексуальному влечению, что позволяет им позиционировать себя приближенно к нормативной группе.

Ввиду того, что группы являются разными по численности, мы можем говорить только об определенных тенденциях. Некоторые вопросы требуют дополнительного изучения, однако полученные данные позволяют приблизиться к пониманию роли описанных особенностей в реализации сексуального влечения.

Литература

1. *Бендас Т.В.* Гендерная психология: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
2. *Гидденс Э.* Социология. Москва: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
3. *Дворянчиков, Н.В.* Психологическое исследование в сексологической экспертизе обвиняемых по сексуальным правонарушениям [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53470.shtml (дата обращения: 27.11.2017).
4. *Дворянчиков Н.В., Макарова Т.Е.* Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (дата обращения: 27.11.2017).
5. *Джерри Д. Джерри Дж.* Большой толковый социологический словарь. Т. 2. Москва: АСТ; Вече, 1999. 528 с.
6. *Зейгарник Б.В., Братусь Б.С.* Очерки по психологии аномального развития личности. Москва: МГУ, 1980. 157 с.
7. *Каменская Е.Н.* Гендерный подход в педагогике. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского

ун-та, 2006. 176 с.

8. *Каменсков М.Ю., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г.* Комплексная оценка тяжести вреда здоровью потерпевших: современное состояние проблемы // *Российский психиатрический журнал*. 2015. № 3. С. 4–12.
9. *Клецина И.С.* Гендерная психология: практикум. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
10. *Конина М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г.* Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности? // *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. Т. 22. № 2. С. 88–118.
11. *Курочкина, И.А.* Развитие гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста: дисс. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2016. 218 с.
12. *Луковцева З.В.* Актуальные вопросы и стратегии профилактики насилия на стадии свиданий в подростково-юношеских парах [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018. Т. 8. № 1. С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2018080101/
13. *Луковцева З.В.* Насилие на стадии свиданий в подростковых парах: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 4. С. 32–43. doi:10.17759/psylaw.2017070404
14. *Нуцкова Е.В.* Структура психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2016. Т. 6. № 3. С. 104–121. doi:10.17759/psylaw.2016060309
15. *Савина Е.А.* Введение в психологию: Курс лекций / Под ред. А.П. Олейниковой. М.: Прометей; МПГУ, 1998. 252 с.
16. *Сапожникова Р.Б.* Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания [Электронный ресурс] // *Вестник ТГПУ*. 2005. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-identichnost-teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovaniya> (дата обращения: 1.12.2017).
17. *Ткаченко А.А.* Сексуальные извращения – парафилии. М.: Триада-Х, 1999. 461 с.
18. Hall R. A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues – 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abusewatch.net/pedophiles.pdf> (дата обращения: 02.10.2017).

Gender identity of pedophiles and its role in the implementation of abnormal sexual attraction

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (*dvorian@gmail.com*)

Yushina N.N., Graduate of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (*natalia-dan@mail.ru*)

Makarova T.E., Junior Research Associate, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Addiction, Ministry of Health Care of the Russian Federation (*makarovatoma@mail.ru*)

The greatest attention in the article is paid to people with abnormal sexual attraction in the form of pedophilia. A special role is assigned to different types of relations to sexual attraction (ego-syntonic and ego-dystonic). We considered peculiarities of gender identity through the prism of the «I-concept» of the individual, that allows you to come closer to understanding their role in the realization of sexual desire. Materials for the research were provided by the forensic sexology laboratory FSBA «V.P.Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry» at the Ministry of Health of Russian Federation. The sample include 43 persons - 27 with a disorder of sexual desire in the form of pedophilia and 26 people who committed sexual acts against children, in the absence of a sexual attraction. In the comparison group were 27 people of the statistical norm. The results of the study demonstrate for persons with pedophilia such gender identity features as expressed femininity of the I-image, androgynous type of the «I-ideal» image, as well as feminine behavior models in interaction and communication. Depersonification of sexual preference object is detected for persons with aggressive tendencies. The obtained data could be used for profiling a prospective criminal portraits and solving expert questions.

Key words: gender identity, pedophilia, ego-syntonic / ego-dystonic form of attitude to sexual desire, abnormal sexual behavior.

References

1. Bendas T.V. *Gendernaya psikhologiya: Uchebnoe posobie.* Sankt-Peterburg: Piter, 2006. 431 p.
2. Giddens E. *Sotsiologiya.* Moscow: Editorial URSS, 1999. 704 p.
3. Dvoryanchikov N.V. *Psikhologicheskoe issledovanie v seksologicheskoi ekspertize obvinyaemykh po seksual'nym pravonarusheniyam [Elektronnyi resurs]. [Psychological research in sexological expertise of persons accused of sexual offences].*

-
- Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012. no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53470.shtml (Accessed 27.11.2017). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
4. Dvoryanchikov N.V., Makarova T.E. Polovozrastnaya identichnost' u lits, sovershivshikh seksual'nye nasil'stvennye deistviya v otnoshenii detei [Elektronnyi resurs] [Age and gender identity in the perpetrators of sexual violence against children]. *Psikhologiya i pravo psyandlaw.ru* [Psychology and law psyandlaw.ru], 2013. no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (Accessed 27.11.2017). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
 5. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'. Moscow: AST, Veche, 1999. T. 2. 528 p.
 6. Zeigarnik B.V., Bratus' B.S. Ocherki po psikhologii anomal'nogo razvitiya lichnosti. Moscow: MGU, 1980. 157 p.
 7. Kamenskaya E.N. Gendernyi podkhod v pedagogike / E.N. Kamenskaya. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2006. 176 p.
 8. Kamenskov M.YU., Badmaeva V.D., Doozrceva E.G. Kompleksnaya ocenka tyazhesti vreda zdorov'yu poterpevshih: sovremennoe sostoyanie problem [Complex evaluation of the severity of injury to health of crime victims: current status of the problem]. *Rossiiskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Psychiatric Journal]*, 2015. no. 3. pp. 4-12.
 9. Kletsina I. S. Gendernaya psikhologiya: praktikum. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Piter, 2009. 496 p.
 10. Konina M.A., Holmogorova A.B., Sorokova M.G. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennom obshchestve: patologicheskie tendencii kul'tury ili patologiya lichnosti? [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in modern society: pathological culture tendency or personality pathology?]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Consultative psychology and psychotherapy]*, 2014. Tom 22. № 2. pp. 88-118.
 11. Kurochkina I.A. Razvitie gendernoi identichnosti detei-sirot podrostkovogo vozrasta. diss. kand. psikh. nauk [The development of the gender identity of adolescent orphans Ph. D. (Psychology) Thesis]. Ekaterinburg, 2016. 218 p.
 12. Lukovtseva Z.V. Aktual'nye voprosy i strategii profilaktiki nasiliya na stadii svidanii v podrostkovo-yunosheskikh parakh [Elektronnyi resurs] [Adolescent dating violence: an overview of foreign studies]. *Psikhologiya i pravo psyandlaw.ru. [Psychology and law psyandlaw.ru]*, 2018. Tom 8. no. 1. pp. 1-12. doi:10.17759/psylaw.2018080101 (Accessed 02.05.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
 13. Lukovtseva Z.V. Nasilie na stadii svidanii v podrostkovykh parakh: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Elektronnyi resurs] [Adolescent dating violence: an overview of foreign studies]. *Psikhologiya i pravo psyandlaw.ru [Psychology and law psyandlaw.ru]*, 2017. Tom 7. no. 4. pp. 32-43. doi:10.17759/psylaw.2017070404 (Accessed 02.05.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).

14. Nuckova E.V. Struktura psihologicheskikh posledstvij seksual'nogo nasiliya i zloupotrebleniya v otnoshenii detej i podrostkov [Elektronnyj resurs] [The structure of the psychological consequences of sexual violence and abuse against children and adolescents]. *Psikhologiya i pravo psyandlaw.ru [Psychology and law psyandlaw.ru]*, 2016. Tom 6. no. 3. pp. 104–121. doi:10.17759/psylaw.2016060309
15. Savina E.A. Vvedenie v psikhologiyu /glavnyi redaktor A.P. Oleinikova. Moscow : «Prometei» MPGU, 1998. 252 p.
16. Sapozhnikova R. B. Analiz ponyatiya «identichnost'»: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya [Elektronnyj resurs] [Analysis of the concept of "identity": theoretical and methodological grounds]. *Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]*. 2005. no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-identichnost-teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovaniya> (Accessed 01.12.2017). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
17. Tkachenko A.A. Seksual'nye izvrashcheniya – parafilii. Moscow: «Triada – Kh», 1999. 461 p.
18. Hall R. A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues. – 2007. Available at: <http://www.abusewatch.net/pedophiles.pdf> (Accessed 02.10.2017).

Социально-психологические последствия современного терроризма

Захарова Н. М., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (natali_oslo@mail.ru)

Баева А. С., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (baeva-alana@rambler.ru)

Соболев Н. А., врач-психиатр Отделения неотложной психиатрической и психологической помощи при ЧС, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (nikita.sobolev.2015@inbox.ru)

Одним из серьезных социально-психологических последствий террористической угрозы является формирование у населения стран, подвергшихся террористическим атакам, различного рода психических расстройств. Спектр психических последствий воздействия террористической угрозы крайне широк – от фрустраций и психических реакций до некоторых серьезных психических расстройств. Длительное эмоциональное напряжение, неизвестность, страх смерти нередко приводят к снижению социального функционирования отдельных индивидов и как следствие – всего общества. При этом, специфические проявления встречаются не только на начальных этапах переживания террористической угрозы, но и, нередко, прогрессируют в отсроченном периоде, преимущественно в форме аффективных расстройств, психосоматической патологии, хронических постстрессовых изменений личности.

В статье рассмотрены и проанализированы характер реагирования общества в целом и отдельных его групп, влияние профессиональных и национальных факторов на восприятие террористической угрозы в различных странах мира на протяжении двадцати последних лет. Выделены факторы потенцирующие восприимчивость населения к различного вида угрозам.

Ключевые слова: психологические последствия терроризма, угроза терроризма, вторичные жертвы, психические расстройства вследствие теракта.

Для цитаты:

Захарова Н.М., Баева А.С., Соболев Н.А. Социально-психологические последствия

современного терроризма. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8).
№3. С. 190-205.
doi: 10.17759/psylaw.2018080314

For citation:

Zakharova N.M., Baeva A.S., Sobolev N.A. Socio-psychological impacts of the modern terrorism. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 190-205.
doi: 10.17759/psylaw.2018080314

Терроризм – явление, существующее на протяжении практически всей истории человечества. Однако в последние десятилетия отмечается его качественное изменение. Терроризм превратился в глобальную проблему, принявшую транснациональный характер. Число террористических актов неуклонно растет, террористические атаки происходят практически во всех странах мира и влекут за собой массовые человеческие жертвы. Трагические события двух последних десятилетий (11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке (США), 24 октября 2002 г. в Москве на Дубровке, 1 сентября 2004 г. в Беслане, 21 октября и 29 декабря 2013 г. в Волгограде, 13 ноября, 7 и 9 января 2015 г. во Франции, 22 марта 2016 г. в Бельгии, 19 декабря 2016 г. в Германии, 3 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге, 7 апреля 2017 г. в Швеции, 22 марта, 22 мая, 3 июня 2017 г. в Великобритании и т. д.) показали, насколько уязвимо оказывается население любой страны перед лицом терроризма.

Расширяется арсенал средств и способов для осуществления террористических актов. Используются не только взрывчатые, но и отравляющие (зарин в токийском метро), биологические (споры сибирской язвы в почтовых отправлениях в США) вещества, огнестрельное и холодное оружие. В последнее время в СМИ и на различных форумах привлекается внимание также к возможности климатического (тайфуны, ураганы, засухи) и геологического (землетрясения, цунами) терроризма. Атаки производятся в помещениях, транспортных средствах (автомобилях, поездах, самолетах), в местах большого скопления людей (стадионы, концертные залы, народные гуляния), с привлечением смертников (в том числе женщин и детей). Для большего устрашения проводятся практически одновременные атаки в разных местах населенных пунктов, в разных городах и странах. Для подготовки террористических актов привлекаются высококлассные профессионалы, ведется вербовка адептов в интернете, активно используются религиозная составляющая идеологии терроризма и различные психологические методики внушения, в том числе для повышения качества подготовки смертников.

Основной целью современного терроризма является воздействие на различные уровни власти путем запугивания мирного населения, стремление вызвать сильнейшее отрицательное эмоциональное воздействие, оказывающее разрушительное действие на разные уровни функционирования не только отдельных личностей, но и общества в целом.

Таким образом, одной из основных характеристик современного терроризма является его психический компонент, воздействие которого направлено на подрыв авторитетов, жизненных ценностей, моральных устоев и дестабилизацию в обществе в целом. В связи с этим изучение психических последствий терроризма, их предупреждение и преодоление становится одной из приоритетных задач психиатрии и психологии.

Террористические атаки и террористическая угроза относятся к стрессогенным факторам высокой интенсивности [2; 3; 6; 9; 10; 14-16; 31], приводящим к развитию различных психических и поведенческих нарушений у пострадавших.

Психические и психологические последствия терроризма по направленности условно можно разделить на последствия, в результате которых возможно развитие изменений в личностной, эмоциональной и моральной сферах отдельных людей, и на последствия социального характера, ведущие к изменениям в обществе в целом [5; 7; 11].

Так, исследования, проводившиеся в разных странах после террористических атак, показали наличие выраженных психологических последствий не только у непосредственных жертв терактов, но и у медработников и представителей различных спасательных служб.

По наблюдениям американских ученых, в Нью-Йорке после терактов 11 сентября у большинства терапевтов, работавших с пострадавшими, наблюдались интенсивные стрессовые реакции, которые были связаны как с идентификацией с жертвами терактов, так и с собственным подорванным ощущением безопасности, так называемая «чрезмерная склонность к эмпатии» [30].

Менее чем через месяц после террористических атак в Париже и Сен-Дени 13 ноября 2015 г. были проведены исследования среди медицинских работников (613 человек), оказывавших помощь жертвам теракта как непосредственно, так и косвенно. В 233 случаях (38%) были выявлены симптомы разной степени выраженности, соответствующие посттравматическому стрессовому расстройству. Наибольший уровень выраженности симптомов ПТСР (количественно и качественно) выявился у 130 человек (56%) непосредственно участвовавших в спасательных работах, преимущественно у женщин и специалистов с базовым (в сравнении с продвинутым и средним) уровнем профессиональной подготовки в деле спасения людей [37].

По результатам исследования, проведенного среди работников экстренных служб, принимавших участие в ликвидации последствий теракта на Брайтшайдплац в Берлине (ФРГ) 19 декабря 2016 г., спустя 3 месяца после инцидента были выявлены значимые расстройства в сфере психического здоровья, имевшие некоторые гендерные и профессиональные особенности. Так, наибольший уровень дистресса демонстрировали работники женского пола. Среди офицеров полиции отмечался повышенный уровень враждебности (недоброжелательности), а пожарные показывали некоторое снижение уровня качества социального функционирования [38].

Учитывая масштабность последствий террористических актов, в психиатрии и психологии принято выделять среди пострадавшего населения не только первичные (непосредственные), но и вторичные (косвенные) жертвы. К вторичным жертвам относят людей, узнавших о трагедии из СМИ, по слухам и из рассказов очевидцев. Состояние неизвестности и неопределенности, коллективное ощущение незащищенности и неотвратимости катастрофы, постоянное ожидание очередной трагедии приводят к развитию затяжных состояний массовой тревоги и страха. Повсеместное развитие и конкурентная борьба средств массовой информации за аудиторию породили стремление максимально широко и «красочно» транслировать «горячие» репортажи с мест трагедии, что привело в последние годы к увеличению количества людей, ставших косвенными

свидетелями произошедшего [7; 8]. СМИ, постоянно освещая катастрофы, трагические и криминальные события, ретранслируют в массовое сознание ощущение безнадежности и разрушения. В результате в обществе создается негативный фон неуверенности, тревоги, утраты контроля над обстоятельствами, который является почвой для дезадаптации и развития стрессовых расстройств [33]. Эти состояния способны вызывать различные формы психической дезадаптации не только у непосредственных жертв, но и у значительной части населения, формально не относящейся к пострадавшим – вторичных (косвенных) жертв. Нередко их эмоции и сопереживания бывают настолько сильными, что приводят к развитию психических расстройств разной степени выраженности, связанных с произошедшим терактом: ПТСР, патологическая боязнь поездок общественным транспортом, перелетов, выраженная тревога за близких и т.д.

Психические нарушения, развивающиеся среди населения города и даже страны, подвергшихся атаке, вследствие переживания возрастающей угрозы терроризма, могут приобрести характер психической эпидемии. Наряду с выделенными и признанными психологами, психотерапевтами и врачами «вьетнамским», «афганским» и «чеченским» синдромами совокупность психологических последствий от восприятия угрозы террористического акта может быть объединена в синдром «угрозы террористического акта» [12], специфическими особенностями которого, как стрессора, являются следующие:

- ощущение угрозы жизни формируется, как правило, после того, как человек стал жертвой или свидетелем терактов и/или их последствий;
- ощущение угрозы теракта относится к неизвестному будущему: время, место и тип теракта невозможно прогнозировать (именно непредсказуемость, оказывает особенно негативное влияние на психику человека, поскольку лишает возможности защититься);
- террористические действия резко выходят за рамки привычных действий, отношений и норм морали;
- угроза терроризма исходит от обычных людей, «живущих по соседству»;
- осознание личной уязвимости (терракт может в любой момент прервать жизнь любого человека);
- осознание невозможности предупредить нависшую угрозу [3; 16; 26; 36].

Так, у жителей нью-йоркского «Чайна Тауна», обследованных в течение первой недели после теракта 11 сентября 2001 г. (555 человек), в 90% случаев обнаруживалась тревога и более четырех «больших психиатрических симптомов», среди которых депрессивная симптоматика занимала первое место. При этом наибольший дистресс демонстрировали лица в возрасте 40–60 лет, получавшие информацию из СМИ [18].

Опрос 1238 жителей штата Вашингтон после серии атак «вашингтонского снайпера», убившего за 3 недели 10 человек и ранившего троих, показал, что дистресс и постоянное ощущение опасности приводили к снижению уровня повседневной активности и изменению привычного поведения населения. Кроме того, 8% испытуемых озвучили симптомы, соответствующие посттравматическому стрессовому расстройству, 22% сообщили о наличии мягкой формы депрессии, 4% указывали на повышение уровня употребления алкоголя в период возобновления атак [22].

При исследовании стрессогенных психических расстройств, развивающихся у населения после терактов (захват заложников в театральном центре на Дубровке), проводившемся группой российских ученых [5], было выявлено, что более чем у 20% респондентов, наблюдавших каждый день телевизионные трансляции с места событий, обнаруживались симптомы, характерные для ПТСР.

В исследованиях по сравнению воздействия медиа-стресса и прямого воздействия стресса при коллективной психической травме, проведенных среди населения США после террористической атаки на Бостонском Марафоне, было установлено, что шесть (или более) часов в день просмотра и прослушивания информации, связанной с терактом, в течение первой недели после него ведут к большему дисстрессу, чем тот, что был получен непосредственно во время теракта [28].

На моделях стресса, связанного с событиями 11 сентября и массовыми расстрелами в школе «Сэнди Хук», было отмечено, что ранее имевшее место быть воздействие стресса от схожих и/или иных насильственных событий может в дальнейшем проявляться психологической уязвимостью к последующей коллективной психической травме. А продолжительное постоянное освещение тематики, связанной с психотравмирующим событием, может продлить стрессовый опыт, приводя к дисстрессу. По мнению ученых, СМИ могут стать проводником, который распространяет психический негатив даже в большей степени, чем непосредственно само психотравмирующее событие [21].

Через 2 месяца после терактов 11 сентября 2001 г. распространенность посттравматического стрессового расстройства у жителей Нью-Йорка составила 11,2%, а у людей, проживающих вне Нью-Йорка, – 4,3% [35]. Через 6 месяцев после теракта у жителей Нью-Йорка распространенность ПТСР составила 12% у непосредственных жертв терактов и 3,7% – у косвенных жертв терактов [24]. Исследование эмоционального и психического статуса гражданского населения США через год после терактов 11 сентября показало, что у 56,3% опрошенных было выявлено один или несколько психопатологических симптомов [20; 27]. У 25% жителей Нью-Йорка (что составляет 3375000 человек) была выявлена клиническая форма инсомнии, являющаяся, по мнению авторов, симптомом гипервозбуждения как проявления тревоги в ответ на возможную угрозу, при этом у части опрошенных респондентов было диагностировано посттравматическое стрессовое расстройство [23; 34]. Полученные в ходе дальнейших исследований данные показали существенную отягощенность депрессивной симптоматикой в группе, подвергшейся воздействию психотравмы, спустя 10–11 и 14–15 лет после произошедших трагических событий, особенно среди тех, у кого ранее выявлялись симптомы ПТСР [29].

Вышесказанное подтверждает и опрос россиян в годовщину событий в театральном центре на Дубровке в Москве [2]. Исследование показало, что боязнь террористических актов не оставляет население и через длительные промежутки времени. 30% опрошенных сообщили, что "очень боятся", 48% "в какой-то мере опасаются", что они или их близкие могут оказаться жертвами террористов. И только 28% опрошенных респондентов в той или иной мере надеются на то, что российские власти смогут защитить население от новых терактов.

В свою очередь, израильские ученые в исследовании психологического состояния граждан Израиля, постоянно проживающих в условиях угрозы террористической атаки, выявили три типа ответа на постоянную угрозу теракта: эмоциональный, когнитивный и

поведенческий. Эмоциональный ответ включает в себя страх, беспокойство, сочувствие и отчуждение. Когнитивный ответ включает ситуационную оценку и поиск решений, использование травматических образов, веру в удачу и судьбу, оптимизм. Поведенческий ответ включает поиск информации, бдительность и/или привыкание к стрессору [19].

Угроза террора формирует у наиболее уязвимой части населения состояние так называемой гипербдительности [2]. Вероятность стать жертвой теракта способствует построению эмоционально-когнитивных структур, содержащих представления о теракте как об ужасном событии, которое человек не в силах предугадать и предупредить. Интенсивный поиск информации для снижения неопределенности ситуации, готовность к негативному развитию событий заставляют людей жить в состоянии постоянного повышенного беспокойства. Для того чтобы справиться с постоянной тревогой, связанной с угрозой теракта, люди обращаются к религии, объединяются в общественные организации по борьбе с терроризмом. Помимо этого, реакция на длительно существующую угрозу может проявляться и в произвольном снижении внимания, привыкании к мысли о невозможности что-либо изменить, полном равнодушии к возможному повторению теракта [16].

Другим негативным социально-психологическим последствием современного терроризма является обострение социальных конфликтов в обществе. Масштабность последствий террористических актов, «охваченность» широких слоев населения благодаря подробному освещению в СМИ приводят к тому, что, страх, тревога, постоянное, в том числе неосознанное ожидание катастрофы порождают ненависть и недоверие между социальными и национальными группами.

Статистические исследования, проводившиеся в США после событий 11 сентября 2001 г., показали значительное учащение случаев предвзятого отношения к мусульманам и арабам, дискриминации и насилия над ними [32]. По данным Федерального бюро расследований (ФБР), в течение года после указанных терактов люди с «мусульманской» внешностью массово подвергались оскорблениям и нападениям, были разрушены многие мечети и мусульманские магазины, а количество преступлений на почве ненависти к этому населению увеличилось на 1600%.

В сентябре–октябре 2004 г., после захвата заложников в Беслане (Северная Осетия, Алания), по данным МВД и нашим наблюдениям, значительно возрос риск обострения осетино-ингушского конфликта. После того, как стало известно, что среди террористов были лица ингушской национальности, среди населения распространились слухи о предварительной осведомленности ингушского населения о готовящемся теракте. На улицах собирались стихийные отряды вооруженных огнестрельным оружием мужчин. Критической датой называли 13 октября – последний день 40-дневного траура. Обстановка была настолько накалена, что многие ингушские семьи были вынуждены покинуть свои дома. Для предотвращения столкновений под усиленную охрану была взята осетино-ингушская граница. В результате, спорадические столкновения на национальной почве имели место, но широкомасштабного конфликта с массовыми расправами над ингушами удалось избежать.

Рандомизированные исследования норвежских ученых, несмотря на официальные заявления о том, что норвежцы стали более позитивными в отношении к мигрантам, не выявили фактических изменений в уровне проявления этнической дискриминации

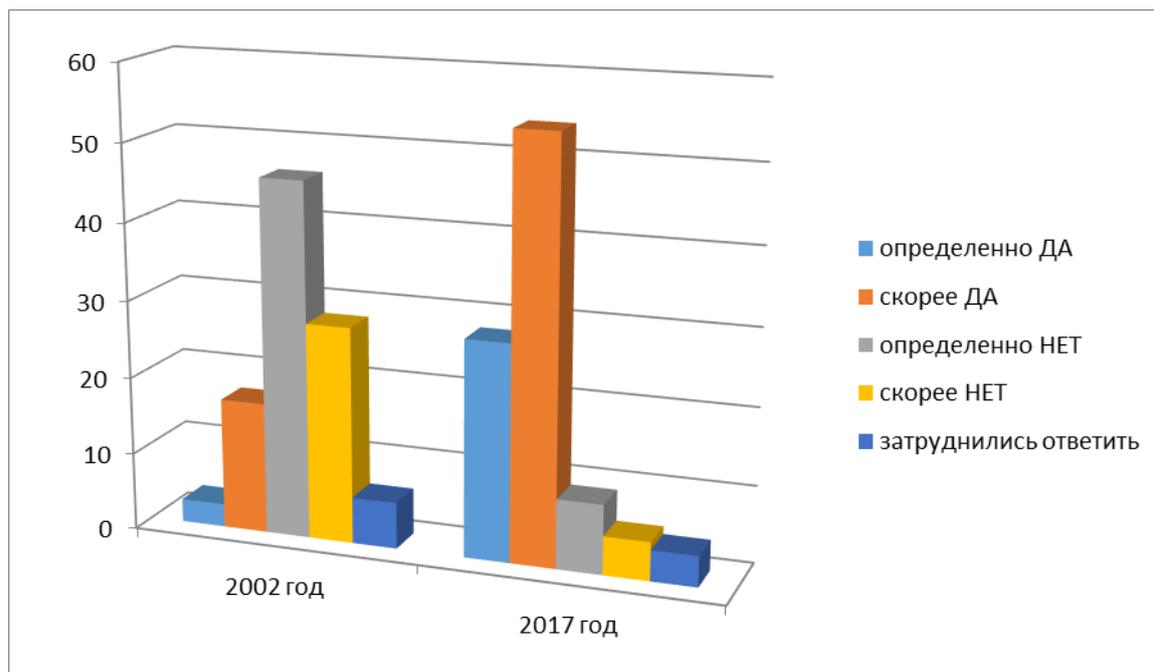
выходцев из мусульманских стран даже после террористических атак праворадикалов 2011 г. [17].

Исследование, проведенное через 2 года после трагедии среди жителей г. Беслан [13], показало, что последствия тяжелого эмоционального стресса охватили все население региона. Распространение всевозможных слухов и домыслов, стихийный поиск виноватых в трагедии, привели к расслоению общества на «виновных» и «пострадавших», среди которых была также выделена группа «мало пострадавших» – выживших. Их обвиняли в недостаточных усилиях для спасения детей, провоцируя тем самым усиление чувства вины («синдром выжившего») и, следовательно, углубление психических расстройств. Люди оказались втянуты в так называемый индигенный конфликт (от лат. *Indigenalis* – местный, туземный). Те, кто непосредственно не пострадал в результате террористических актов, были вынуждены из чувства солидарности присоединиться к одной из выделенных групп, что привело к нарушению межличностных отношений и оказало неблагоприятное влияние на психическое здоровье всего населения.

В Израиле, начиная с 2000 г., после резкого усиления террористической активности было проведено несколько исследований по сравнению выраженности последствий терактов у еврейского и арабского населения [25]. Анализ данных за 19 месяцев практически непрерывных террористических атак показал, что израильские арабы и евреи реагировали на ситуацию приблизительно одинаково. Последующее исследование, проведенное через 2 года (на фоне продолжающихся терактов), продемонстрировало, что в арабской популяции симптомы ПТСР стали выявляться в 3 раз чаще, чем среди евреев. Наблюдалось значительное качественное расширение симптоматики и повышение ее резистентности к терапии. В результате авторами был сделан вывод о том, что существование в условиях политического конфликта, являющегося причиной массивных террористических действий, потенциально ставит израильских арабов в группу риска по развитию и хронификации психических постстрессовых расстройств.

Одним из серьезнейших социально-психологических последствий террористической угрозы является также неверие граждан в способность государства и правоохранительных органов защитить население. По результатам социологических опросов, проводившихся в нашей стране в начале двухтысячных годов, выяснилось, что значительная часть населения России (по некоторым данным до 90%) регулярно высказывала недоверие органам МВД и ФСБ в том, что они смогут защитить его от террористических акций [4]. Проявления страха и подозрительности в обществе, усиливающиеся из-за отсутствия чувства защищенности, приводили к появлению всевозможных экстремистских групп и движений, пытавшихся самостоятельно «решить» проблемы, что, в свою очередь, провоцировало углубление межнациональной розни.

Следует отметить, что, согласно телефонным опросам, регулярно проводимым Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), уверенность россиян в эффективности спецслужб (способности защитить население от терактов) за последние 15 лет заметно выросла (рис.) [1].

При этом, характерно, что сообщения о новых террористических актах, как в России, так и за рубежом, приводят к заметным колебаниям показателей ощущения безопасности. Так, после серии терактов в московском метро, в 2010 г., уровень недоверия населения к властям увеличился до 36%, что превысило аналогичную реакцию после захвата школы в Беслане в сентябре 2004 г. (28% опрошенных). В это же время отмечался высокий уровень страха повторения терактов (51% респондентов).

Очередной скачок недоверия отмечался после взрывов в Волгограде (декабрь 2013 г.). Уверенность в том, что российские силовые структуры способны оградить население от новых терактов, выразили менее трети опрошенных (29%).

Крушение российского самолета А321 в Египте в результате теракта и взрывы во Франции (2015 г.) также послужили значительным фактором усиления страха населения России перед террористической угрозой. По данным ВЦИОМ, число респондентов, высказавших серьезные опасения за свою жизнь, выросло с 41% до 50%, а опасения за жизнь близких и родственников – до 65%.

Таким образом, исследования в разных странах, население которых подвергалось террористическим атакам, подтверждают, что хроническая террористическая угроза формирует у личности снижение чувства безопасности, которое проявляется ощущением отсутствия контроля ситуации (невозможностью контролировать развитие событий и использовать уже имеющиеся навыки избегания негативных последствий) и чувством беспомощности, ухудшающим эффективность социального функционирования. Угроза теракта является серьезной травматической ситуацией, способной вызвать различные психические и поведенческие расстройства, вплоть до развития ПТСР не только у непосредственно пострадавших, но и у вторичных (косвенных) жертв. Межличностные, местные и межнациональные конфликты, развивающиеся в обществе после пережитых террористических атак, поиск «виновных», противопоставление группы «потерпевших» остальному населению пострадавшего региона, стигматизация и дискриминация отдельных групп, страх перед повторением терактов и неверие в возможность защиты со стороны

государства, приводят к развитию различных форм психической дезадаптации у населения, способствуют утяжелению уже имеющихся проявлений ПТСР, препятствуют обратному развитию психических расстройств, что требует от психиатров и психологов особого отношения к данной проблеме.

Литература

1. База социологических данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda (дата обращения: 15.05.2018г).
2. *Быховец Ю.В.* Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008, 27 с.
3. *Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы: метод. Рекомендации. М.: ИП РАН, 2010. 84 с.
4. *Галахов С.С.* Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М.: Экзамен, 2002. 288 с.
5. *Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А.* Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25 (6). С. 73–81.
6. *Ениколопов С.Н.* Терроризм и агрессивное поведение. Национальный психол. журнал. МГУ. 2006. № 1 (1). С. 28–32.
7. *Ениколопов, С.Н., Мкртычян А.А.* Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии: научный журнал. 2008. № 3. С. 71–80.
8. *Ениколопов С.Н., Мкртчян А.А.* Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. Т. 2(4). С. 41–46.
9. *Кекелидзе З.И.* Особенности формирования психических расстройств при террористических актах // Материалы Первого национального конгресса по социальной психиатрии «Психическое здоровье и безопасность в обществе». (Москва, 2–3 декабря 2004 г.). М., ГНЦСиС психиатрии им. В.П. Сербского 2004. С. 63–64.
10. *Кекелидзе З.И., Насруллаев Ф.С.* Психические расстройства у заложников и вторичных жертв // Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство: в 2 т. Т. 2. 2-е изд. исправ. и доп. / Под ред. проф. З.И. Кекелидзе. М., 2011. С. 74–95.
11. *Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003 г., 192 с. ISBN 5-88782-359-3
12. *Ольшанский Д.В.* Психология террора. М.: Академический проект, 2002. 320 с.

13. *Портнова А.А.* Индигенный конфликт: неблагоприятный тип отсроченного массового реагирования на тяжелый эмоциональный стресс // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2006. Т. 106(2). С. 13–16.
14. *Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В.* Психотравмирующее воздействие террористической угрозы // Материалы XIV съезда Российского общества психиатров (Москва, 15–18 нояб. 2005 г.). М., 2005. С. 158-159.
15. *Ястребов В.С.* Терроризм и психическое здоровье (масштаб проблемы, толерантность населения, организация помощи) // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2004. Т. 104(6). С. 4–8.
16. *Ястребов В.С., Боев Б.В.* Прогнозирование вспышек посттравматических стрессовых расстройств после масштабных актов терроризма // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2007. Т. 107(2). С. 35–42.
17. *Birkelund G.E., Chan T.W., Ugreninov E. et al.* Do terrorist attacks affect ethnic discrimination in the labour market? Evidence from two randomized field experiments // *British Journal of Sociology*. EPub. 2018. doi: 10.1111/1468-4446.12344.
18. *Chen H., Chung H., Chen T. et al.* Brief Report: The emotional distress in a community after the terrorist attack on the World Trade Center // *Community Mental Health Journal*, 2003. Vol. 39(2). P. 157–165.
19. *Cohen-Louck K., Saka Y.* Patterns in response to chronic terrorism threats: A construct of emotional, cognitive, and behavioral responses among Israeli citizens // *Stress and Health*. Wiley. 2016. doi: 10.1002/smi.2728
20. *DeLisi L.E., Katz C.L., Pellegrino L. et al.* Research on psychiatric outcomes and interventions subsequent to disasters: a review of the literature // *Psychiatry Res* 2002. 110(3). P. 201–217. ISSN: 0165-1781
21. *Fenton M.C., Keyes K., Geier T. et al.* Psychiatric comorbidity and the persistence of drug use disorders in the United States // *Addiction*. 2012. Vol. 107(3). P. 461–687. doi.org/10.1111/j.1360-0443.2011.03638.x
22. *Fullerton C.S., Mash H.B.H., Benevides K.N. et al.* Distress of Routine Activities and Perceived Safety Associated with Post-Traumatic Stress, Depression, and Alcohol Use: 2002 Washington, DC, Sniper Attacks // *Disaster medicine and public health preparedness*. 2015. Vol. 9 (5)/ P. 509–515.
23. *Galea S., Ahern J., Resnick H. et al.* Psychological sequelae of the September 11 terrorist attacks in New York City // *New England Journal of Medicine*. 2002. Vol. 346 (13)/ P. 982–987.
24. *Galea S., Resnick H.* Posttraumatic stress disorder in the general population after mass terrorist incidents: Considerations about the nature of exposure // *CNS Spectrums*. 2005. Vol. 10(2). P. 107–115. doi.org/10.1017/S1092852900019441

25. *Gelkopf M., Solomon Z., Berger R. et al.* The mental health impact of terrorism in Israel: A repeat cross-sectional study of Arabs and Jews // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2008. Vol. 117 (5). P. 369–380.
26. *Gillis J.W.* Coping after terrorism // *The handbook for US Department of Justice Vol. 9*. Washington DC: Office of Justice Program. 2001. P. 3–11.
27. *Grieger T.A., Fullerton C.S., Ursano R.J.* Posttraumatic stress disorder, depression, and perceived safety 13 months after September 11 // *Psychiatric Services*. 2004. Vol. 55(9). P. 1061–1063.
28. *Holman, E.A., Garfin, D.R., Silver, R.C.* Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings // *Proceedings of the National Academy of Science of the USA*. 2014. Vol. 111/ P. 93–98. doi: 10.1073/pnas.1316265110
29. *Jacobson M.H., Norman C., Nguyen A. et al.* Longitudinal determinants of depression among World Trade Center Health Registry enrollees, 14–15 years after the 9/11 attacks // *Journal of Affective Disorders*. 2018. Vol. 229. P. 483–490. doi.org/10.1016/j.jad.2017.12.105
30. *Lindy J.D., Lindy D.C.* Counter transference and disaster psychiatry: From Buffalo Creek to 9/11 // *Psychiatric Clinics of North America*. 2004. Vol. 27. P. 571–587.
31. *Marshall R.D, Amsel L, Norris FH et al.* Strategies for dissemination of evidence-based treatments: Training clinicians after large-scale disasters // *Methods for disaster mental health research*. New York: Guilford Press, 2006. P. 226–242.
32. *Padela A.I., Heisler M.* The Association of Perceived Abuse and Discrimination After September 11, 2001, With Psychological Distress, Level of Happiness, and Health Status Among Arab Americans // *American Journal of Public Health*. 2010. Vol. 100(2) P. 284–291.
33. *Pyszczynski T.A., Greenberg J., Solomon S.* In the Wake of 9/11: The Psychology of Terror // Washington, DC: American Psychological Association, 2003, 227 p. <http://dx.doi.org/10.1037/10478-00034>. *Schlenger W.E., Caddel J.M., Ebert L. et al.* Psychological reactions to terrorist attacks: Findings from the National Study of Americans' Reactions to September 11 // *Journal of the American Medical Association*. 2002. Vol. 288(5). P. 581–588.
34. *Silver R.C., Holman A., McIntosh D.N. et al.* Nationwide longitudinal study of psychological responses to September 11 // *Journal of the American Medical Association*. 2002. Vol. 288(10). P. 1235–1244.
35. *Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T.* Pride and prejudice: Fear of Death and social behavior. Current directions in psychological science // *American Psychological Society*. 2000. Vol. 9(6). P. 200–204.
36. *Stefano C., Orri M., Agostinucci J.M., et al.* Early psychological impact of Paris terrorist attacks on healthcare emergency staff: A cross-sectional study // *Anxiety and*

Depression Worldwide. 2018. Vol. 35(3). P. 275–282, doi: 10.1002/da.22724

37. *Wesemann U., Zimmermann P., Mahnke M. et al.* Burdens on emergency responders after a terrorist attack in Berlin // Oxford University Press (OUP): Occup Med (Lond). 2018 Feb 16; 68(1): 60-63. doi: 10.1093/occmed/kqx172. PMID: 29309698

Socio-psychological impacts of the modern terrorism

Zakharova N.M., Ph.D. in Medicine, senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (natali_oslo@mail.ru)

Baeva A.S., Ph.D. in Medicine, senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (baeva-alana@rambler.ru)

Sobolev N. A., psychiatrist, of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (nikita.sobolev.2015@inbox.ru)

One of the serious social and psychological aftermaths of the terrorist threat is the formation of various mental disorders in the population of countries been exposed to terrorist attacks. The variety of mental impacts of the terrorist threat aftermath is extremely wide - from frustration and mental responses to some serious mental disorders. Long-term emotional tension, uncertainty, fear of death often lead to a decrease in the social functioning of individuals, and as a result, the whole society.

At the same time, specific symptoms occur not only in the early stages of experiencing the terrorist threat, but also, often, progress in the delayed period, mainly in the form of affective disorders, psychosomatic pathology, chronic post-stress changes in the personality.

The article reviews and analyzes the nature of the response of society as a whole and its individual groups, the impact of professional and national factors on the perception of the terrorist threat in various countries of the world over the past twenty years.

Key words: terrorist threat, terrorism and its effects on mental health, secondary victim, mental health disorders caused by terrorism.

References

1. Baza sotsiologicheskikh dannih VTSIOM [Base of data of sociological polls]. [Elektronnyj resurs]. URL:https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda. Russian.
2. Bihovets UV. Predstavleniya o terroristicheskom akte I perezhivanie terroristicheskoy ugrozi zhitelyami raznih regionov RF . Avtoref. diss. kan. psihol. nauk. [Ideas about the

- terrorist act and the experience of the terrorist threat by residents of different regions of the Russian Federation. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008, 27p. Russian.
3. Bihovets UV, Tarabrina NV. Psihologicheskaya otsenka perezhivaniya terroristicheskoy ugrozi. Metodicheskie rekomendatsii. [Psychological evaluation of terrorist threat experience: Method recommendations]. Moscow: IP RAN, 2010, 84 p.
 4. Galahov S. S. Kriminalnyie vzryivyi. Osnovyi operativno-rozyisknoy deyatelnosti po borbe s prestupleniyami terroristicheskogo haraktera [Criminal explosions. Bases of operational-search activity on fight against crimes of terrorist character]. Moscow: Ekzamen, 2002. 288 p.
 5. Enikolopov S. N., Lebedev S. V., Bobosov E. A. Vliyanie ekstremalnogo sobyitiya na kosvennyih uchastnikov [The effect of extreme events indirect participants]. *Psihologicheskii zhurnal [Psychological journal]*. 2004. .Vol. 25 (6). pp. 73—81. Russian.
 6. Enikolopov SN. Terrorizm I agressivnoe povedenie [Terrorism and aggressive behavior]. *Natsionalniy psihologicheskii zhurnal [National psychology magazine]*. 2006 (1). pp. 28-32.
 7. Enikolopov, S. N., Mkrtyichyan A. A. Psihologicheskie posledstviya terrorizma [Psychological consequences of terrorism]. *Voprosyi psikhologii [Questions of psychology]*. 2008. Vol. 3, p. 71-80.
 8. Enikolopov S. N., Mkrtyichyan A.A. Psihologicheskie posledstviya terrorizma i rol SMI v protsesse ih formirovaniya [Psychological consequences of terrorism and the role of mass media in the process of their formation]. *Natsionalniy psihologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*. 2010: 2(4). pp. 41-46.
 9. Kekelidze Z.I. Osobennosti formirovaniya psihicheskikh rasstroistv pri terroristicheskikh aktah [Peculiarities of formation of mental disorders in terrorist acts]. *Materiali Pervogo natsionalnogo kongressa po sotsialnoy psihiatrii «Psihicheskoe zdorovie I bezopasnost' v obschestve» [proceedings of the First national Congress on social psychiatry, "Mental health and security in society" (Moscow, 2-3 December 2004). M., Sscis psychiatry them. V. P. Serbsky]. Moskva, 2004: pp. 63-64.*
 10. Kekelidze Z.I., Nasrullaev F.S. Psihicheskie rasstroystva u zalognikov I vtorichnih gertv [Mental disorders in hostages and secondary victims]. Kekelidze Z.I. (eds.). *Psihiatria chrezvichaynih situaziy. Rukovodstvo [Psychiatry of emergency situations: guide]*. Moscow, 2011: pp. 74--95.
 11. Nazaretyan A. P. Agressivnaya tolpa, massovaya panika, sluhi: Lektsii po sotsialnoy i politicheskoy psikhologii [Aggressive crowd, mass panic, rumors: lectures on social and political psychology]. Saint-Petersbourg.: Piter, 2003, 192 p.
 12. Olshanskiy D. V. Psihologiya terror [Psychology of terror]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2002. 320 p. Russian.
 13. Portnova A. A. Indigennyiy konflikt: neblagopriyatniy tip otsrochennogo massovogo reagirovaniya na tyazhelyiy emotsionalniy stress [Indigenous conflict: an unfortunate type of delayed mass response to severe emotional stres]. *Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S. S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov]*. 2006. Vol. 106(2). pp. 13-16.

14. Tarabrina N.V., Bihovets U.V. Psihotravmiruyushee vozdeystvie terroristicheskoy ugrozi [Psychotraumatic impact of the terrorist threat]. Materiali XIV s'ezda Rossiyskogo obschestva psihiatrov [Materials of the XIV Congress of the Russian society of psychiatrists]. Moskva, 15-18.11.2005. Moscow, 2005: pp.158-159.
15. Yastrebov V.S. Terrorizm i psihicheskoe zdorove (masshtab problemy, tolerantnost naseleniya, organizatsiya pomoschi). [Terrorism and mental health (the scale of the problem, the tolerance of the population, the aid organization)]. *Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S. S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov]. 2004. Vol.104(6), pp. 4-8.
16. Yastrebov V.S., Boev B.V. Prognozirovaniye vspyishek posttravmaticheskikh stressovykh rasstroystv posle masshtabnykh aktov terrorizma [The prediction of outbreaks of posttraumatic stress disorders after large-scale terrorism acts]. *Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S. S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov]. 2007. Vol. 107(2), pp. 35-42. Russian.
17. Birkelund G.E., Chan T.W., Ugreninov E. et al. Do terrorist attacks affect ethnic discrimination in the labour market? Evidence from two randomized field experiments. *British journal of sociology*. ePub. 2018. doi: 10.1111/1468-4446.12344.
18. Chen H., Chung H., Chen T. et al. Brief Report: The emotional distress in a community after the terrorist attack on the World Trade Center. *Community Mental Health Journal*, 2003; Vol. 39(2): 157-165.
19. Cohen-Louck K., Saka Y. Patterns in response to chronic terrorism threats: A construct of emotional, cognitive, and behavioral responses among Israeli citizens. *Stress and Health*. Wiley. 2016. doi: 10.1002/smi.2728
20. DeLisi L.E., Katz C.L., Pellegrino L. et al. Research on psychiatric outcomes and interventions subsequent to disasters: a review of the literature. *Psychiatry Res*. 2002; 110(3): 201-217. ISSN: 0165-1781
21. Fenton M.C., Keyes K., Geier T. et al. Psychiatric comorbidity and the persistence of drug use disorders in the United States. *Addiction*. 2012; Vol. 107(3): 461-687. doi.org/10.1111/j.1360-0443.2011.03638.x
22. Fullerton C.S., Mash H.B.H., Benevides K.N. et al. Distress of Routine Activities and Perceived Safety Associated with Post-Traumatic Stress, Depression, and Alcohol Use: 2002 Washington, DC, Sniper Attacks. *Disaster medicine and public health preparedness*. 2015; Vol. 9 (5): 509-515.
23. Galea, S., Ahern, J., Resnick, H. et al. Psychological sequelae of the September 11 terrorist attacks in New York City. *New England Journal of Medicine*. 2002; Vol. 346 (13): 982-987.
24. Galea S., Resnick H. Posttraumatic stress disorder in the general population after mass terrorist incidents: Considerations about the nature of exposure. *CNS Spectrums*. 2005; Vol. 10(2): 107-115. doi.org/10.1017/S1092852900019441
25. Gelkopf, M., Solomon, Z., Berger, R. et al. The mental health impact of terrorism in Israel: A repeat cross-sectional study of Arabs and Jews. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2008; Vol. 117 (5): 369-380.

-
26. Gillis J. W. Coping after terrorism. The handbook for US Department of Justice. Washington DC: Office of Justice Program. 2001; Vol. 9: 3-11.
 27. Grieger T.A., Fullerton C.S., Ursano R.J. Posttraumatic stress disorder, depression, and perceived safety 13 months after September 11. *Psychiatric Services*. 2004; Vol. 55(9): 1061-1063.
 28. Holman, E. A., Garfin, D. R., Silver, R. C. Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *Proceedings of the National Academy of Science of the USA*. 2014; Vol. 111: 93-98. doi/10.1073/pnas.1316265110
 29. Jacobson M.H., Norman C., Nguyen A. et al. Longitudinal determinants of depression among World Trade Center Health Registry enrollees, 14–15 years after the 9/11 attacks. *Journal of Affective Disorders*. 2018; Vol. 229: 483–490. doi.org/10.1016/j.jad.2017.12.105
 30. Lindy J. D., Lindy D. C. Counter transference and disaster psychiatry: From Buffalo Creek to 9/11. *Psychiatric Clinics of North America*. 2004; Vol. 27: 571-587.
 31. Marshall RD, Amsel L, Norris FH et al. Strategies for dissemination of evidence-based treatments: Training clinicians after large-scale disasters. *Methods for disaster mental health research*. New York: Guilford Press 2006: 226-242.
 32. Padela A.I., Heisler M. (2010). The Association of Perceived Abuse and Discrimination After September 11, 2001, With Psychological Distress, Level of Happiness, and Health Status Among Arab Americans. *American Journal of Public Health*. Vol. 100(2): 284-291.
 33. Pyszczynski T.A., Greenberg J., Solomon S. In the Wake of 9/11: The Psychology of Terror. American Psychological Association, Washington, DC, 2003. 227 p. Washington, DC: American Psychological Association, 2003, 227 p. <http://dx.doi.org/10.1037/10478-000>
 34. Schlenger W. E., Caddel J. M., Ebert L. et al. Psychological reactions to terrorist attacks: Findings from the National Study of Americans' Reactions to September 11. *Journal of the American Medical Association*, 2002; Vol. 288(5): 581-588.
 35. Silver R. C., Holman A., McIntosh D. N. et al. Nationwide longitudinal study of psychological responses to September 11. *Journal of the American Medical Association*, 2002; Vol. 288(10): 1235-1244.
 36. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. Pride and prejudice: Fear of Death and social behavior. *Current directions in psychological science*. American Psychological Society. 2000; Vol. 9(6): 200-204.
 37. Stefano C., Orri M., Agostinucci J.M., et al. Early psychological impact of Paris terrorist attacks on healthcare emergency staff: A cross-sectional study. *Anxiety and depression worldwide*. 2018; Vol. 35(3): 275-282, doi: 10.1002/da.22724
 38. Wesemann, P Zimmermann, M Mahnke, O Butler, S Polk, G Willmund. Burdens on emergency responders after a terrorist attack in Berlin. *Oxford University Press (OUP): Occup Med (Lond)*. 2018 Feb 16; 68(1): 60-63. doi: 10.1093/occmed/kqx172. PMID: 29309698

Социально-психологические особенности лидеров несовершеннолетних осужденных

Котенева А. В., доктор психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ») (*akoteneva@yandex.ru*)

Лихачева С. Н., магистрант, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ») (*s89127614190@yandex.ru*)

Кокурин А. В., кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ») (*kokurin1@bk.ru*)

Проблема ролевой дифференциации лидерства среди несовершеннолетних заключенных является социально значимой и малоизученной проблемой в современной психологической науке. В работе представлены результаты исследования 60 юношей, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России, в возрасте от 16 до 18 лет. Диагностика социально-психологических качеств несовершеннолетних осужденных осуществлялась на основе методик изучения лидерского стиля Р. Бейлза–К. Шнейера (модификация Т.В. Бендас), диагностики лидерских способностей Е. Жарикова, Е. Крушельницкого, коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синявского и В.А. Федорошина, коммуникативного контроля М. Шнайдера, эмоционального интеллекта Н. Холла, прогрессивных матрицы Равена, а также данных наблюдений психологов учреждений и воспитателей несовершеннолетних осужденных. В работе применялись непараметрический критерий Манна–Уитни и факторный анализ. Результаты показывают, что среди несовершеннолетних осужденных есть формальные и неформальные лидеры. Формальные лидеры выделяются только в деловой сфере и имеют позитивную направленность, неформальные лидеры могут быть позитивными и негативными, деловыми и эмоциональными. Лидеры в большей степени ориентированы на решение задач, обладают развитыми лидерскими качествами, организаторскими и коммуникативными способностями. Однако прогностическими качествами, выделяющими лидера в среде несовершеннолетних осужденных, являются не только лидерские склонности, но и качества эмоционального интеллекта, позволяющие оценивать ситуацию, управлять своими эмоциями, оказывать психологическое воздействие на состояние окружающих.

Ключевые слова: коммуникативные и организаторские умения, коммуникативный контроль, лидерские склонности, несовершеннолетний осужденный, ролевая дифференциация, неформальный лидер, формальный лидер, эмоциональный интеллект.

Для цитаты:

Котенева А.В., Лихачева С.Н., Кокурин А.В. Социально-психологические особенности лидеров несовершеннолетних осужденных. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 206-225.
doi: 10.17759/psylaw.2018080315

For citation:

Koteneva A.V., Likhacheva S.N., Kokurin A.V. Socio-psychological characteristics of the leaders of the juvenile convicts. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3, pp. 206-225.
doi: 10.17759/psylaw.2018080315

Введение

Сегодня чрезвычайно важно исследовать особенности ролевой дифференциации лидерства среди несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях. Хотя в последние десятилетия наблюдается тенденция к снижению роста подростковой преступности, общее количество преступлений остается достаточно высоким среди лиц, не достигших совершеннолетия. В соответствии с Уголовным кодексом РФ, в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 21 года [1]. Психологическое сопровождение несовершеннолетних осужденных, их ресоциализация и воспитание предполагают изучение и оптимизацию межличностных отношений в этой среде [21].

Важнейшей особенностью среды осужденных являются сложные межличностные взаимоотношения, предполагающие свои законы, традиции и ролевую дифференциацию. На основе общих интересов, жизненного опыта и криминального статуса в исправительном учреждении образуются неформальные малые группы осужденных с конкретной иерархической структурой отношений и зависимостей, ценностными ориентациями, нормами и правилами поведения ее членов. Характер микросреды может повлиять на взаимную криминализацию, ужесточение конфликтов в исправительном учреждении. Лидеры имеют значительное влияние на окружающих их лиц, могут способствовать формированию определенных норм и идеалов [4; 9], под их воздействием другие осужденные могут совершать противоправные поступки [19; 20]. Ведь лидерство в малой группе – это феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов.

Администрации исправительного учреждения очень важно знать всех неформальных лидеров криминальных групп и уметь их выделить, чтобы легче установить психологический контакт. Кроме того, часть срока воспитанники отбывают в пенитенциарных учреждениях для взрослых осужденных, где идет острая борьба за авторитет и неформальное лидерство. Юношеский возраст является сензитивным для развития лидерских качеств. От лидерского потенциала воспитанника зависит дальнейшая его судьба.

Проблематика лидерства и руководства является традиционной для социально-психологической науки [2; 3; 14]. В психологии внимание отечественных и зарубежных исследователей в большей степени обращено на изучение политических лидеров, лидеров-управленцев, а также на совершенствование технологий выявления и формирования лидерских качеств и стилей, в том числе и в молодежной среде [8; 12; 13; 22; 26].

Однако, несмотря на высокую социальную значимость, проблема лидерства среди несовершеннолетних осужденных остается не разработанной в современной психологии. Лидерство в среде осужденных изучалось мало (Ю.М. Антонян, Е.П. Молчанова, В.Ф. Пирожков и др.) и в основном на выборках взрослых [4; 18; 20]. А.И. Мокрецов и В.В. Новиков отмечают, что на сегодняшний день обстоятельных научных работ по проблематике пенитенциарного лидерства практически нет, не существует и эффективных моделей организации превентивной и коррекционной работы с лидерами асоциальных группировок [17]. В психологии целый ряд работ посвящен исследованию психологических характеристик преступников, осужденных к пожизненному лишению свободы, несовершеннолетних осужденных, индивидуально-психологических качеств лидеров [10; 16; 21].

Изучение индивидуально-психологических особенностей осужденных, акцентуаций и других черт их характера показывает, что осужденные существенно не отличаются от законопослушных граждан. Различия обнаруживаются в особенностях проявления ценностных ориентаций, психических состояний и статусно-групповой принадлежности. Многие исследователи находят общие качества личности у несовершеннолетних и взрослых преступников [17; 18].

Данные о лидерских стилях, ролевой дифференциации лидерства, факторах становления лидеров, их характерных особенностях, полученные в среде менеджеров, политиков, молодежных лидеров не проверялись на возможность использования их в психологической и оперативной работе в пенитенциарном учреждении для несовершеннолетних. В психологии существует огромное количество теорий, объясняющих феномен лидерства, его природу, качества лидера, в их числе: теории лидерских черт, ситуативные теории, личностно-ситуативные теории, теории «ожидания-взаимодействия», мотивационные теории, харизматические и трансформационные теории [2; 3; 14; 24; 26]. В последнее время исследователи все больше обращают внимание на роль эмоций в отношениях «лидер-последователь». «Эмоциональные лидеры» в любой сфере жизнедеятельности (управления, политики и др.) отличаются не только силой характера, волей, настойчивостью, но и умением вдохновлять, воодушевлять, поддерживать высокую мотивацию, направлять и управлять психическим состоянием группы. Лидерство, по своей сути, является эмоциональным процессом, в котором лидеры проявляют эмоции и пытаются вызвать эмоции у своих членов. И роль эмоционального интеллекта в понимании и осознании эмоций, управлении ими велика [5; 6; 7; 23; 24; 25].

Целью данной работы явилось изучение особенностей ролевой дифференциации лидерства среди несовершеннолетних осужденных, выявление социально-психологических качеств формальных и неформальных лидеров, деловых и эмоциональных лидеров [9]. Учитывая психологические особенности несовершеннолетних, мы предположили, что наряду с традиционными социально-психологическими характеристиками лидера (наличие лидерского стиля, склонностей, организаторских и коммуникативных умений) ведущими являются качества эмоционального интеллекта, а именно, способности понимать

эмоциональное состояние и оказывать психологическое воздействие на состояние как свое собственное, так и окружающих людей. Хотя лидерство и основано на личных качествах лидера и социально-психологических отношениях, складывающихся в группе, среди несовершеннолетних особенно высоко должны оцениваться способности эмоционального воздействия на другого человека.

Программа исследования

В исследовании приняли участие 60 юношей, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России, в возрасте от 16 до 18 лет. Все они имеют первую судимость и находятся в колонии от 8 месяцев до 2,5 лет за совершение различных преступлений: вымогательство, разбой, грабёж, насильственные действия сексуального характера, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, незаконное приобретение и хранение наркотических веществ. Для оценки социально-психологических качеств несовершеннолетних осужденных использовались методики изучения лидерского стиля Р. Бейлза–К. Шнейера (модификация Т.В. Бендас), диагностики лидерских способностей Е. Жарикова, Е. Крушельницкого, коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синявского и В.А. Федорошина, коммуникативного контроля М. Шнайдера. Методика «Диагностика эмоционального интеллекта» Н.Холла позволила выявить способности понимать эмоции и управлять ими в межличностных отношениях, а прогрессивные матрицы Равена – особенности невербального интеллекта. В исследовании также учитывались данные наблюдений психологов учреждений и воспитателей несовершеннолетних осужденных. Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 11.5 for Windows с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни и факторного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

С целью изучения особенностей ролевой дифференциации были выделены две группы несовершеннолетних осужденных: лидеры (22 чел.) и ведомые (38 чел.). В качестве экспертов выступили психологи и воспитатели, которые оценивали юношей по ряду критериев: уровню активности несовершеннолетнего осужденного; участию в мероприятиях, проводимых в колонии, в качестве организатора; умениям устанавливать контакты; отношению к окружающим, администрации; степени влияния несовершеннолетнего осужденного на других осужденных.

Группа лидеров неоднородна и состоит из формальных (10 человек) и неформальных лидеров (12 человек). Формальные лидеры выделяются только в деловой сфере и имеют позитивную направленность, поскольку выдвигаются и поддерживаются администрацией и сотрудниками исправительного учреждения. Неформальные лидеры могут быть разной направленности: позитивные и негативные, деловые и эмоциональные, направленные на эмоциональную поддержку группы.

Социально-психологический портрет «лидеров» несовершеннолетних осужденных. Первая задача состояла в том, чтобы составить социально-психологический портрет лидеров и выявить различия между социально-психологическими качествами формальных и неформальных лидеров. Результаты по всем методикам и значимость их различий между группами представлены в табл. 1.

В результате проведенной диагностики был составлен портрет типичного лидера несовершеннолетних осужденных. Лидер сочетает оба стиля лидерского поведения, но все же в большей степени ориентирован на задачу ($x_{cp}=8,945$; $S=0,596$), чем на взаимоотношения ($x_{cp}=5,889$; $S=0,604$). Он обладает средним уровнем лидерских способностей ($x_{cp}=30,227$; $S=2,959$), коммуникативных умений ($x_{cp}=0,62$; $S=0,066$).

Несовершеннолетние осужденные лидеры стремятся к контактам с людьми, отстаивают свое мнение, однако их стремления не отличаются высокой устойчивостью. А вот организаторские умения сформированы у них на высоком уровне ($x_{cp}=0,737$; $S=0,02$): они способны принять самостоятельное решение в трудной ситуации. Все это они делают не по принуждению, а в соответствии с внутренними побуждениями.

Выявлен и высокий коммуникативный контроль ($x_{cp}=7,136$; $S=0,83$), что означает, что лидер постоянно следит за собой, управляет выражением своих эмоций. Что касается эмоционального интеллекта, то уровень его развития – средний ($x_{cp}=46,045$; $S=3,273$). На среднем уровне у них развиты и эмоциональная осведомленность ($x_{cp}=11$; $S=1,826$), и управление своими эмоциями ($x_{cp}=9,136$; $S=2,054$), и самомотивация ($x_{cp}=10,45$; $S=1,71$). Таким образом, лидеры несовершеннолетних осужденных способны направлять свои эмоции и эмоции других людей для достижения поставленных целей.

Таблица 1

Средние значения выраженности социально-психологических качеств у лидеров, неформальных и формальных лидеров и значимость их различий

Показатели	Средние значения			U эмп.	p
	Л	НФЛ	ФЛ		
<i>Методика изучения лидерского стиля Р. Бейлза-К. Шнейера (модификация Т.В. Бендас)</i>					
Лидерский стиль, ориентированный на задачу	8,945	9,29	8,5	18	< 0,01
Лидерский стиль, ориентированный на взаимоотношения	5,889	6,07	5,67	60	>0,05
<i>Методика «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера</i>					
Уровень коммуникативного контроля	7,136	5,58	9	0	< 0,01
<i>Методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого</i>					
Выраженность лидерских способностей	30,227	28,67	32,1	20,5	< 0,01

<i>Методика изучения коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синявского и В.А. Федорошина</i>					
Коммуникативные умения	0,62	0,677	0,553	0	< 0,01
Организаторские умения	0,737	0,726	0,75	21	< 0,01
<i>Методика «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла</i>					
Эмоциональная осведомленность	11	9,5	12,8	0	< 0,01
Управление своими эмоциями	9,136	10,83	7,1	0	< 0,01
Самотивация	10,45	9,25	11,9	0	< 0,01
Эмпатия	7,545	10,25	4,3	0	< 0,01
Распознавание эмоций других людей	7,909	8,58	7,1	53,5	>0,05
Интегративный уровень эмоционального интеллекта	46,045	48,58	43	0	< 0,01
<i>Тест Равена</i>					
Невербальный интеллект	95,14	95,67	94,5	55	>0,05

Примечание: Л – лидер, НФЛ – неформальный лидер, ФЛ – формальный лидер, У эмп. – значение по критерию Манни–Уитни, р – уровень значимости.

На низком уровне развития у представителей данной группы находятся эмпатия ($x_{cp}=7,545$; $S=3,262$) и распознавание эмоций ($x_{cp}=7,909$; $S=2,448$), что говорит о трудностях сопереживания. Воспитанники в большей степени эгоистичны, способны заботиться только об удовлетворении своих повседневных нужд. Невербальный интеллект лидеров – в пределах средних значений ($x_{cp}=95,14$; $S=2,748$).

Между формальными и неформальными лидерами есть значимые различия по ряду качеств. Неформальные лидеры, по их самоотчетам, более ориентированы на решение задачи, чем формальные лидеры. Их эмоциональный интеллект развит лучше: они лучше «чувствуют» другого человека, лучше управляют своими эмоциями, их коммуникативные умения развиты лучше. Однако у формальных лидеров лучше развита самотивация и эмоциональная осведомленность. Они считают, что являются хорошими организаторами. Лидерские способности и коммуникативный контроль развиты в более высокой степени, чем у неформальных лидеров. Возможно, такие результаты связаны с условиями проявления лидерских качеств: формальные лидеры выдвинуты и поддерживаются администрацией пенитенциарного учреждения, в то время как неформальные лидеры могут по разным причинам не «выпячивать» себя и свои способности. Кроме того, судя по полученным результатам, неформальные лидеры постоянно следят за собой, хорошо

осведомлены, где и как себя вести. Вторая задача состояла в изучении социально-психологических качеств последователей лидеров осужденных.

Социально-психологический портрет «ведомых» несовершеннолетних осужденных. Средние значения выраженности социально-психологических качеств у ведомых осужденных представлены в табл. 2. Юноши, не занимающие лидерских позиций, характеризуются одинаковой ориентированностью как на задачу ($x_{cp}=7,59$; $S=0,935$), так и на отношения ($x_{cp}=7,75$; $S=0,082$). Лидерские способности выражены у них немного лучше, чем у юношей-лидеров, хотя и соответствуют среднему уровню ($x_{cp}=31,5$; $S=2,14$). Коммуникативные ($x_{cp}=0,797$; $S=0,05$) и организаторские умения ($x_{cp}=0,826$; $S=0,021$), согласно результатам, сформированы на очень высоком уровне: они испытывают потребность в общении и организаторской деятельности и активно стремятся к ней, непринужденно ведут себя в новом коллективе, инициативны, предпочитают принимать самостоятельные решения, отстаивают свое мнение и добиваются, чтобы оно было принято товарищами.

Таблица 2

Средние значения показателей социально-психологических качеств лидеров и ведомых и значимость их различий между ними

Показатели	Средние значения		U эмп.	p
	Группа лидеров	Группа ведомых		
<i>Методика изучения лидерского стиля Р. Бейлза-К. Шнейера (модификация Т.В.Бендас)</i>				
Лидерский стиль, ориентированный на задачу	8,945	7,59	118,5	< 0,01
Лидерский стиль, ориентированный на взаимоотношения	5,889	7,75	0	< 0,01
<i>Методика «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера</i>				
Уровень коммуникативного контроля	7,136	7,21	415,5	>0,05
<i>Методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого</i>				
Выраженность лидерских способностей	30,227	31,5	327	>0,05
<i>Методика изучения коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Снявского и В.А. Федорошина</i>				
Коммуникативные умения	0,62	0,797	21	< 0,01
Организаторские умения	0,737	0,826	0	< 0,01

<i>Методика «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла</i>				
Эмоциональная осведомленность	11	6,895	183	< 0,01
Управление своими эмоциями	9,136	4,84	191	< 0,01
Самотивация	10,45	9,158	367,5	>0,05
Эмпатия	7,545	8,526	368	>0,05
Распознавание эмоций других людей	7,909	9,18	238	< 0,01
Интегративный уровень эмоционального интеллекта	46,045	38,45	117	< 0,01
<i>Тест Равена</i>				
Невербальный интеллект	95,136	92,868	213,5	< 0,05

Уровень коммуникативного контроля у этих воспитанников высокий ($x_{cp}=7,21$; $S=1,63$): они постоянно следят за выражением своих эмоций. При этом отмечается пониженный уровень эмоционального интеллекта ($x_{cp}=38,45$; $S=4,897$), неразвитые умения управлять своими эмоциями ($x_{cp}=4,84$; $S=4,408$), плохое осознание и понимание своих эмоций ($x_{cp}=6,895$; $S=3,547$). Им трудно идентифицировать свои эмоции и мотивацию при принятии решений ($x_{cp}=9,158$; $S=3,59$), узнавать свои слабые и сильные стороны, определять свои цели и жизненные ценности. Сочетание высокого уровня коммуникативного контроля с низким уровнем управления своими эмоциями, возможно, связано с некритичностью в отношении собственных качеств. Невербальный интеллект ведомых юношей находится в пределах средних значений ($x_{cp}=92,868$; $S=1,74$).

Применение критерия Манни–Уитни позволило выявить значимые различия по многим социально-психологическим качествам между группами (см. табл. 2). Так, лидеры ориентированы, в первую очередь, на выполнение задачи, а ведомые в большей степени – на взаимоотношения в группе. Коммуникативные и организаторские умения сформированы у лидеров хуже, чем у их последователей, но при этом они значительно лучше эмоционально осведомлены, управляют своими эмоциями.

Хотя лидеры хуже распознают эмоции, но, в целом, их уровень эмоционального и невербального интеллекта значительно выше, чем у несовершеннолетних осужденных, не являющихся лидерами. По уровню коммуникативного контроля и наличию лидерских способностей группы не различаются.

На первый взгляд, в исследовании получены результаты, противоречащие традиционным представлениям о лидере как человеке, обладающим набором конкретных качеств и умений.

Какие же качества относятся к лидерским? По методике «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого, лидерские способности включают в себя такие качества, как воля, настойчивость, терпеливость, инициативность, независимость,

психическая устойчивость, критичность и самокритичность, надежность, стрессоустойчивость, решительность и др. [11].

Эти качества, сочетающиеся с утратой духовно-нравственных ценностей, нарушением божественных заповедей, регулирующих поведение человека по отношению к Богу и к другому человеку («возлюби ближнего как самого себя», «не убий», «не кради», «не завидуй», «не прелюбодействуй», «не лжесвидетельствуй» и др.), оказываются необходимыми для совершения преступления. При решении задач ресоциализации и воспитании осужденных необходимо пробуждать духовное Я в человеке, его совесть, формировать духовно-нравственные качества, ориентировать на поиск высших ценностей и смыслов существования. Их утрата, а также греховные поступки, действия, становятся источником не только нарушения духовно-психологического и психофизического здоровья человека, но и деформации его личности [15].

Вместе с тем, эти характеристики не являются прогностическими для выявления лидера в среде несовершеннолетних осужденных, так как они присущи в одинаковой степени и лидерам, и их последователям. Таковыми, скорее, выступают качества эмоционального интеллекта, которые позволяют более точно оценивать ситуацию, управлять своими эмоциями, оказывать психологическое воздействие на окружающих.

С целью выявления структуры социально-психологических качеств лидеров и ведомых была проведена факторизация полученных данных методом главных компонент с помощью программы SPSS 11.5 for Windows.

Факторная структура социально-психологических качеств лидера несовершеннолетних осужденных. Факторные нагрузки показателей социально-психологических качеств представлены в табл. 3.

Генеральный фактор 1 (% дисперсии 54,43) включает 9 социально-психологических качеств и является биполярным. Так, на одном полюсе группируются такие показатели, как эмоциональный интеллект ($r= 0,983$), эмпатия ($r= 0,974$), коммуникативные умения ($r= 0,968$), лидерский стиль, ориентированный на задачу ($r= 0,983$), распознавание эмоций других людей ($r= 0,727$), управление своими эмоциями ($r= 0,700$), а на другом полюсе – самомотивация ($r= -0,947$), эмоциональная осведомленность ($r= -0,925$) и коммуникативный контроль ($r= -0,753$).

Этот фактор получил название «Качества делового лидера» и объясняет, благодаря каким качествам несовершеннолетний осужденный способен объединить окружающих для решения деловой задачи. Так, чем более выражен лидерский стиль, ориентированный на задачу, тем лучше у лидера сформированы коммуникативные умения, выражена эмпатия к другому человеку, наблюдается повышение общего уровня эмоционального интеллекта, умения быть эмоционально гибким, а также оказываются более развитыми способности оказывать психологическое воздействие на состояние другого человека.

Таблица 3

**Факторные нагрузки социально-психологических качеств лидера
 несовершеннолетних осужденных**

Показатели	Факторы		
	1	2	3
<i>Методика изучения лидерского стиля Р. Бейлза-К. Шнейера (модификация Т.В. Бендас)</i>			
Лидерский стиль, ориентированный на задачу	0,892673	0,220211	0,110221
Лидерский стиль, ориентированный на взаимоотношения	-0,14374	-0,97511	
<i>Методика «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера</i>			
Уровень коммуникативного контроля	-0,75339	0,561082	
<i>Методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого</i>			
Выраженность лидерских способностей	-0,15208	0,964598	
<i>Методика изучения коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синявского и В.А. Федорошина</i>			
Коммуникативные умения	0,967511	-0,20469	
Организаторские умения	-0,19441	0,928529	
<i>Методика «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла</i>			
Эмоциональная осведомленность	-0,92492	0,264188	
Управление своими эмоциями	0,700192	-0,66463	-0,13706
Самотивация	-0,94742		-0,16045
Эмпатия	0,974497	-0,15919	
Распознавание эмоций других людей	0,726713	0,653862	
Интегративный уровень эмоционального интеллекта	0,982728		
<i>Тест Равена</i>			
Невербальный интеллект			0,992727

Вместе с тем высокий уровень сформированности этих качеств и умений сопровождается снижением общей эмоциональной осведомленности, непониманием своих эмоций и чувств, своего состояния, способностей управлять собственными эмоциями и контролировать свое поведение в межличностном общении. То есть деловым лидером становится несовершеннолетний осужденный, который настроен на окружающих, умеет считывать их эмоции и воздействовать на их психическое состояние. При этом непонимание собственных чувств, эмоций не становится преградой в выдвижении группой его в качестве делового лидера.

Фактор 2 «Качества эмоционального лидера» (% дисперсии 31,67) состоит из 4 шкал и также является биполярным: лидерский стиль, ориентированный на взаимоотношения ($r = -0,975$), управление своими эмоциями ($r = -0,665$) и лидерские способности ($r = 0,965$), организаторские умения ($r = 0,929$), распознавание эмоций других людей ($r = 0,653$), уровень коммуникативного контроля ($r = 0,561$).

Для эмоционального лидера, ориентированного на межличностные отношения, в большей степени характерны эмоциональная отходчивость, эмоциональная гибкость, умение произвольно управлять своими эмоциями. Однако чем выше развиты эти качества, тем хуже выражены лидерские способности, организаторские умения, умения воздействовать на других людей и контролировать свое поведение в общении. Деловой и эмоциональный лидеры обладают прямо противоположными качествами.

Фактор 3 «Невербальный интеллект» (% дисперсии 8,16) включил одноименную шкалу и представляет собой самостоятельный фактор.

Факторная структура социально-психологических качеств вedomых несовершеннолетних осужденных. Факторные нагрузки показателей социально-психологических качеств представлены в табл. 4.

Генеральный фактор 1 «Качества вedomых осужденных» (% дисперсии 70,41) включает 11 показателей и является биполярным. На положительном полюсе находятся такие качества, как управление своими эмоциями ($r = 0,953$), самомотивация ($r = 0,947$), интегративный уровень эмоционального интеллекта ($r = 0,946$), уровень коммуникативного контроля ($r = 0,943$), лидерские способности ($r = 0,927$), организаторские умения ($r = 0,910$), распознавание эмоций других людей ($r = 0,731$).

Этим качествам противодействуют: лидерский стиль, ориентированный на задачу ($r = -0,977$), лидерский стиль, ориентированный на взаимоотношения ($r = -0,979$), эмоциональная осведомленность ($r = -0,946$), эмпатия ($r = -0,708$). Этот фактор объясняет, почему несовершеннолетние осужденные, стремящиеся стать лидерами, ими не становятся.

Таблица 4

Факторные нагрузки социально-психологических качеств ведомых несовершеннолетних осужденных

Показатели	Факторы	
	1	2
<i>Методика изучения лидерского стиля Р. Бейлза-К. Шнейера (модификация Т.В. Бендас)</i>		
Лидерский стиль, ориентированный на задачу	-0,97675	-0,156
Лидерский стиль, ориентированный на взаимоотношения	-0,97888	-0,1511
<i>Методика «Диагностика коммуникативного контроля» М. Шнайдера</i>		
Уровень коммуникативного контроля	0,942807	
<i>Методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого</i>		
Выраженность лидерских способностей	0,92734	0,139988
<i>Методика изучения коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синявского и В.А. Федорошина</i>		
Коммуникативные умения	0,187646	0,57113
Организаторские умения	0,909742	0,206462
<i>Методика «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла</i>		
Эмоциональная осведомленность	-0,94617	-0,13352
Управление своими эмоциями	0,95296	0,110437
Самотивация	0,946646	0,215843
Эмпатия	-0,70775	-0,39583
Распознавание эмоций других людей	0,730698	0,197795
Интегративный уровень эмоционального интеллекта	0,946442	0,193631
<i>Тест Равена</i>		
Невербальный интеллект		0,823468

С одной стороны, использование лидерского стиля в общении, как ориентированного на задачу, так и на взаимоотношения, основано на эмпатии, понимании своих эмоций и чувств.

Однако одновременно с этим ведомые осужденные отличаются эмоциональной ригидностью, неумением управлять своими эмоциями, пониженным уровнем эмоционального интеллекта, неумением контролировать себя в общении, оказывать воздействие на эмоциональное состояние окружающих, а также невыраженными лидерскими способностями и организаторскими умениями.

Фактор 2 «Интеллектуальная основа коммуникативных умений» (% дисперсии 10,96) включил шкалы: невербальный интеллект ($r = 0,823$) и коммуникативные умения ($r = 0,571$).

Уровень сформированности коммуникативных умений во много определяется уровнем невербального интеллекта. Чем лучше несовершеннолетние оперируют невербальной информацией, тем успешнее они устанавливают межличностные отношения. Результаты факторного анализа выявили существенные различия между лидерами и ведомыми по структуре социально-психологических качеств.

Выводы

1. Среди несовершеннолетних осужденных выделяются формальные и неформальные лидеры, а также ведомые. Формальные лидеры выделяются только в деловой сфере и имеют позитивную направленность, поскольку выдвигаются и поддерживаются администрацией и сотрудниками исправительного учреждения. Неформальные лидеры имеют разную направленность: позитивную и негативную, предполагающую решение задач или эмоциональную поддержку группы.

2. Формальные лидеры, по сравнению с неформальными лидерами, лучше понимают свое состояние, осознают эмоции и демонстрируют эмоциональную гибкость. У них сильнее проявляются лидерские способности и коммуникативный контроль. Однако неформальные лидеры более ориентированы на решение задачи, их эмоциональный интеллект развит лучше: они глубже «чувствуют» другого человека, умело управляют своими эмоциями, их коммуникативные умения развиты лучше.

3. Лидеры ориентированы в первую очередь на выполнение задачи, а ведомые в большей степени ориентированы на взаимоотношения в группе. Прогностическими качествами для выявления лидера в среде несовершеннолетних осужденных являются не лидерские склонности, а такие качества эмоционального интеллекта, которые позволяют более точно оценивать ситуацию, управлять своими эмоциями, оказывать психологическое воздействие на психическое состояние окружающих. Деловой и эмоциональный лидеры обладают прямо противоположными качествами. Деловым лидером становится тот несовершеннолетний осужденный, который хорошо понимает эмоции других и может оказывать на них психологическое воздействие. Эмоциональным лидером становится тот, кто проявляет эмоциональную гибкость, умение произвольно управлять своими эмоциями, а не эмоциями других людей.

4. Результаты исследования могут быть использованы при решении задач, связанных с психологическим сопровождением осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России, их ресоциализацией и воспитанием.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
2. Адаир Дж. Психология лидерства: [концепция непререкаемого лидерства] / Джон Адаир // [пер. с англ. М. Котельниковой]. М.: Эксмо, 2007. 342с.
3. Аллаярова Ж.С. Концептуализация природы лидерства как феномена [Электронный ресурс] // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2010. Т. 316. № 6. С. 203–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-prirody-liderstva-kak-fenomena> (дата обращения: 18.04.2018).
4. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминально-психологическое исследование. М.: Норма; Инфа-М., 2010. 368 с.
5. Батаева Б. Лидерство в условиях неопределенности и эмоциональное лидерство // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 10. С. 107–111.
6. Белоконь О.В. Эмоциональный интеллект и феномен лидерства: эксперимент «Строим вместе» // Психология. 2008. № 3. С. 137–144.
7. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта [Электронный ресурс]. М.: ООО «Альпина Паблишер», 2012. URL: http://thelib.ru/books/deniel_goulman/emocionalnoe_liderstvo_iskusstvo_upravleniya_lyudmi_na_osnove_emocionalnogo_intellekta-read.html (дата обращения: 18.04.2018).
8. Дубов И.Г. Активность индивида и его ориентация на группу в рамках процесса образования [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2012. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50658.shtml (дата обращения: 18.04.2018).
9. Евтихов О.В. Стратегии и приемы лидерства: теория и практика. СПб.: Речь, 2007. 238 с.
10. Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68324.shtml> (дата обращения: 26.04.2018).
11. Жариков Е., Крушельницкий Е. Диагностика лидерских способностей // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во института Психотерапии, 2002. С.222–227.

12. Ильин В.А. К вопросу об актуальных проблемах организационной психологии: обеспечение эффективности организационного лидерства – функциональный и личностный аспекты // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 62–77.
13. Занковский А.Н. Типология стилей организационного лидерства [Электронный ресурс] // Социально-экономические и психологические проблемы управления. Сборник научных статей по материалам I (IV) Международной научно-практической конференции, проходившей в Московском городском психолого-педагогическом университете с 23 по 25 апреля 2013 года. Часть 1 / Под общ. ред. М.Г. Ковтунович. М.: МГППУ, 2013. // URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63190.shtml (дата обращения: 18.04.2018).
14. Корытов В.В. Лидерство и руководство: основные тенденции становления и развития проблематики [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2010. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n3/Koritov.shtml (дата обращения: 18.04.2018).
15. Котенева А.В. Психологическая защита личности. М.: МГГУ, 2013. 562 с.
16. Лихачева С.Н. Лидерство среди несовершеннолетних осужденных // Современные подходы в оказании экстренной психологической помощи: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 25 марта 2017 г. / Под ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. М.: РУСАЙНС, 2017. С.203–206.
17. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание. М.: НИИ ФСИН России, 2006. 220 с.
18. Молчанова Е.П. Ролевая идентичность формальных и неформальных лидеров осужденных: автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Томск, 2003. 23 с.
19. Поздняков В.М., Дебольский М.Г. Профилактика криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, подозреваемых, обвиняемых: Методические рекомендации / Под общ. ред. В.М. Позднякова. М.: ФКУ НИИ ФСИН России; Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2015. 133 с.
20. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001. 704 с.
21. Яковлева Н.Ф. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: опыт Канской воспитательной колонии / Н.Ф. Яковлева, В.А. Карапчук, Н.М. Харламова; под общ. ред. Н.Ф. Яковлевой. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 212с.
22. Babiak J., Bajcar B., Nosal C.S. Heterogeneity of Leadership Styles as Behavioral Units: The Role of Personality in Searching for Leadership Profiles//Advances in Human Factors, Business Management, Training and Education. Advances in Intelligent Systems and Computing/ Kantola J., Barath T., Nazir S., Andre T. Springer, Cham. 2017. Vol 498.

https://doi.org/10.1007/978-3-319-42070-7_11

23. *Dasborough M.T., Ashkanasy N.M.* Emotion and attribution of intentionality in leader-member relationships // *The Leadership Quarterly*. 2002. Vol. 13. Issue 5. P. 615-634. doi: 10.1016/S1048-9843(02)00147-9
24. *Liang S.G., Steve Chi S.C.* Transformational Leadership and Follower Task Performance: The Role of Susceptibility to Positive Emotions and Follower Positive Emotions // *Journal of Business and Psychology*. 2013. Vol. 28. Issue 1. P. 17-29. doi: 10.1007/s10869-012-9261-x
25. *Johnson S.K.* I second that emotion: Effects of emotional contagion and affect at work on leader and follower outcomes // *The Leadership Quarterly*. 2008. Vol. 19. P. 1-19.
26. *Thoroughgood, C.N., Sawyer, K.B.* Who Wants to Follow the Leader? Using Personality and Work Value Profiles to Predict Preferences for Charismatic, Ideological, and Pragmatic Styles of Leading // *Journal of Business and Psychology*. 2018. Vol. 33. Issue 2. P. 181-202. doi: 10.1007/s10869-016-9486-1

Socio-psychological characteristics of the leaders of the juvenile convicts

Koteneva A.V., Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education (*akoteneva@yandex.ru*)

Likhacheva S.N., Master student, Moscow State University of Psychology & Education (*s89127614190@yandex.ru*)

Kokurin A.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education (*kokurin1@bk.ru*)

The problem of role differentiation of leadership among juvenile convicts is a socially significant and poorly studied problem in modern psychological science. The results of a study of 60 young men serving sentences in young offenders' institutions of the Federal penitentiary service of Russia in the age from 16 to 18 years are presented in the paper. "Leadership style" Questionnaire of R. Bale-K. Schneider (modification T.V. Bendas), "Leadership abilities" Questionnaire of E. Zharikova, E. Krushelnitskogo, "Communicative and organizational tendencies" Questionnaire of V.V. Sinyavsky and V.A. Fedoroshin, "Communicative control" Questionnaire of M. Schneider, "Emotional intelligence" Questionnaire of N. Hall, "Progressive matrix" of Raven were used to diagnosis of socio-psychological qualities of juvenile convict, as well as observations psychologists institutions and educators. The nonparametric Mann-Whitney criterion and factor analysis were applied. The results show that there are formal and informal leaders among juvenile convicts. Formal leaders stand out only in the business sphere and have a positive focus, informal leaders can be positive and negative, business and emotional. Leaders are more focused on solving problems, have developed leadership qualities, organizational and communication abilities. However, the prognostic qualities to identify a leader among juvenile convicts are not only leadership tendencies, but also the qualities of emotional intelligence, allowing to assess the situation, manage their emotions, to have a psychological impact on the state of others.

Key words: communication and organizational skills, communicative control, leadership tendencies, juvenile convict, role differentiation, informal leader, formal leader, emotional intelligence.

References

1. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ [The criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ].
2. Adair John. Psikhologiya liderstva: kontseptsiya neprerekaemogo liderstva [The psychology of leadership: the concept of unquestioned leadership]. Moscow: Eksmo, 2007. 342p.
3. Allayarova J.S. Kontseptualizatsiya prirody liderstva kak fenomena [Conceptualization of the nature of leadership as a phenomenon]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo*

-
- universiteta. *Inzhiniring georesursov [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Engineering of geo-resources]*. 2010, vol. 316, n. 6, pp. 203-207. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-prirody-liderstva-kak-fenomena> (Accessed 18.04.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Antonyan Yu.M. Lichnost' prestupnika. Kriminal'no-psikhologicheskoe issledovanie [The identity of the offender. Criminal psychological research]. – Moscow: Norma: Infra-M., 2010. 368 p.
 5. Bataeva B. Liderstvo v usloviyakh neopredelennosti i emotsional'noe liderstvo [Leadership in conditions of uncertainty and emotional leadership]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of management theory and practice]*. 2016, n. 10, pp. 107-111.
 6. Bilokon O.V. Emotsional'nyy intellekt i fenomen liderstva: eksperiment «Stroim vmeste» [Emotional intelligence and the phenomenon of leadership: an experiment “Building together”]. *Psikhologiya [Psychology]*. 2008, n. 3, pp. 137-144. (In Russ.).
 7. Golman D., Boyatzis R., McKee, E. Emotsional'noe liderstvo. Iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta [Emotional leadership. The art of managing people on the basis of emotional intelligence]. – Moscow: LLC “Alpina publisher”, 2012. Available at: http://thelib.ru/books/daniel_goulman/emocionalnoe_liderstvo_iskusstvo_upravleniya_lyudmi_na_osnove_emocionalnogo_intellekta-read.html (Accessed 18.04.2018). (In Russ.).
 8. Dubov I.G. Aktivnost' individa i ego orientatsiya na gruppu v ramkakh protsessa obrazovaniya [Elektronnyy resurs] [The Activity of the individual and his focus on the group as part of the process of education]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research PSYEDU.ru]*, 2012, n 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50658.shtml (Accessed 18.04.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
 9. Evtikhov O.V. Strategii i priyemy liderstva: teoriya i praktika [Strategies and methods of leadership: theory and practice]. – Saint-Petersburg: Speech, 2007. 238 p.
 10. Ekimova V.I., Kokurina I.V., Kokurin A.V. Osuzhdennyye k pozhiznennomu lisheniyu svobody: sotsialno-demograficheskaya. meditsinskaya. ugovolno-pravovaya i ugovolno-ispolnitelnaya kharakteristika, a takzhe osobennosti psikhologicheskogo soprovozhdeniya [Convicted to life imprisonment: socio-demographic, medical, criminal-legal and criminal-executive characteristics, as well as features of psychological support]. [Elektronnyy resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2014, n. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68324.shtml> (Accessed 26.04.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
 11. Zharikov Y., Krushelnitsky E. Diagnostika liderskikh sposobnostey [Diagnosis of leadership skills]. In Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. – Moscow: Publishing house of Institute of Psychotherapy, 2002, pp. 222-227.

12. Ilyin V.A. K voprosu ob aktualnykh problemakh organizatsionnoy psikhologii: obespecheniye effektivnosti organizatsionnogo liderstva – funktsionalnyy i lichnostnyy aspekty [To the question of actual problems of organizational psychology: ensuring the effectiveness of organizational leadership – functional and personal aspects]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2010, n. 1, pp. 62-77.
13. Zankovskaya A.N. Tipologiya stiley organizatsionnogo liderstva [Typology of the styles of organizational leadership] [Elektronnyy resurs]. In M.G. Kovtunovych (ed.) *Sotsialno-ekonomicheskiye i psikhologicheskiye problemy upravleniya. Sbornik nauchnykh statey po materialam I (IV) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. prokhodivshey v Moskovskom gorodskom psikhologo-pedagogicheskom universitete s 23 po 25 aprelya 2013 goda [Socio-economic and psychological problems of management. Collection of scientific articles on materials I (IV) International scientific-practical conference held in the Moscow city psychological-pedagogical University from 23 to 25 April of 2013. Part 1.]*. Moscow: MGPPU, 2013. Available at: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63190.shtml (Accessed 18.04.2018)
14. Korytov V.V. Liderstvo i rukovodstvo: osnovnyye tendentsii stanovleniya i razvitiya problematiki [Leadership and leadership: the main trends in the formation and development of problems] [Elektronnyy resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya [Psychological and pedagogical research PSYEDU.ru]*, 2010, n. 3. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n3/Koritov.shtml (Accessed 18.04.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. Koteneva A.V. Psikhologicheskaya zashchita lichnosti [Psychological defense of personality]. Moscow: Moscow state mining University, 2013, 562 p.
16. Likhacheva S.N. Liderstvo sredi nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Leadership among juvenile offenders]. In A.V. Kokurin, V.I. Ekimova, E.A. Orlova (ed.). *Sovremennyye podkhody v okazanii ekstremnoy psikhologicheskoy pomoshchi. Materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 25 marta 2017 g. [Current approaches in the provision of emergency psychological aid. Materials of the V all-Russian scientific-practical conference on March 25, 2017]*. – Moscow: RUSYNS, 2017, pp. 203-206.
17. Mokretsov A.I., Novikov V. Lichnost osuzhdennogo: sotsialnaya i psikhologicheskaya rabota s razlichnymi kategoriyami lits, otbyvayushchikh nakazaniye [Personality of the convicted: social and psychological work with various categories of persons serving sentences]. – Moscow: Institute of the Federal penitentiary service of Russia, 2006. 220 p.
18. Molchanova E.P. Rolevaya identichnost formalnykh i neformalnykh liderov osuzhdennykh: avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Role identity of formal and informal leaders of convicts: Ph. D. (Psychology) Thesis]. Tomsk, 2003. 23 p.
19. Pozdnyakov V.M., Debolsky M.G. Profilaktika kriminalnoy subkultury sredi nesovershennoletnikh osuzhdennykh, podozrevayemykh, obvinyayemykh: Metodicheskiye rekomendatsii. [Prevention of criminal subculture among juvenile

- convicts, suspects, accused: Methodical recommendations]. V.M. Pozdnyakov (eds.). – Moscow: PKU research Institute of the Federal penitentiary service of Russia, Tver: PKU NIIT FSIN Rossii, 2015. 133 p.
20. Pirozhkov V.F. Kriminalnaya psikhologiya [Criminal psychology]. – Moscow: "OS ' -89", 2001. 704 p.
 21. Yakovleva N.F. Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh: opyt Kanskoy vospitatelnoy kolonii [Resocialization of juvenile offenders: the experience of the Kansk educational colony] [Elektronnyy resurs]. N.F. Yakovleva. V.A. Karapchuk. N.M. Kharlamova; N.F. Yakovlevoy. (eds.) – 2nd ed., erased. M.: FLINTA, 2014. 212 p.
 22. Babiak J., Bajcar B., Nosal C.S. Heterogeneity of Leadership Styles as Behavioral Units: The Role of Personality in Searching for Leadership Profiles. In Kantola J., Barath T., Nazir S., Andre T. (eds) *Advances in Human Factors, Business Management, Training and Education. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Springer, Cham, 2017, vol 498. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42070-7_11. (In Engl.).
 23. Dasborough M.T., Ashkanasy N.M. Emotion and attribution of intentionality in leader-member relationships. *The Leadership Quarterly*. 2002, vol.13, issue 5, pp. 615-634. [https://doi: 10.1016/S1048-9843\(02\)00147-9](https://doi: 10.1016/S1048-9843(02)00147-9). (In Engl.).
 24. Liang SG., Steve Chi SC. Transformational Leadership and Follower Task Performance: The Role of Susceptibility to Positive Emotions and Follower Positive Emotions. *Journal of Business and Psychology*. 2013, vol. 28, issue 1, pp 17–29. <https://doi.org/10.1007/s10869-012-9261-x>. (In Engl.).
 25. Johnson S.K. I second that emotion: Effects of emotional contagion and affect at work on leader and follower outcomes. *The Leadership Quarterly*. 2008, vol. 19, pp. 1-19. (In Engl.).
 26. Thoroughgood, C.N. & Sawyer, K.B. Who Wants to Follow the Leader? Using Personality and Work Value Profiles to Predict Preferences for Charismatic, Ideological, and Pragmatic Styles of Leading. *Journal of Business and Psychology*. 2018, vol. 33, issue 2, pp. 181-202. <https://doi.org/10.1007/s10869-016-9486-1>. (In Engl.).

Клинико-психологические аспекты экспертной оценки уголовно- процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (oshevsky@serbsky.ru)

Терехина С.А., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (svterek@gmail.com)

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ; руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского (edozortseva@mail.ru)

Бадмаева В.Д., доктор медицинских наук, руководитель Отдела социальных и психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского (badmaeva.v@serbsky.ru)

Чибисова И.А., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела социальных и психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (chibis-irena@mail.ru)

Сыроквашина К.В., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (syrokvashina@mail.ru)

Александрова Н.А., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела социальных и психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ferusa4@yandex.ru)

Статья посвящена вопросам разработки клинико-психологических критериев оценки уголовно-процессуальной дееспособности (УПД) несовершеннолетних обвиняемых. На материале заключений комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз 100 несовершеннолетних обвиняемых мужского пола были выделены статистически значимые параметры психической деятельности, позволяющие дифференцировать группы процессуально дееспособных и процессуально недееспособных несовершеннолетних обвиняемых. Выделены три блока параметров экспертной оценки УПД. Первый блок включает в себя характер функционирования основных когнитивных процессов, второй – адекватность понимания социальных значений и способность строить на их основе умозаключения, третий – способность к социальной регуляции поведения. Обобщающим контролирующим компонентом системы является критичность. Выделены конкретные эмпирические показатели этих параметров. Авторы наметили перспективы дальнейших разработок в области клинико-психологического анализа УПД.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная дееспособность, несовершеннолетние обвиняемые, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних, социальная регуляция поведения.

Для цитаты:

Ошевский Д.С., Терехина С.А., Дозорцева Е.Г. и др. Клинико-психологические аспекты экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 226-239. doi: 10.17759/psylaw.2018080316

For citation:

Oshevsky D.S., Terekhina S.A., Dozortseva E.G. et al. Clinical and psychological aspects of the expert evaluation of competency to stand trial in juvenile offenders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 226-239. doi: 10.17759/psylaw.2018080316

Актуальность исследования

Обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетних в последние годы является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Это в полной мере касается детей и подростков, совершивших правонарушения, и в связи с этим участвующих в проведении судебно-следственных действий, а также судебных заседаний [8]. Действующее уголовно-процессуальное законодательство в качестве мер, обеспечивающих соблюдение прав и интересов несовершеннолетних, нарушивших закон, предусматривает обязательное участие в судопроизводстве законного представителя несовершеннолетнего и защитника (ст. 48, 49, 51 УПК РФ). Также обязательным условием при проведении допросов несовершеннолетних обвиняемых

является участие педагога или психолога [8]. Вместе с тем на современном этапе развития экспертных исследований несовершеннолетних первостепенное значение приобретает изучение влияния клинических, возрастных и психологических факторов, которые могут оказать негативное влияние на способность детей и подростков участвовать в уголовном судопроизводстве.

Анализ экспертной практики свидетельствует о том, что на протяжении последних лет судебно-следственными органами наряду с традиционным вопросом о способности несовершеннолетнего обвиняемого давать показания перед экспертами ставится задача по оценке его уголовно-процессуальной дееспособности в целом, включая и другие ее компоненты (далее УПД). Определение УПД в обобщенном виде содержалось в модельном Уголовно-процессуальном Кодексе стран СНГ [7]. Несмотря на тот факт, что в Уголовно-процессуальном Кодексе РФ отсутствует четкое определение УПД, в нем содержатся определенные требования уголовно-процессуального характера, предъявляемые к самому обвиняемому лицу [11]. Применительно к несовершеннолетним обвиняемым сохранная УПД предполагает наличие у них определенного уровня развития когнитивных, эмоционально-волевых, индивидуально-психологических особенностей, позволяющих им правильно понимать свое процессуальное положение, занимать активную позицию в судопроизводстве, последовательно и целенаправленно защищать собственные интересы и реализовывать свои права, продуктивно взаимодействовать с защитником, предоставлять ему полную и адекватную информацию по делу, соблюдать правила поведения в судебном заседании. Дифференцированная оценка всех компонентов УПД в совокупности с уже существующими законодательными нормами позволит обеспечить более качественную защиту прав и интересов несовершеннолетних обвиняемых. Методологические разработки, касающиеся клинических аспектов оценки УПД совершеннолетних правонарушителей, достаточно широко представлены в судебно-экспертной литературе: выделены и описаны критерии оценки УПД при различных видах психической патологии [3; 9]. Наряду с клиническими аспектами в последнее время интенсивно разрабатываются и психологические критерии оценки УПД. Однако они касаются преимущественно совершеннолетних правонарушителей [10; 14].

Основным показателем качества экспертной деятельности является обоснованность выводов, содержащихся в заключении судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы [12]. Данное требование приобретает особое значение в уголовном судопроизводстве, одним из участников которого выступает несовершеннолетний обвиняемый. При клинико-психологической оценке УПД обвиняемых детей и подростков экспертного доказывания наряду с их возрастными особенностями, влияющими на УПД, специального обоснования требуют и другие клинико-психологические аспекты. В связи с этим разработка клинико-психологических критериев оценки УПД несовершеннолетних обвиняемых приобретает не только теоретическую, но и практическую значимость.

Цель исследования – выделение клинико-психологических параметров оценки УПД несовершеннолетних обвиняемых с целью повышения обоснованности и доказательности экспертных исследований детей и подростков в практике уголовного процесса.

Материал исследования

В ходе исследования были проанализированы материалы заключений 100 несовершеннолетних обвиняемых мужского пола, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в отделении судебно-психиатрической экспертизы детей и подростков ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России в период с 2009 по 2017 г. В результате предварительного анализа были выделены 228 клинико-психологических параметров, которые были в дальнейшем подвергнуты статистической обработке.

Вся выборка испытуемых была разделена на две группы. В первую вошли несовершеннолетние обвиняемые, которых по решению экспертной комиссии было рекомендовано в дальнейшем исключить из участия в судопроизводстве («уголовно процессуально недееспособные», далее - гр. I) (n=32). Их средний возраст на момент совершения правонарушения составил $16,18 \pm 0,95$ лет. Во вторую группу были включены «уголовно процессуально дееспособные» несовершеннолетние (далее - гр. II) (n=68). Их средний возраст на момент совершения правонарушения составил $16,19 \pm 1,27$ лет. Исследуемые группы не различались по характеру совершенного правонарушения (в гр. I: агрессивно-насильственные правонарушения составили 70,59% случаев, сексуальные - 11,76%, имущественные - 17,65%; в гр. II: агрессивно-насильственные - 74,19%, сексуальные - 12,90%, имущественные - 12,90% случаев).

Для анализа и верификации данных использовались математико-статистические методы. Статистическая обработка проводилась с помощью программного пакета STATISTICA 6.0 rus. Использовались угловое преобразование Фишера (ϕ^*), коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r).

Результаты исследования

Одним из актуальных и вместе с тем дискуссионных вопросов при разработке проблемы оценки УПД несовершеннолетних обвиняемых является вопрос о соотношении вменяемости и уголовно-процессуальной дееспособности. Так, отдельные эксперты придерживаются мнения о том, что рекомендация признать подростка невменяемым в отношении совершенного им деликта фактически приравнивается к тому, что он является уголовно-процессуально недееспособным. Проведенный статистический анализ показывает, что это не соответствует действительности (табл. 1). Как видно из представленной таблицы, при том, что уголовно-процессуальная недееспособность действительно совпадала с невменяемостью, обратное неверно: в группе несовершеннолетних обвиняемых с сохранной УПД обнаружилось 13,24% «невменяемых» подростков, а самую многочисленную часть данной группы (57,35%) составили несовершеннолетние, которых экспертная комиссия рекомендовала признать «ограниченно вменяемыми». Из этого следует, что оценка УПД несовершеннолетних правонарушителей представляет самостоятельную задачу, при выполнении которой эксперты должны в большей степени ориентироваться на заранее выделенный комплекс клинико-психологических критериев, нежели на их «вменяемость/невменяемость». В целом данная проблема требует проведения дополнительных исследований.

Таблица 1

Соотношение экспертных решений и УПД у несовершеннолетних обвиняемых

Экспертное решение	Группы (% случаев)		Интервал достоверности (φ*)
	гр. I лишены УПД	гр. II УПД сохранна	
Вменяемость без ограничений	0,0	29,41	0,01
«Ограниченная вменяемость»	0,0	57,35	0,01
Невменяемость	100	13,24	0,01

Существенным обстоятельством при оценке УПД является нозологическая принадлежность психических нарушений несовершеннолетних обвиняемых.

Клинический анализ показал, что среди несовершеннолетних обвиняемых, лишенных УПД, преобладали испытуемые с расстройствами шизофренического спектра, в то время как у подростков с сохранной УПД достоверно чаще отмечались формирующиеся личностные расстройства. Представленность в обеих группах органической патологии не имела статистически значимых различий (табл. 2).

Таблица 2

Распространенность различных видов психических расстройств у несовершеннолетних обвиняемых с сохранной и нарушенной УПД

Вид психического расстройства	Группы (% случаев)		Интервал достоверности (φ*)
	гр. I, лишены УПД	гр. II, УПД сохранна	
Органическое психическое расстройство	35,48	51,47	Достоверных различий не выявлено
Расстройства шизофренического спектра	38,71	1,47	0,01
Расстройство личности	6,45	36,76	0,01
Умственная отсталость	19,35	10,29	Достоверных различий не выявлено

Данные результаты свидетельствуют о том, что психические расстройства шизофренического круга часто сопровождаются существенными изменениями в протекании психической деятельности несовершеннолетнего, в частности в функционировании его когнитивной сферы, что требует соотнесения с интеллектуальным критерием УПД. У подростков с выявленной психопатологией личностного спектра существенных интеллектуальных нарушений не отмечалось, в то время как обнаруживались выраженные особенности эмоциональной и волевой регуляции поведения. Таким образом, при сохранности потенциальной процессуальной дееспособности у этих подростков была нарушена актуальная возможность реализации этой способности в условиях уголовного судопроизводства.

Помимо основного психического заболевания у несовершеннолетних обвиняемых, лишенных УПД, достоверно чаще отмечались и другие варианты психической патологии (до 90,3% случаев), в частности синдром зависимости от психоактивных веществ.

С целью выделения психологических параметров оценки УПД несовершеннолетних обвиняемых был проведен сравнительный анализ состояния основных психических функций и индивидуально-психологических особенностей, выявленных при проведении экспериментально-психологического исследования в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Результаты исследования особенностей когнитивной сферы испытуемых обеих групп представлены в табл. 3.

Таблица 3

Особенности когнитивной сферы несовершеннолетних обвиняемых, значимые для оценки УПД (в таблице представлены только достоверные различия)

Сферы психической деятельности, оцениваемые параметры	Группы (% случаев)		Интервал достоверности (φ*)
	гр. I, лишены УПД	гр. II, УПД сохранна	
<i>Мнестические функции</i>			
<i>Непосредственное механическое запоминание</i>			
Сниженный уровень	26,67	5,88	0,01
Привнесение новых слов в воспроизведение	48,28	24,59	0,01
<i>Опосредованное запоминание</i>			
Сниженная продуктивность	45,16	10,29	0,01

<i>Смысловое запоминание</i>			
Трудности воспроизведения короткого рассказа	37,50	3,71	0,01
Ассоциативные процессы			
Неадекватность ассоциаций	85,71	13,51	0,01
Мыслительная деятельность			
Существенно сниженный уровень обобщения	32,26	2,04	0,01
Выраженная нецеленаправленность мышления	60,71	3,28	0,01
Неверная интерпретация условных смыслов	95,65	31,37	0,01
Неверное выстраивание логических связей	54,84	10,45	0,01

Проведенный анализ эмпирических данных в исследуемых группах позволил обнаружить ряд признаков функционирования когнитивной сферы, которые дают возможность статистически достоверно дифференцировать несовершеннолетних обвиняемых с нарушенной и сохранной УПД. Так, было выявлено, что когнитивные нарушения у подростков, лишенных УПД, проявляются уже на уровне предпосылок интеллекта. Наиболее существенные значимые различия между группами касались степени снижения непосредственного механического запоминания. У несовершеннолетних с рекомендацией лишения их УПД степень нарушений непосредственного запоминания была значимо выше по сравнению с подростками с сохранной УПД (соответственно в 26,67% и 5,88% случаев). Также статистически значимые различия ($p < 0,001$) между группами были обнаружены и в степени снижения продуктивности опосредованного запоминания (в 45,16% и 10,29% случаев соответственно). Существенные проблемы, связанные с высшим уровнем развития мнестических процессов, в качестве которого следует рассматривать смысловое запоминание, обнаруживались у испытуемых I группы. При экспериментально-психологическом исследовании они проявлялись в виде выраженных трудностей в ситуации воспроизведения воспринятого «на слух» простого короткого рассказа. У несовершеннолетних обвиняемых, лишенных УПД, проблемы в функционировании смыслового запоминания выявлялись в 37,50% случаев, что достоверно чаще по сравнению с группой подростков с сохранной УПД (13,51% случаев). Подытоживая сказанное, можно заключить, что у несовершеннолетних, «лишенных УПД», даже в специально созданных условиях организованного психологического экспериментального обследования обнаруживались нарушения в протекании всех видов мнестических процессов, включая процесс, наиболее важный для участия подростка в уголовном судопроизводстве, – смыслового запоминания.

Выявленные нарушения мнестических процессов у несовершеннолетних обвиняемых группы I сопровождались существенными нарушениями в протекании мыслительных процессов. В значительной степени это связано с высокой частотой представленности в этой группе подростков с умственной отсталостью и органической патологией. Так, у испытуемых I группы наблюдался существенно сниженный уровень процессов обобщения (32,26%), что достоверно чаще ($p < 0,001$) по сравнению с группой подростков с сохранной УПД (2,04%). Также у несовершеннолетних этой группы выявлялась бедность ассоциативной сферы, что свидетельствовало о низкой способности к абстрагированию. Специфические особенности мышления, проявляющиеся в существенном снижении уровня обобщения, сопровождались трудностями при установлении причинно-следственных связей на наглядном материале и неспособностью к правильной интерпретации условных смыслов (см. табл. 3). В то же время специфические нарушения мышления у подростков, страдающих расстройствами шизофренического спектра, проявлялись в нецеленаправленности мыслительной деятельности, искажениях процесса обобщения, разноплановости мышления, нарушениях ассоциативного ряда, отдаленности и неадекватности ассоциаций. Как в первом, так и во втором случае нарушения делали несовершеннолетних обвиняемых неспособными правильно воспринимать и адекватно осмысливать проводимые с ними судебные-следственные действия. В единичных случаях лишение процессуальной дееспособности отмечалось у несовершеннолетних с декомпенсацией формирующегося личностного расстройства. При этом в качестве ведущего нарушения выступало существенное снижение критической оценки собственных высказываний и самой судебной-следственной ситуации в целом.

Сравнительный анализ в группах также позволил выявить ряд специфических индивидуально-психологических особенностей, которые выступают серьезным препятствием к дальнейшему участию несовершеннолетнего обвиняемого в судебные-следственные действиях. Наибольшие значимые различия касались склонности к выраженному агрессивному реагированию. Эти нарушения достоверно чаще ($p < 0,001$) наблюдались у подростков, которых было рекомендовано считать лишенными уголовно-процессуальной дееспособности (в 51,72% против 31,25% случаев). Проведенный дополнительно корреляционный анализ показал, что подобное поведение значимо ($p < 0,001$) связано, прежде всего, с существенно сниженной критичностью к своему состоянию и результатам деятельности. Следует подчеркнуть, что если подобное поведение проявляется в достаточно щадящих условиях судебного-экспертного исследования, то можно прогнозировать, что их участие в дальнейших судебные-следственные действиях не будет продуктивным и целесообразным.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе проведенного исследования эмпирические данные позволяют выделить три блока нарушений психической деятельности несовершеннолетних, лишенных УПД.

Первый блок связан с низкой продуктивностью психических процессов и интеллектуальной дефицитарностью, которые являются серьезным препятствием для несовершеннолетнего при выполнении им когнитивных функций, необходимых для ориентации в судебной-следственной ситуации, формирования собственной позиции, а также конструктивного взаимодействия с лицами, призванными обеспечивать защиту его прав и

интересов. К данному блоку относятся такие параметры, как снижение уровня механического и опосредованного запоминания, трудности воспроизведения при смысловом запоминании, существенно сниженный уровень обобщения.

Второй блок представлен специфическими нарушениями мыслительных и ассоциативных процессов, затрудняющими социальное функционирование вследствие непонимания подростком социального контекста событий, неспособности адекватно воспринимать значение происходящего, делать соответствующие умозаключения, последовательно реализовывать цели, сформулированные совместно с представителем защиты. К нему относятся неадекватность ассоциаций, выраженная нецеленаправленность мышления, неверная интерпретация условных смыслов, а также неправильное выстраивание логических взаимосвязей.

Третий блок связан с особенностями функционирования эмоционально-волевой регуляции поведения и в большей степени отвечает за процесс реализации потенциальной способности несовершеннолетнего адекватно вести себя в реальной ситуации уголовного судопроизводства. К нему относятся внешнеобвиняющие, агрессивные тенденции, оппозиционность и склонность к протестным реакциям, нарушающие социальную коммуникацию подростков. Следует отметить, что актуальная реализация УПД при этом зависит как от степени выраженности таких особенностей у несовершеннолетнего, так и от ситуационных обстоятельств.

Критичность выступает в системе свойств, обеспечивающих или препятствующих реализации УПД, в качестве самостоятельного общего контролирующего механизма, а ее недостаточность свидетельствует о дефицитности уголовно-процессуальной дееспособности несовершеннолетнего.

Аналогичным образом можно заключить, что психологическими предпосылками сохранной УПД является нормальное функционирование основных когнитивных процессов (памяти, внимания, мышления), адекватная ориентация в системе социальных значений и смысловых связей, способность к организации собственного поведения в соответствии с основными правилами социума.

Проведенный клинико-психологический анализ позволяет выделить функциональный комплекс нарушений психической деятельности несовершеннолетних обвиняемых, учет которых дает возможность выносить обоснованное экспертное решение о нарушении или сохранности у них отдельных компонентов уголовно-процессуальной дееспособности и УПД в целом.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование свидетельствует о том, что при оценке УПД несовершеннолетних обвиняемых наряду с клинической квалификацией наличия или отсутствия у них психического расстройства важная роль должна отводиться психологической диагностике нарушений психической деятельности подростков-правонарушителей. Она позволяет выявить конкретные механизмы функционирования нарушенных звеньев когнитивной сферы, которые препятствуют возможности несовершеннолетних обвиняемых принимать активное участие в уголовном судопроизводстве, осуществлять адекватную продуктивную коммуникацию с участниками

уголовного процесса, отстаивать собственные права, предусмотренные современным законодательством. Также пристальное внимание психолога-эксперта должно быть уделено изучению индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних обвиняемых. В дальнейшем для уточнения и большей дифференцированности экспертных решений требуется выделение нозоспецифичных симптомокомплексов с характерными типами дефекта, влияющими на УПД несовершеннолетних. Кроме того, помимо использования психодиагностических методик стандартного патопсихологического исследования была бы полезна разработка специального инструментария для оценки ориентации подростка в вопросах организации судебного-следственного процесса, понимания им своего юридического статуса, прав, обязанностей, возможных перспектив и т. п.

Литература

1. *Бадмаева В.Д.* Уголовно-релевантные психические расстройства у подростков с противоправным поведением: автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М. 2016. 52 с.
2. *Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Макушкин Е.В.* К проблеме оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых // *Российский психиатрический журнал*. 2015. № 4. С. 4–10.
3. *Горинов В.В., Васюков С.А., Ушакова И.М.* Процессуальная дееспособность при психогенно обусловленных психических расстройствах // *Психическое здоровье*. 2014. Т. 12. № 11(102). С. 18–25.
4. *Макушкин Е.В.* Понятие уголовно-процессуальной дееспособности обвиняемых подростков // *Клиническая и подростковая судебная психиатрия* / В.А. Гурьева, Т.Б. Дмитриева, Е.В. Макушкин и др.; под ред. В.А. Гурьевой. М.: Медицинское информационное агентство, 2007. С. 304–319.
5. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Чибисова И.А., Александрова Н.А., Федонкина А.А.* Дифференцированная оценка уголовно-процессуальной дееспособности несовершеннолетних обвиняемых // *Судебно-психиатрическая диагностика* / Ред. Е.В. Макушкина, А.А. Ткаченко. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П.Сербского» Минздрава России, 2017. С. 362–386.
6. *Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А., Терехина С.А., Ошевский Д.С., Сыроковашина К.В.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних: метод. Рекомендации. М.: ФГУ «ГНЦСП Росздрава», 2011. 28 с.
7. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: / http://base.garant.ru/2566935/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 05.07.2018 г.).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания

- несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 05.07.2018 г.).
9. *Ткаченко А.А., Корзун Д.Н., Усюкина М.В., Самылкин Д.В., Харитonenкова Е.Ю.* Судебно-психиатрическая оценка уголовно-процессуальной дееспособности // Судебно-психиатрическая диагностика / Ред. Е.В. Макушкина и А.А. Ткаченко. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П.Сербского» Минздрава России, 2017. С. 412–472.
 10. *Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф.* Психолого-психиатрические аспекты оценки уголовно-процессуальной дееспособности // Российский психиатрический журнал. 2014. № 2. С. 12–17.
 11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принят 14.11.2002 г. (в редакции от 07.03.2018 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 05.07.2018 г.).
 12. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/12123142/#ixzz5MMUir9vy> (дата обращения: 05.07.2018 г.).
 13. *Федонкина А.А.* Способность несовершеннолетних правонарушителей к принятию решений в рамках оценки уголовно-процессуальной дееспособности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 164–176.
 14. *Sellbom M.* Using the MMPI-2-RF to Characterize Defendants Evaluated for Competency to Stand Trial and Criminal Responsibility [Электронный ресурс] // International Journal of Forensic Mental Health. 2017. Vol. 16. № 4. P. 1–9. URL: <http://lp.wiley.com/HandbookPsychology/SampleChapters/Volume11.pdf> (дата обращения: 5.07.2018).

Clinical and psychological aspects of the expert evaluation of competency to stand trial in juvenile offenders

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Senior Researcher of Laboratory of Child and Adolescent Psychology, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*oshevsky@serbsky.ru*)

Terekhina S.A., PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher of Laboratory of Child and Adolescent Psychology, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*svterek@gmail.com*)

Dozortseva E.G., Doctor of Psychology, Professor, Head of the Chair of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology of Childhood and Adolescence, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*edozortseva@mail.ru*)

Badmaeva V.D., Doctor of Psychiatry, Head of the Department of Social and Forensic Psychiatric Issues of Minors, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*badmaeva.v@serbsky.ru*)

Chibisova I.A., PhD (Medicine), Senior, Researcher, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*chibis-irena@mail.ru*)

Syrovkashina K.V., PhD (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Child and Adolescent Psychology, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*syrovkashina@mail.ru*)

Aleksandrova N.A., PhD (Medicine), Senior Researcher, The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Ministry of Health of the Russian Federation (*ferusa4@yandex.ru*)

The article deals with issues of clinical-psychological criteria of expert evaluation of competency to stand trial (CST) in juvenile offenders. Using the material of joint forensic psychiatric-psychological evaluations of 100 male juvenile offenders the authors singled out statistically significant indices of psychic activity, which differentiated groups of juveniles with and without CST. Three blocks of parameters for the CST expert evaluation are described. The first block includes the functioning character of the main cognitive processes, the second – the adequacy of social meanings understanding and of the ability to build logical conclusions on their basis, the third – the ability of social behavior regulation. The general controlling component of the system is critical thinking.

Concrete empirical indices of the parameters are presented. The authors outline perspectives of the future development of the clinical-psychological analysis of the CST.

Key words: Competency to stand trial, juvenile offenders, joint forensic psychiatric-psychological evaluation, social behavior regulation.

References

1. Badmaeva V.D. Ugolovno-relevantnyie psihicheskie rasstroystva u podrostkov s protivopravnyim povedeniem. Avtoref. dis. dokt med. nauk. [Criminally relevant mental disorders in adolescents with wrongful conduct. Dr. Sci. (Psychiatry). Thesis.]. Moscow, 2016. 52 p.
2. Gorinov V.V., Vasyukov S.A., Ushakova I.M. Processualnaya deesposobnost pri psihogenno-obuslovlennyh psihicheskikh rasstrojstvah [The procedural capacity for psychogenically induced mental disorders]. Psihicheskoe zdorove. [Mental Health]. 2014. tom 12 n. 11 (102). Pp. 18-25.
3. Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Makushkin E.V. K probleme otsenki ugolovno-protsessualnoy deesposobnosti u nesovershennoletnih obvinyaemyih. [To the problem of assessing the criminal procedural capacity for juvenile defendants] // Rossiyskiy psihiatricheskii zhurna [Russian journal of psychiatry], 2015, no. 4. pp. 4-10.
4. Makushkin E.V. Ponyatie ugolovno-protsessualnoy deesposobnosti obvinyaemyih podrostkov [The concept of criminal procedural capacity of accused teenagers]. In Gureva V.A. (ed.) *Klinicheskaya i podrostkovaya sudebnaya psihiatriya [Clinical and adolescent forensic psychiatry]*. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2007, pp. 304-319.
5. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Oshevskiy D.S., Chibisova I.A., Aleksandrova N.A., Fedonkina A.A. Differentsirovannaya otsenka ugolovno-protsessualnoy deesposobnosti nesovershennoletnih obvinyaemyih [A differentiated assessment of the criminal procedural capacity of juvenile defendants]. In Makushkin E.V., Tkachenko A.A. (ed.). *Sudebno-psihiatricheskaya diagnostika [Forensic psychiatric diagnostics]*. Moscow: FGBU «FMI CPN im. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2017. Pp. 362-386.
6. Makushkin E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Chibisova I.A., Terehina S.A., Oshevskiy D.S., Syirokvashina K.V. Kompleksnaya sudebnaya psihologo-psihiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnih. Metodicheskie rekomendatsii. [Comprehensive forensic psycho-psychiatric examination of minors. Guidelines]. Moscow: FGU «GNC SSP Roszdrava», 2011. 28 p.
7. Modelnyiy Ugolovno-protsessualnyiy Kodeks dlya gosudarstv-uchastnikov SNG. [Model Code of Criminal Procedure for the CIS member states]. Informatsionno-pravovoy portal «Garant.ru» [Electronnyi resurs]. URL: <http://base.garant.ru/2566935/#friends> (Accessed 25.07.2018).
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 g. No. 1 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation] «O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatelstva, reglamentiruyushego osobnosti ugolovnoy

- ответственности и наказания несовершеннолетних» [On judicial practice of application of the legislation regulating features of the criminal liability and punishment of minors]. [Elektronnyy resurs]. Sistema «Konsultant plyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/
9. Tkachenko A.A., Korzun D.N., Usyukina M.V., Samyilkin D.V., Haritonenkova E.Yu. Sudebno-psihiatricheskaya otsenka ugovovno-protsessualnoyko deesposobnosti [Judicial-psychiatric assessment of criminal procedural capacity]. In Makushkin E.V., Tkachenko A.A. Sudebno-psihiatricheskaya diagnostika [Forensic psychiatric diagnostics]. Moscow: FGBU «FMI CPN im. V.P.Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2017. Pp. 412-472.
 10. Tkachenko A.A., Morozova M.V., Savina O.F. Psihologo-psihiatricheskie aspekty otsenki ugovovno-protsessualnoy deesposobnosti [Psychological and psychiatric aspects of the assessment of criminal procedural capacity. Rossiyskiy psihiatricheskij zhurnal. [Russian journal of psychiatry]. 2014. No. 2. Pp. 12-17.
 11. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v redaktsii ot 07.03.2018 g.). [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_39570/ (Accessed 25.07.2018).
 12. Federalnyy zakon ot 31 maya 2001 g. N 73-FZ «O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii». [Elektronnyy resurs] [The Federal Law «On State Forensic activities in the Russian Federation»]. URL: <http://base.garant.ru/12123142/#ixzz5MMUir9vy> (Accessed 25.07.2018).
 13. Fedonkina A.A. Sposobnost nesovershennoletnih pravonarushitelej k prinyatiyu reshenij v ramkah ocenki ugovovno processualnoj deesposobnosti [The ability of juvenile offenders to take decisions within the framework of assessing criminal procedural capacity] [Elektronnyy resurs] Psihologiya i pravo. [Psychology and Law]. 2018 tom 8-2. pp. 164-176.
 14. Sellbom M. Using the MMPI-2-RF to Characterize Defendants Evaluated for Competency to Stand Trial and Criminal Responsibility [Электронный ресурс] // International Journal of Forensic Mental Health. 2017. Vol. 16. № 4. P. 1-9. URL: <http://lp.wiley.com/HandbookPsychology/SampleChapters/Volume11.pdf> (Accessed 5.07.2018).

Проектирование личностно развивающих педагогических систем с учетом образовательных потребностей обучающихся и факторов социокультурной макросреды

Ходякова Н.В., доктор педагогических наук, профессор, кафедра психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (Hodyakova@rambler.ru)

Митин А.И., доктор педагогических наук, профессор, кафедра прикладной информатики и мультимедийных технологий, факультет информационных технологий, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (mitin_ai@mail.ru)

Хухлаева О.В., доктор педагогических наук, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (Huhlaevaolga@mail.ru)

В статье рассмотрены проблемные вопросы проектирования личностно развивающих педагогических систем: недооценка в проектах обучения роли образовательных потребностей обучающихся, а также стимулов и возможностей социокультурной макросреды. Названы субъективные (потребности и мотивы, цели, индивидуальный опыт) и объективные (требования, противоречия и риски, коммуникативные и деятельностные возможности среды) факторы влияния на развитие личности. Приведена модель развития личности во взаимодействии с образовательной средой – последовательная смена ролевых позиций обучающегося, его образовательных потребностей и требуемых ему условий среды. На основе данной модели предложен вариант анкеты по изучению образовательных потребностей обучающихся. Кратко описан процесс апробации анкеты. Приведены и проанализированы результаты анкетирования обучающихся образовательных организаций высшего и дополнительного профессионального образования. Сделаны практически значимые выводы для педагогического проектирования личностно развивающих образовательных систем.

Ключевые слова: личность, развитие личности, образовательная потребность, социокультурная макросреда, педагогическое проектирование.

Для цитаты:

Ходякова Н.В., Митин А.И., Хухлаева О.В. Проектирование личностно развивающих педагогических систем с учетом образовательных потребностей обучающихся и факторов социокультурной макросреды. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 240-253.
doi: 10.17759/psylaw.207070310

For citation:

Khodyakova N.V., Mitin A.I., Khukhlaeva O.V. Projecting personality developing pedagogical systems in view of students' educational needs and factors of social and cultural macro-environment. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 3. pp. 240-253.
doi: 10.17759/psylaw.2018080317

Личность обучающегося выступает и ведущей целью, и базовой ценностью современного отечественного образования. Любой подход к проектированию образовательных систем, элиминирующий, недооценивающий или всего лишь декларирующий роль личности, обречен на неадекватность конструируемых исследователями моделей педагогического процесса и неполноту учета влияющих на его протекание факторов. Как показывают наши исследования [6, 10, 12], проектирование личностно развивающих систем образования невозможно как без учета детерминирующих личностный рост субъективных факторов: актуальных мотивов, потребностей, интересов, целей, накопленных обучающимся когнитивного, эмоционально-чувственного, ценностно-смыслового и креативно-деятельностного видов опыта, так и без учета влияющих на развитие личности объективных (средовых) факторов: внешних требований к обучающемуся, социокультурных норм и образцов, представленных в среде трудностей, рисков, противоречий и проблем, а также вариативных возможностей деятельности и коммуникации. Это связано с тем, что личность и среда всегда образуют диалектическое единство. Личность проявляет и позиционирует себя в изменяющейся социокультурной среде, а среда предоставляет личности психологические стимулы и процессуально-содержательные возможности для развития.

Естественным механизмом включения обучающегося в процесс обучения является его стремление удовлетворить свои образовательные потребности. Все чаще современные школьники и студенты удовлетворяют свои познавательные потребности, обращаясь с вопросами не к педагогам или сотрудникам библиотек, а к участникам Интернет-форумов или пользователям социальных сетей, формируя информационные запросы в поисковых системах Интернет и т.п. Педагоги, в свою очередь, проектируя процесс обучения, ориентируются прежде всего на нормативные требования, на основе которых оценивается качество их деятельности, и не озабочены «педагогизацией» внеинституциональных по отношению к системе образования информационно-образовательных сред. Изучение образовательных потребностей обучающихся в начале цикла обучения пока не является для педагогов нормой. В школах и вузах регулярно организуются «входной» и итоговый контроль знаний, иногда изучается мнение обучающихся относительно прошедшего курса

обучения, но крайне редко педагоги изучают образовательные потребности обучающихся. Возможно, это связано с трудностями выбора или создания педагогами подходящих диагностических методик, которые могли бы быть реализованы в обучении в режиме «реального времени».

Сказанное позволяет выделить в качестве значимых две проблемы: 1) разработки и опытной апробации методики изучения педагогами образовательных потребностей обучающихся; 2) определения на основе проведенной диагностики средовых факторов социокультурной макросреды, которые следует включать в образовательные проекты с целью удовлетворения образовательных потребностей обучающихся. Решению этих проблем посвящена данная публикация.

В основу подготовки диагностической методики была положена динамическая модель ситуационного цикла личностно развивающего взаимодействия обучающегося с образовательной средой [11, с. 109-128]. В соответствии с данной моделью обучающийся обычно выполняет в конкретной учебной ситуации одну (наиболее выраженную) ролевую функцию из четырех следующих:

- «реципиент» - субъект активного восприятия и понимания новой учебной информации, требований к учебной деятельности, заинтересованный в позитивной оценке со стороны педагога;
- «деятель» - субъект целеполагания, самостоятельной учебной деятельности, свободного выбора средств достижения ее целей, заинтересованный в своей объективной успешности;
- «коммуникатор» - субъект учебного общения, формирующий и представляющий другим свою личностную позицию, готовый к толерантному ценностно-смысловому диалогу, заинтересованный в позитивной социально-групповой оценке;
- «новатор» - субъект творческой самореализации, самооценки и самокоррекции, осознающий риски и преодолевающий сопротивление среды, утверждающийся в процессе практического воплощения своих идей.

Цикл личностного развития обучающегося в образовательной среде состоит в последовательной смене названных ролей и накоплении соответствующих видов личностного опыта: чувственного восприятия и когнитивной ориентировки; предметно-деятельностной ориентировки, ценностно-смысловой ориентировки и целостной ориентировки. Завершение цикла развивающего взаимодействия личности и среды характеризуется новообразованиями в личностном опыте и требует качественного обновления образовательной среды. Заметим, что каждой из этих ролей гипотетически соответствуют определенные образовательные потребности обучающегося и определенные признаки и состав обеспечивающей эти потребности образовательной среды.

Так, обучающийся-«реципиент» испытывает потребность в новых и доступных для понимания знаниях, скорейшей психологической адаптации в условиях новой образовательной среды, переживании во взаимодействии со средой положительных эмоций, позитивной педагогической оценке. В связи с этим образовательная среда должна обладать для него, с одной стороны, признаками новизны, а, с другой стороны, системной

организации, психологической защищенности, эргономичности, эстетичности. Для этого в ее состав необходимо включать такие факторы социокультурной макросреды, как: адаптированная к возможностям обучающихся новая научная информация, представленная в рекомендованных уполномоченными государственными структурами учебниках и учебных пособиях; государственные требования образовательных стандартов; действующий во всех образовательных организациях страны регламент организации процесса обучения (в том числе, пространственно-временной регламент); научно обоснованные нормы учебной нагрузки; внешняя психолого-педагогическая регуляция межличностных отношений в учебной группе; утвердившиеся в теории и образовательной практике критерии и шкалы оценки учебных достижений; а также эстетические правила эмоционально благоприятного предметно-пространственного и информационного дизайна.

Обучающийся-«деятель» ощущает потребность испытать свои силы, быть успешным в выполнении учебно-предметной деятельности. Для него образовательная среда должна обладать признаками вариативности, соревновательности, «совместно распределенного действия (со-действия)» [7, с. 11]. В ее состав должны входить такие факторы макросреды, как: альтернативные традиционной учебной литературе источники учебной информации (электронные образовательные ресурсы, Интернет-источники, публикации в СМИ и др.), вариативные средства выполнения учебной деятельности, фонд разноуровневых задач и множество способов их решения, симуляционные деловые игры и виртуальные среды имитации реальных и лабораторных процессов [3, с. 81], эталонные образцы и критерии оценки достижений в определенной предметной области.

Обучающийся-«коммуникатор» нуждается в конструктивной коммуникации с другими субъектами образовательного процесса, в преодолении барьеров общения, в оформлении и презентации своей личностной позиции. Образовательная среда для него должна быть референтной и диалогичной. В ее состав должны быть включены такие факторы, как: «инструменты культуры» – символы, образные модели [5], образцы личностного саморазвития выдающихся людей, коммуникации со значимыми людьми, сервисы социальных сетей [4, с. 30], вариативные средства самовыражения, представление дискуссионных точек зрения на изучаемое явление, проблемный контекст жизнедеятельности, этические коллизии межличностных и межкультурных отношений, правила цивилизованного общения и сотрудничества [8].

Обучающийся-«новатор» испытывает потребность в экспериментальной апробации своих идей и представлений, практическом воплощении своей позиции, в максимальной свободе действий. Образовательная среда для такого обучающегося должна быть нерегламентированной, инструментальной, внешне безоценочной. В ее состав следует включать такие факторы социокультурной макросреды, как: пространство для испытаний, опытов и экспериментов [6, с. 66], социально значимые культурные проекты и научные исследования, вариативные инструменты для творчества, свобода выбора пространственных и временных параметров активности, свобода выбора партнеров по коммуникации и деятельности.

Для опытной проверки данных модельных представлений нами была разработана анкета и в апреле-мае 2018 г. проведены пилотажное исследование на группе из 13 преподавателей-методистов и последующий анонимный опрос 167 обучающихся образовательных организаций высшего и дополнительного профессионального

образования, расположенных в г. Москве и Московской области (Московского государственного психолого-педагогического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академии управления МВД России, Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации). По результатам пилотажного исследования респонденты оценили анкету как имеющую очевидную валидность [1, с. 166] и рекомендовали добавить в анкету раздел «Общие сведения о респонденте» с указанием возраста испытуемых.

После проведения основного опроса было установлено, что 5 анкет не соответствовали правилам их заполнения, в связи с чем они были признаны испорченными и не были обработаны. Таким образом, общая итоговая выборка составила 162 человека.

Вопросы анкеты отражали образовательные потребности обучающихся в отношении содержания, методики обучения, типа профессионального поведения и деятельности преподавателя (3 вопроса - № 2, 3, 4) и характеризовали ситуацию «Я в образовательной среде» через выбор респондентом своих цели и роли в обучении (2 вопроса - № 1, 5). На каждый из вопросов предлагалось дать только один (наиболее подходящий) вариант ответа, при этом каждому вопросу соответствовали 4 готовых варианта ответа, соответствующих различающимся ролевым позициям обучающихся, а также открытый вариант ответа, если ни один из готовых вариантов не устраивал опрашиваемого. В разделе анкеты «Общие сведения о респонденте» опрашиваемые указывали свой возраст, пол, профиль получаемого образования. Чтение анкеты и выбор подходящих ответов занимали в среднем 10-15 мин.

По первому вопросу (В1): «Для Вас главной целью обучения в вузе в настоящее время является:» были предложены следующие варианты ответов: 1) получение новых знаний для успешной адаптации к условиям профессиональной деятельности (О1); 2) приобретение умений и навыков, практического опыта успешной самостоятельной деятельности в избранной профессии (О2); 3) конструктивное общение с сокурсниками и преподавателями, обмен мнениями по проблемным вопросам профессиональной деятельности (О3); 4) определение собственной стратегии и тактики профессиональной деятельности, готовность к инновациям в профессиональной среде (О4); 5) другое (напишите) (О5).

По второму вопросу: «Какое содержание обучения Вы считаете наиболее значимым?» (В2) предлагались следующие варианты ответов: 1) изучение актуальных источников информации по учебным вопросам, формирование системных знаний по всем разделам образовательной программы (О1); 2) изучение вариативных источников учебной информации; свободный выбор учебных предметов, видов учебной деятельности, учебных задач (О2); 3) проблемный контекст изучаемого материала, представление дискуссионных точек зрения по учебным вопросам (О3); 4) исследовательская деятельность, выполнение креативных учебно-профессиональных проектов (О4); 5) другое (напишите) (О5).

По третьему вопросу: «Какая методика обучения для Вас наиболее предпочтительна?» (В3) были предложены следующие варианты ответов: 1) традиционная, когда преподаватель доходчиво излагает учебный материал, обучающиеся его воспринимают, понимают, запоминают и воспроизводят, по итогам обучения педагог

оценивает успешность каждого (O1); 2) вариативная, при которой преподаватель предлагает на выбор различные виды учебной деятельности и способы их осуществления, несколько уровней сложности учебных задач, а обучающийся самостоятельно реализует выбор, пробует свои силы в освоении различных учебных действий, сравнивает свои результаты с результатами других обучающихся на основе критериев объективной оценки (O2); 3) диалогическая, когда преподаватель организует межличностное взаимодействие, следит за соблюдением правил общения и сотрудничества, а обучающиеся в процессе коммуникации выражают свою позицию, взаимно обогащают знания и опыт друг друга, при этом оценка их действий формируется на основе социокультурных норм и мнения группы (O3); 4) продуктивная, когда преподаватель создает благоприятные условия для творческой деятельности обучающихся: выявления и самостоятельной формулировки проблем в данной предметной области, разработки инновационных предложений по их решению, проверки практической реализуемости выдвинутых инноваций, самооценки и самокоррекции (O4); 5) другое (напишите) (O5).

По четвертому вопросу (B4): «Какой тип профессионального поведения и деятельности преподавателя Вам более всего импонирует?» предлагались следующие варианты ответов: 1) «профессионал» - отлично знающий свой предмет и задающий образец выполнения соответствующей предметной деятельности, способный внятно и доступно объяснить сложные вопросы, справедливо оценивающий результаты обучения (O1); 2) «тьютор» - широко эрудированный, владеющий различными технологиями деятельности, умеющий эффективно организовать учебные игры, конкурсы и соревнования, предоставляющий в обучении максимальную свободу выбора и готовый проконсультировать обучающихся в ходе реализации их «индивидуального образовательного маршрута» (O2); 3) «модератор» - педагог высокого уровня культуры, обладающий способностью к взаимопониманию, умеющий сформулировать актуальную проблему и эффективно организовать ее обсуждение в группе, способный преодолеть психологические барьеры в общении и обеспечить психологическую безопасность каждому из участников коммуникации (O3); 4) «фасилитатор» - педагог, обладающий открытостью и широтой мышления, демонстрирующий в своей деятельности гибкость и адаптивность, готовый ответить на особые образовательные запросы и потребности обучающихся, поддерживающий в обучающихся их творческую индивидуальность, задающий образец профессионально-личностного саморазвития (O4); 5) другое (напишите) (O5).

По пятому вопросу: «Какая из условно выделенных ролей обучающихся Вам наиболее близка?» (B5) были предложены следующие варианты ответов: 1) «реципиент» - субъект, активно воспринимающий учебную информацию и требования педагогов, добывающийся их полного понимания, стремящийся сформировать у себя четкую систему представлений по изучаемым предметам, добросовестно выполняющий все задания, нормы и правила учебной деятельности (O1); 2) «деятель» - субъект самостоятельной учебной предметно-практической деятельности, заинтересованный в своей объективной успешности, способный к выделению в образовательной среде значимых для себя учебных дисциплин и преподавателей, готовый к участию в учебных играх, конкурсах и соревнованиях, познающий и развивающий свои индивидуальные способности и возможности (O2); 3) «коммуникатор» - субъект учебного общения и совместной деятельности, формирующий и представляющий окружающим свою собственную профессиональную позицию, готовый к ценностно-смысловому диалогу по проблемам профессиональной деятельности, толерантно воспринимающий точки зрения оппонентов,

внимательный к оценке своих действий со стороны других участников учебного взаимодействия (О3); 4) «новатор» - субъект, имеющий собственные представления о должной профессиональной и учебной деятельности, готовый к реализации на практике своих идей и предложений, осознающий и преодолевающий психологические риски и сопротивление среды, утверждающийся в своей правоте или корректирующий свои представления (О4); 5) другое (напишите) (О5).

Как видно из приведенных формулировок, все четыре варианта ответов на пять задаваемых вопросов логически связаны между собой и образуют единую смысловую линию проектирования содержания и методов обучения, а также организационно-педагогической деятельности преподавателя. Так линия ответов О1 на все пять вопросов наиболее соответствует традиционному (классическому) варианту обучения. Линия О2 в большей степени применяется в практико-ориентированном обучении какому-либо виду деятельности (профессиональной, спортивной, художественной). Линия О3 чаще всего используется в обучении гуманитарным предметам. А линия ответов О4 наиболее соответствует варианту работы с одаренными обучающимися.

Анализируя результаты опроса, мы обращали внимание не только на значения количества выборов тех или иных вариантов ответов на вопросы анкеты, но и на выбор идентичных ответов на вопросы №№ 1, 5, характеризующий устойчивость целе-ролевого самоопределения обучающегося, а также на выбор трех или не менее двух идентичных ответов из трех на вопросы №№ 2, 3, 4, характеризующий согласованные образовательные потребности обучающихся [9].

По итогам проведенного опроса были получены следующие результаты (табл. 1, табл. 2, табл. 3).

Таблица 1.

Распределение респондентов по возрасту

Возраст	Количество чел.	%
До 20 лет	11	6,79
От 21 до 30 лет	24	14,81
От 31 до 40 лет	68	41,98
От 41 до 50 лет	55	33,95
От 51 до 60 лет	4	2,47

Как видно из табл. 1, большую часть выборки составили обучающиеся в возрасте от 31 года до 40 лет (около 42%), следующую по количеству группу составили обучающиеся от 41 года до 50 лет (около 34%). Наименьшее количество респондентов попали в группы «до 20 лет» (около 7 %) и «от 51 до 60 лет» (около 3%).

Таблица 2.

Распределение выборов ответов на вопросы анкеты

	В1 (чел.)	В1 (%)	В2 (чел.)	В2 (%)	В3 (чел.)	В3 (%)	В4 (чел.)	В4 (%)	В5 (чел.)	В5 (%)
01	32	19,75	59	36,42	58	35,80	69	42,59	48	29,63
02	68	41,98	20	12,35	23	14,20	26	16,05	30	18,52
03	47	29,01	68	41,98	58	35,80	41	25,31	69	42,59
04	15	9,26	15	9,26	23	14,20	26	16,05	15	9,26
05	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Из табл. 2 следует, что открытый вариант ответа не был использован ни одним респондентом ни по одному из вопросов. Кроме того, отсутствовали нулевые выборы вариантов ответов. Эти факты в определенной степени могут свидетельствовать о содержательной и конструктивной валидности [1, с. 167] составленной нами анкеты.

Табличные данные по вопросу № 5 (В5) показывают, что роль «реципиент» отнесли к себе почти 30% опрошенных, роль «деятель» выбрали почти 19% опрошенных, роль «коммуникатор» - около 43% опрошенных, роль «новатор» - почти 9% опрошенных. Значимое количество респондентов, отнесших себя к обучающимся-«коммуникаторам», мы объясняем возрастными характеристиками большинства участников вопроса (75,93% от всех опрошенных составляют респонденты в возрасте от 31 до 50 лет) и накоплением в этом возрасте достаточного когнитивного, деятельностного и коммуникативного опыта. Следующую по количеству группу составили обучающиеся, выбравшие для себя роль «реципиент». Заметим, что именно на эту группу ориентирована традиционная модель обучения. Заметим также, что в силу иной ролевой самоидентификации *около 70% обучающихся нуждаются в нетрадиционных типах образовательных проектов: вариативных, диалогических, креативных.* Игнорирование этого факта приводит к неадекватности педагогического проектирования, ориентированного только на обучающихся-«реципиентов» и, как следствие, к отчуждению обучающихся (в нашем случае большинства обучающихся!) других функционально-ролевых групп в образовательном процессе.

Выборы предпочтительных характеристик обучения, соответствующих роли «реципиент» (01) обучающегося колеблются в диапазоне от 20% до 43%. Выборы, соответствующие роли «деятель» (02) находятся в границах от 12% до 42%. Выборы, связанные с ролью «коммуникатор» (03), обнаруживаются в пределах от 29% до 43%. Выборы, соответствующие роли «новатор» (04), образуют диапазон от 9% до 16%. Из этого

можно сделать вывод о примерной количественной соотносимости образовательных потребностей обучающихся, исполняющих ролевые функции «реципиент», «деятель» и «коммуникатор», и значительно меньшей по количественному составу группе «новатор». Сопоставление этой тенденции с распределением ответов по каждому из вопросов (B1-B5) также демонстрирует наименьшее количество выборов ответов, адекватных роли «новатор» (O4). Этот результат свидетельствует о том, что подготовка субъекта инновационных изменений – не массовый процесс, а индивидуальная работа с каждой личностью, нуждающейся в особых (максимально свободных) условиях образовательной среды.

Как было сказано, в рамках проведенного исследования нас интересовали также вопросы: насколько принятая на себя респондентом роль обучающегося релевантна (не умозрительна, подкреплена целеустремленностью) избранной им ведущей цели обучения? насколько согласованы между собой (а, значит, и достоверны) выборы, характеризующие образовательные потребности обучающихся? В поиске ответов на эти вопросы нами было посчитано количество опрашиваемых, демонстрирующих выборы ответов с одним и тем же номером на вопросы № 1 и № 5, а также давших более двух ответов с одинаковыми номерами на вопросы №№ 2, 3, 4. Результаты подсчетов представлены в табл. 2, табл. 3.

Таблица 3.

Совпадение целе-ролевых представлений

	Количество совпадающих выборов ответов на вопросы №№ 1, 5 (B1=B5)	%
O1	14	8,64
O2	15	9,26
O3	32	19,75
O4	6	3,70
Всего	67	41,36%

Результаты, представленные в табл. 3, свидетельствуют об осознанности и практической готовности выбора той или иной роли в обучении приблизительно у 41% опрошенных. Среди них наилучший результат (около 20%) отмечается у обучающихся, выбравших для себя роль «коммуникатор». Такой результат представляется объяснимым в силу того, что обучающиеся-«коммуникаторы» находятся на таком уровне личностного роста, когда они способны осознавать свою позицию и заявлять о ней.

Табл. 4 показывает, что образовательные потребности в отношении содержания и методики обучения совпадают по всем трем позициям (B2, B3, B4) более чем у трети опрошенных. Эти респонденты хорошо понимают, что им требуется в образовательном процессе, и демонстрируют логическое единство своих ответов. В совпадении потребностей по двум позициям из трех (таких обучающихся больше половины) тоже проявляются

преобладающие предпочтения обучающихся, но также видится небольшая изменчивость выбора функционально-ролевой линии (возможно, эти обучающиеся находятся в переходном состоянии от одной роли к другой).

Таблица 4.

Согласованность образовательных потребностей

	Количество совпадающих выборов		Количество совпадающих ответов на вопросы №№ 2, 3, 4 (B2=B3 или B2=B4 или B3=B4)		Всего	
	ответов на вопросы №№ 2, 3, 4 (B2=B3=B4)	%	попарно выборов	%		%
1	33	20,37	27	16,67	60	37,04
2	1	0,62	14	8,64	15	9,26
3	16	9,88	36	22,22	52	32,10
4	7	4,32	7	4,32	14	8,64
Всего	57	35,19	84	51,85	141	83,04

Если суммировать общее количество респондентов, у которых отмечаются согласованные образовательные потребности, то получится величина, превышающая 83%. Таким образом, у подавляющего большинства обучающихся образовательные потребности можно считать согласованными и соответствующими одной из четырех модельных ролевых позиций.

Резюмируя проведенное исследование, сделаем некоторые выводы:

1) апробированная в ходе опроса анкета может служить для педагогов практичным диагностическим средством дифференциации обучающихся на функционально-ролевые группы: «реципиент»; «деятель»; «коммуникатор»; «новатор»;

2) результаты проводимых по данной анкете опросов позволяют выявить преобладающие в данной учебной группе образовательные потребности обучающихся, а также особые образовательные потребности каждой из ее ролевых подгрупп;

при проектировании образовательного процесса, ориентированного на развитие личности обучающихся, необходимо предусмотреть четыре содержательно-методические линии, соответствующие образовательным потребностям каждой из ролевых групп и включающие требуемые им факторы макросреды.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб: Питер, 2006. 351 с.
2. Воронцов А.Б. Судьба учебной деятельности в подростковой школе: содержание, способы и формы // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 3. С. 56–69. doi: 10.17759/pse.2015200306
3. Дворянчиков Н.В., Калашникова Т.В., Печникова Л.С., Фролова Н.В. Использование электронного обучения в образовательном процессе: проблемы и перспективы // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 2. С. 76-83. doi: 10.17759/pse.2016210209
4. Королева Д.О. Использование социальных сетей для целей образования и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 1. С. 28–37.
5. Кудрявцев В.Т. Культура как самоотношение // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 113—128. doi:10.17759/chp.2016120307
6. Митин А.И. Развитие акмеолого-педагогических средств информатизации профессионального обучения государственных служащих (автоматизированные рабочие места): дисс. ... доктора педагогических наук. М., 2003.
7. Рубцов В.В. Культурно-историческая научная школа: проблемы, которые поставил Л.С. Выготский // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 4-14. doi:10.17759/chp.2016120301
8. Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Филимонов О.В. Социально-психологические факторы педагогики партнерства общества и полиции // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 4. С. 93–100. doi: 10.17759/pse.2017220413
9. Ульянина О.А. Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 61-76. doi: 10.17759/psylaw.2018080205
10. Ходякова Н.В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно развивающих образовательных систем: дисс. ... доктора педагогических наук. Волгоград, 2013.
11. Ходякова Н.В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно развивающего образования: методологические предпосылки и концепция:

монография. Волгоград: Перемена, 2012. 170 с.

12. Хухлаева О.В. Формирование психологического здоровья младших школьников: дисс. ... доктора педагогических наук. М., 2001.

Projecting Personality Developing Pedagogical Systems in View of Students' Educational Needs and Factors of Social and Cultural Macro-Environment

Khodyakova N.V., PhD (Pedagogy), professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Staff Training at the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs in Russia (Hodyakova@rambler.ru)

Mitin A.I., PhD (Pedagogy), professor at the Department of Applied Informatics and Multimedia Technologies of the Faculty of Informational Technologies at the Moscow State Psychological and Pedagogical University (mitin_ai@mail.ru)

Khukhlayeva O.V., PhD (Pedagogy), professor at the Department of Ethnopsychology and Psychological Problems of Multicultural Education at the Moscow State Psychological and Pedagogical University (Huhlaevaolga@mail.ru)

The issues of projecting personality developing pedagogical systems, such as underestimating the role of students' educational needs in educational projects and also underestimating impetuses and opportunities of social and cultural macro-environment are considered in the article. Subjective (needs and motives, aims, individual experience) and objective (demands, contradictions and risks, communicative and pragmatist opportunities of the environment) factors which influence personality development are named. The model of personality development in its interaction with educational environment – sequential changing student's role positions, his educational needs and necessary environmental conditions – is given. On the basis of this model the variant of a questionnaire which investigates students' educational needs, is suggested. The process of testing the questionnaire is described briefly. The results of questioning students of higher educational and further vocational educational institutions are given and analyzed. Practically significant conclusions for pedagogical projecting personality developing educational systems are made.

Key words: personality, personality development, educational need, social and cultural macro-environment, pedagogical projecting.

References

1. Burlachuk L.F. *Psikhodiagnostika [Psychodiagnostics]*. Saint Petersburg: Piter, 2006. 351 p.
2. Vorontsov A.B. Sud'ba uchebnoi deyatel'nosti v podrostkovoii shkole: sodержanie, sposoby i formy [Destiny of studying at school for teenagers: contents, means and forms]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 56–69. doi: 10.17759/pse.2015200306
3. Dvoryanchikov N.V., Kalashnikova T.V., Pechnikova L.S., Frolova N.V. Ispol'zovanie elektronnoogo obucheniya v obrazovatel'nom protsesse: problemy i perspektivy [Usage of electronic teaching in educational process: problems and perspectives]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 76-83. doi: 10.17759/pse.2016210209
4. Koroleva D. O. Ispol'zovanie sotsial'nykh setei dlya tselei obrazovaniya i sotsializatsii podrostka: analiticheskii obzor empiricheskikh issledovaniy (mezhdunarodnyi opyt) [Usage of social networks for aims of teenager's education and socialization: analytical review of empirical research (international experience)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2015, vol. 20, no. 1, pp. 28–37.
5. Kudryavtsev V.T. Kul'tura kak samootnoshenie [Culture as self-conception]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and Historical Psychology]*, 2016, vol. 12, no. 3. pp. 113—128. doi:10.17759/chp.2016120307
6. Mitin A.I. Razvitie akmeologo-pedagogicheskikh sredstv informatizatsii professional'nogo obucheniya gosudarstvennykh sluzhashchikh (avtomatizirovannye rabochie mesta). Diss. dokt. ped. nauk. [Developing acmeological and pedagogical means of informatization of public servants professional education (automatized work places)]. Moscow, 2003.
7. Rubtsov V.V. Kul'turno-istoricheskaya nauchnaya shkola: problemy, kotorye postavil L.S. Vygotskii [Cultural and historical scientific school: problems which L.S. Vygotsky stated]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and Historical Psychology]*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 4-14. doi:10.17759/chp.2016120301
8. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Filimonov O.V. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory pedagogiki partnerstva obshchestva i politzii [Social and psychological factors of pedagogy of partnership between society and police]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2017, vol. 22, no. 4, pp. 93–100. doi: 10.17759/pse.2017220413
9. Ul'yanina O.A. Psikhologicheskaya diagnostika v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018, vol. 8, no 2, pp. 61-76. doi: 10.17759/psylaw.2018080205

10. Khodyakova N.V. Situatsionno-sredovoi podkhod k proektirovaniyu lichnostno razvivayushchikh obrazovatel'nykh sistem. Diss. dokt. ped. nauk. [Situational and environmental approach for projecting personality developing educational systems]. Volgograd, 2013.
11. Khodyakova N.V. Situatsionno-sredovoi podkhod k proektirovaniyu lichnostno razvivayushchego obrazovaniya: metodologicheskie predposylki i kontseptsiya: monografiya [Situational and environmental approach for projecting personality developing education: methodological background and conception]. Volgograd: Peremena. 2012. 170 p.
12. Khukhlaeva O.V. Formirovanie psikhologicheskogo zdorov'ya mladshikh shkol'nikov. Diss. dokt. ped. nauk. [Forming junior students' psychological health]. Moscow, 2001.